

БОРЬБА ВСЕГО НАРОДА

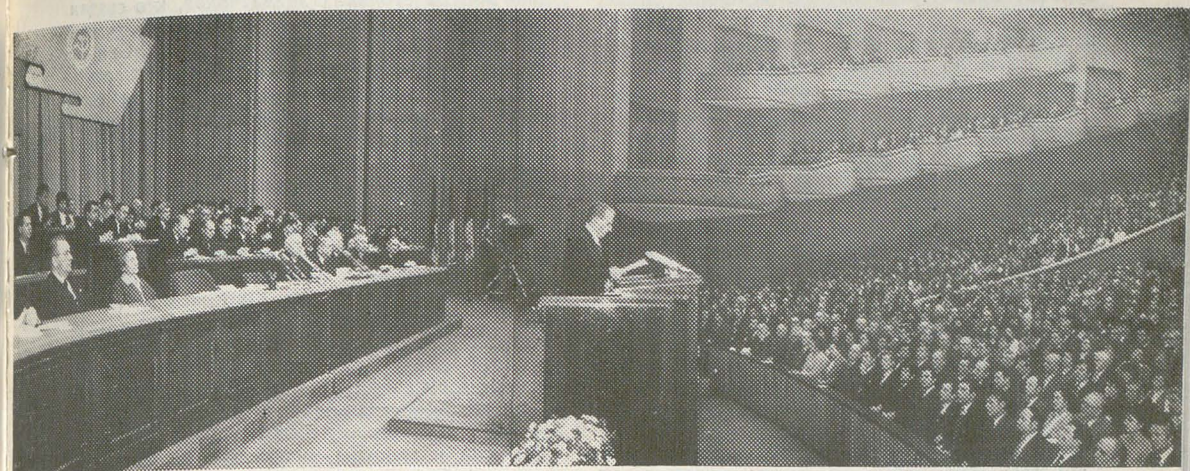
4 (18)
1988

СОДЕРЖАНИЕ

Редколлегия:

- ИЛИЕ ЧАУШЕСКУ
(председатель
Румынской
комиссии
по военной
истории)
- ГЕОРГЕ
АРЭДЭВОАЙЧЕ
- ИОН АРДЕЛЯНУ
- ГЕОРГЕ ЗАХАРИЯ
- КОНСТАНТИН
КЭЗЭНИШТЯНУ
- ФЛОРИН
КОНСТАНТИНУ
- ВАСИЛЕ МОКАНУ
- МИРЧА МУШАТ
- ШТЕФАН ПАСКУ
- ИОАН ТАЛПЕШ
- ГЕОРГЕ ТУДОР

- Произведения генерального секретаря Румынской коммунистической партии, товарища Николае Чаушеску в связи с закономерностью Великого Объединения от 1918 года — **д-р МИРЧА МУШАТ** 1
- Истина, целостность и достоинство истории — **проф. д-р ГЕОРГЕ ПЛАТОН** 4
- Объединение перед Великим Объединением
 - Гето-дакийское государство — исключительная историческая реальность в европейской античности — **д-р ИОН ХОРАЦИУ КРИШАН** 8
 - Дако-римский синтез: единство, непрерывность, постоянство — **проф. д-р ДУМИТРУ ВЕРЧУ** 11
 - Единый и единственный румынский народ по обе стороны Карпат и Дуная, преемник великой доблести и славных традиций его предшественников — **д-р ШТЕФАН ОЛТЯНУ** 15
 - Государственное единство в сознании и политических действиях румын в период средневековья — **ШТЕФАН ГОРОВЕЙ** 18
 - Михай Храбрый — *Restitutor Daciae* — **АЛЕКСАНДРУ ДИЦЭ** 21
 - Национальное единство — важнейшая цель политических программ века революций — **полковник КОНСТАНТИН КЭЗЭНИШТЯНУ** 26
 - Сопротивление румын чужеземному нажиму, вмешательству и угнетению — **д-р ВАСИЛЕ КРИСТИАН** 30
- 1918. Великое Объединение румын — Великая историческая справедливость
 - Объединение навека — **проф. д-р ДУМИТРУ АЛМАШ** 34
 - Свидетельства — *Собрание статей*, выполненное **АНДРЕЕМ ВУСУИОЧЕАНУ**, майором **ГЕОРГЕ ВАРТИК**, **АУГУСТИНОМ КИРИЛЭ**, **д-ром ДУМИТРУ ЗАХАРИЯ**, **ШТЕФАНОМ ЛАСКУ**, **подполковником И.К. ПЕТРИШАН**, капитаном III-го ранга **ИЛИЕ МАНОЛЕ** 36
 - 1918 год, год объективного утверждения права наций на свободное, самостоятельное развитие — **д-р ДОРИНА Н. РУСУ** 37
 - Великое Объединение 1918 года — дело всего румынского народа — **акад. ШТЕФАН ПАСКУ** 42
 - В национальных отрядах — «борцы за мир и свободу, язык, закон и отчизну» — **д-р ЛИВИУ МАЙОР** 49
 - Международное подтверждение великого румынского объединения 1918 года — **д-р ИОН АРДЕЛЯНУ** 52
- Коренные истины национальной истории. Объединение румын в 1918 году, осуществление объективной исторической закономерности, важное событие всемирной истории — **генерал-лейтенант д-р ИЛИЕ ЧАУШЕСКУ** 56
- Основы румынской военной доктрины. Единство всей нации в борьбе за защиту единого национального румынского государства в 1919 году — **полковник д-р ГЕОРГЕ ТУДОР** 63
- Великие битвы. Посада, 9—12 ноября 1330 г., блестящая военная победа решающего значения для утверждения румынской государственности. Куликого, 8 сентября 1386 г. — **полковник д-р ВАСИЛЕ АЛЕКСАНДРЕСКУ**, **СЕРДЖИУ ИОСИПЕСКУ** 67
- Великие полководцы — **АДРИАН ПАНДЯ** 72
- Памятники объединения румын — **д-р ФЛОРИАН ТУКЭ**, **МИРЧА КОЧУ** 74
- Пояснения. Отношения.
 - Фальсификация и опорочивание не могут изменить неумолимую историческую реальность Великого Объединения от 1918 года — **д-р ФЛОРИН КОНСТАНТИНУ** 77
 - Реабилитация Хорти?! — **д-р КОНСТАНТИН БОТОРАН** 79
- Историческая книга — **д-р ФЛОРИН КОНСТАНТИНУ**, майор **СИМИОН БОНКУ**, капитан **ГАВРИЛ ПРЕДА** 84
- До сведения Румынской Комиссии по военной истории — **майор д-р МИХАИЛ Е. ИОНЕСКУ**, капитан **ИЛИЕ СКИПОР** 95

С горячим пафосом любви к стране товарищ Николае Чаушеску выражает с трибуны Национальной конференции партии необходимость того, чтобы каждый гражданин родины выполнял свой долг здесь, на земле своих предков, верно, в любых обстоятельствах служил народу, защищал независимость и суверенитет социалистической Румынии.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ РУМЫНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ТОВАРИЩА НИКОЛАЕ ЧАУШЕСКУ В СВЯЗИ С ЗАКОНОМЕРНОСТЬЮ ВЕЛИКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 1918 ГОДА

Д-р МИРЧА МУШАТ

Фундаментальная и постоянная координата истории Румынии, закономерный результат эволюции румынского общества — борьба за национальное единство и независимость была многовековым идеалом и стремлением румынского народа. Эта борьба стояла на гранитных основах развития румынского народа, берущего свое начало как одно целое на древней земле Дакии и всегда имевшего одну и ту же родину.

С давних времен румынский народ развивался в непрерывной конфронтации со всякого рода препятствиями и трудностями, с бесчисленными невзгодами и историческими прератностями. Набеги кочевых народностей, веками совершавшиеся на нашу родину, позиция на перекрестке столкновения соперни-

чающих интересов крупнейших империй Европы — османской, габсбургской и царской, — опустошительные войны на территории румынских стран, уничтожение или ограбление несметных материальных и духовных ценностей — все это, а также временами раздел румынских стран между империями того времени, значительно задержали социально-экономический прогресс румынского народа. Но несмотря на тяжелые бури истории, он — одной рукой управляя плугом, а в другой держа меч — сохранил свою этническую и государственную сущность, решимость быть объединенным, свободным и полным хозяином собственной страны.

На протяжении веков сознание общего происхождения, единства нации и исторической

судьбы, преемственности на исконной земле, на которой он сформировался и с которой всегда чувствовал себя неразрывно связанным, служило мощной поддержкой в борьбе народа за сохранение своей национальной сущности, за свободу, восстановление единого национального государства. Это сознание было заложено в основу мужественного сопротивления народа, никогда не покидавшего своего этнического очага и отважно отбивавшего волны захватчиков — от кочевых народностей и до великих экспансионистских империй средневековья, новой и современной эпохи. «Опираясь на исторические факты», — подчеркивает товарищ Николае Чаушеску, — мы можем утверждать, что наш народ сформировался и жил на протяжении тысячелетий в карпато-дунайском пространстве, что каждая пядь земли и каждый камень здесь орошены потом и кровью наших предков. В самые тяжелые времена наши предшественники не покинули землю, на которой они родились а, слившись с нею, с горами и равнинами, реками и вековыми дремучими лесами, непоколебимо оставались в этих краях, защищая свою сущность, право на свободную жизнь».

Как известно, государство под руководством Буребисты и Децебала вело тяжелые битвы за сохранение своей сущности. После героического сопротивления римской экспансии продолжительное совместное проживание даков и римлян на территории Дакии наложило яркий отпечаток на характер и моральный облик нашего народа. «Он сохранил от даков неугасимую жажду свободы, — подчеркивает товарищ Николае Чаушеску — решимость не терпеть чужеземного гнета, всегда оставаться самим собой, единственным хозяином своей жизни и судьбы и продолжал рациональность, здравомыслие и творческую страсть римлян. Так складывалась на протяжении почти двухтысячелетнего существования героическая, беспокойная и великая историческая судьба возникшего в мире нового румынского народа, который мощно и непрерывно развивался и утверждался в концерте народов, а ныне — наций мира».

Тем, кто сошел с научного пути, сформулировал порочащие и псевдонаучные оценки относительно преемственности румын на земле родины, блестяще ответил товарищ Николае Чаушеску. «Сегодня некоторые историки — отвечает генеральный секретарь партии — пытаются отстаивать теорию, согласно которой в определенный период в карпато-дунайском пространстве существовала некая пустота. Полагаю, что на это они давно получили ответ. Во-первых, наиболее передовые и образованные люди тех времен ответили на это, говоря о гителях и воеводствах, существовавших в карпато-дунайском регионе, — и думаю, они были более осведомлены, чем ныне нынешние историки, пытающиеся показать себя всезнающими и отрицать то, что является результатом исторического развития. Ответ на это дают Мирча, Штефан Великий, Иоан Хунедарский, Михай Храбрый, дают ответ те, кто разбил Баязида, кто стоял гру-

дью против стольких захватчиков, кто создал первое централизованное государство румын Валахии, Молдовы и Трансильвании. Они не пришли откуда-то со стороны, не свалились с неба, они родились и жили здесь, на этой земле и защищали ее своей кровью». Человеческий фактор этих краев сохранил сознание общего происхождения, единства нации и языка, поддерживал контакты между горными, равнинными и холмистыми районами, дополнявшие друг друга экономикой трех румынских провинций, заключенные ими союзы, которым благоприятствовал фактор взаимного притяжения, каким было сознание национального единства, общие военные действия в целях защиты их независимости объясняют, как решительный отпор экспансионистским тенденциям Королевства Венгрии, Королевства Польши, Османской империи, Габсбургской империи, Царской империи, так и героизм вооруженных народных масс, храбрость ряда воевод, ставивших выше всего свободу и независимость родины. Таким образом, укоренение общих экономических и боевых традиций и стремление к воссоединению стали неповторимыми чертами, главнейшими координатами жизни нашего народа. «Борясь с опустошительными бурями, — говорит товарищ Николае Чаушеску, — выдерживая все превратности, он внес ценнейший вклад в защиту цивилизации этой части мира, в борьбу народов против захватчиков. Румынский народ, сохраняя неугасимым факел идеала свободы и независимости, на протяжении своей тысячелетней истории показал примеры героизма и самоотверженности». Румынские страны, благодаря их героическому сопротивлению захватническим королевствам и империям, не могли быть покорены силой, они сохранили свою автономную государственную сущность.

Защищая свою собственную независимость или оберегая в определенный период государственную автономию, румынские страны долгое время срывали наступление захватчиков, играя в основном роль защитников Европы. Усилия трех румынских стран в этом направлении обеспечили западу и центру континента передышку для создания средств, необходимых экономическому и культурному прогрессу. «В то время, как большая часть достояния нашего народа, — говорит товарищ Николае Чаушеску, — попадала в руки чужеземных эксплуататоров и угнетателей, а страна была обескровлена, мучаясь в лишениях и нищете, западные государства, вступившие на путь капитализма, развивали индустрию, воздвигали очаги культуры и науки, решительно шли по пути цивилизации».

Румыны всегда живо хранили сознание своего единства, сознание, вызванное тем, что язык, костюм, традиции и верования, образ жизни, характер у них были одинаковы. Исконные границы, навязанные в ту или иную эпоху великими империями или королевствами, не смогли стать препятствием в едином утверждении идей и традиций, поскольку постоянно была явной общность стремлений к единству и свободе всех румын,

независимо от чужеземного господства, под которыми они находились. Как отмечает товарищ Николае Чаушеску: «Сохранение этих связей и общностей было бы невозможно, если бы между всеми этими территориями, между всем, заселяющим их тысячелетиями населением не было тесного единства со всех точек зрения».

Тенденции создания единого политического организма, способного сорвать враждебные акции соседних держав, нашли яркое выражение в Объединении Мунтении с Трансильванией и Молдовой под политическим скипетром господаря Михая Храброго в 1599—1600 годах. 27 мая 1600 года он называет себя с достоинством исторического права: «Господарь Румынской страны, Ардяля и вся Молдовы». Храбрый господарь отдавал себе отчет в том, что независимость и защита государственной сущности — единой для всех трех румынских стран — невозможны без политического единства, угроза в адрес одной из них служит причиной озабоченности за две другие. Но сопротивление великих держав того времени временно уничтожило политическое дело Михая Воеводы. Осуществление, даже кратковременное, единства, оказало воздействие на дальнейшую политическую эволюцию именно потому, что отвечало глубокому историческому требованию. Совершенно справедливо Николае Йорга писал: «После Михая Храброго ни один румын не мог думать об объединении без его яркой личности, без его, поднятого к небу справедливости меча». Имя и политическое дело великого господаря будут отмечены потомками как пункты опоры в доказательстве этой необходимости. «Румынский народ, — подчеркивает товарищ Николае Чаушеску, — никогда не переставал стремиться к цели объединения».

Переняв политическую программу фундаментального значения, оставленную первым политическим объединением румынских стран, осуществленным под скипетром Михая Храброго, поколения XVII и XVIII вв. продолжают борьбу за национальное и государственное единство. «Особое значение для научного обоснования идеи национального единства народа, этнического происхождения и языка всех румын, — отмечает товарищ Николае Чаушеску, — имели летописцы и книжники нашего народа всех трех провинций». В политических обстоятельствах тех веков, гуманитарные идеи общего происхождения нашего народа выдвигали Григоре Уреке, Мирон Костин, Ион Некулче, Константин Кантакузино, Дмитрий Кантемир и другие. В конце XVIII в., после разгрома народной революции под руководством Хории, Клешки и Кришана, суть национальных программ румын доказывала историческое право трансильванских румын на землю своих дедов и прадедов, их тысячелетнюю преемственность в этих древних краях, что предполагало требование румынского политического единства и требование национальной свободы на основе нового принципа самоопределения. Во время битв народных масс под руководством Хории, Клешки и Кришана было ясно выражено

стремление «объединиться со страной», причем идея Дако-Румынии завоевывала все более широкую почву. Затем «Стремление румынского народа к объединению — подчеркивает товарищ Николае Чаушеску — особенно мощно проявилось в ходе революции 1848 года, которая вспыхнула почти одновременно во всех румынских княжествах, вдохновляемая теми же идеалами и требованиями. Великий патриот Николае Бэлческу говорил: что «после свершения этой революции нам еще оставалось осуществить две другие революции: революцию во имя национального единства и позже — во имя национальной независимости, чтобы нация смогла таким образом вновь полностью обрести свои естественные права». Последовало объединение в 1859 году Молдовы с Мунтенией и война за независимость 1877—1878 годов, в которой с волнующей национальной солидарностью приняло участие большое число трансильванцев.

Благородные идеалы единства и независимости, решительно провозглашенные и осуществленные в XIX в. и имевшие глубокие и благоприятные последствия во всех планах для румынской нации в целом, служат предпосылками осуществления исторического акта от 1 декабря 1918 года и являются неотвратимой необходимостью, закономерным ответом на непрерывный и мощный призыв прошлого. Великое Объединение 1918 года — это результат борьбы, фундаментальной отличительной чертой которой был ее массовый характер. Это поворотное историческое событие — во главе рабочих, крестьян, интеллигенцию, передовые круги буржуазии, основные социальные классы и слои — отметило исторический процесс восхождения и утверждения румынской нации. «Вот почему — считает товарищ Николае Чаушеску — никто, кроме народа, не может претендовать на то, что он является творцом объединения. Анализ событий красноречиво свидетельствует о том, что создание единого румынского национального государства было не результатом соглашений, заключенных за столом переговоров, а плодом борьбы всего народа, движимого вековым стремлением к единству, решимостью претворить в явь мечту, за которую боролись и жертвовали собой многие поколения предшественников».

Одновременно с формированием единого румынского национального государства в центре и на юго-востоке Европы были созданы и другие независимые государства: чехословацкое, польское, австрийское, югославское. В рамках этого процесса была создана и Независимая Венгерская Республика. После войны, в 1919—1920 годах, Румыния приняла участие в Парижской мирной конференции как страна, принесшая в годы первой мировой войны высшие человеческие и материальные жертвы, соблюдавшая взятые на себя обязательства, что было отмечено и видными политическими деятелями международной жизни.

Неоднократное признание великими державами Антанты принципа самоопределения народов и законного права румынского народа

на национальное и государственное единство, утверждение высших принципов равенства и справедливости, которые предстояло заложить в основу послевоенной организации мира, все это способствовало повышению веры Румынии и других малых и средних государств в дело, которое предстояло свершить Мирной конференции. Тем более, что Румыния выносила на официальное признание этого международного форума исторические решения румынского народа, торжественно и окончательно провозглашенные в 1918 году на собраниях представителей широких народных масс в Кишиневе (27 марта/9 апреля), Черновицах (15/28 ноября) и Алба-Юлии (18 ноября/1 декабря). Поэтому не Парижская мирная конференция создала воссоединенное румынское государство. Это уже свершил румынский народ. Конференция была призвана юридически закрепить новый территориальный и политический статус путем признания принципа национального самоопределения. На этот раз румынский народ ставил международное сообщество перед лицом свершившегося факта, как в 1859 и 1877 годах.

Итак, Мирной конференции не предстояло преподнести Румынии «подарок», она должна была закрепить основное требование исторического права, решительно представленного перед лицом всего мира так, что даже самые непримиримые противники румынского народа должны были понять это фундаментальное требование истории. Для осуществления этого требования Румыния вступила в первую мировую войну, превратив свое участие в войну всего народа. Именно поэтому великие державы не могли игнорировать фактическое положение вещей в этой части Европы, где на руинах бывших империй были созданы единые национальные государства.

Программа созданной в начале 1919 года

в Париже Мирной конференции превращала по своему значению для народов все предыдущие конгрессы и конференции. Мир должен был, в интересах всех, помешать любой возможности политической, экономической или военной гегемонии, претворить в жизнь принципы национального самоопределения, признать ново-созданные государства.

В перспективе истории великие свершения румынского народа, реализованные в 1918 году и их подтверждение решениями Мирной конференции, еще ярче выявляют тот факт, что Румыния не была среди тех, кто стремился получить выгоду от мира, реализованного по доброй воле победителей или выиграть в войне по воле случая, а была живым, динамичным выражением румынской нации, вековых стремлений народа, исполненного решимости жить объединенно, свободно и независимо на земле своих дедов и прадедов. Отмечая исторические обстоятельства завершения этого процесса, товарищ Николае Чаушеску говорил: «Ход исторических событий самым категоричным образом демонстрирует, что объединение было не эффектом случая, плодом простой благоприятной конъюнктуры или договоренностей, достигнутых за столом переговоров, а результатом решительной борьбы самых широких народных масс, актом глубокой национальной справедливости».

Создание единого румынского национального государства обеспечило национальные и социально-экономические рамки для развития новой Румынии, оказало положительное воздействие на всю экономическую, политическую и социальную эволюцию страны во имя ее утверждения на международной арене, как единое, суверенное государство, движимое желанием сохранить мир и сотрудничество между народами.

ИСТИНА, ЦЕЛОСТНОСТЬ И ДОСТОИНСТВО ИСТОРИИ

Проф. д-р ГЕОРГЕ ПЛАТОН

«Кто не знает, что первым законом истории — это не сметь говорить неправду, но и не избегать говорить истину?»

(Цицерон)

Избегая опасности узкой, деформированной специализации, следствием которой может быть погружение западной цивилизации «в жестокое техническое варварство», Г. Ж. Марру и, вместе с ним, многие другие историки наших дней, высказываются за написание «на фронтисписе наших Пропилей» (тех, которые ведут к историографии) изречения Платона:

Тот, кто не философ — кто не размышлял сначала о природе истории и о положении историка — не должен сюда входить»¹. Остро ощущаемая теперь необходимость философского сознательного и критического размышления о сложной теоретической и методологической проблематике исторической науки, органически вытекает из многих требований нашего времени, — на границе к новому тысячелетию, — из огромного развития техники, из напряженности, порождаемой множеством, остротой и разнообразием существующих контрастов, из сомнений, беспокойства и забот о будущем.

История наших времен должна соответствовать этим требованиям; должна формулировать вопросы и давать ответы, в которых сегодня и завтра нуждаются люди. Поэтому История все более полно ориентируется — раскрывая и пересматривая свое содержание и методологию — в направлении *тотальности*. Более чем когда-либо, историография, независимо от политической или философской концепции, исповедуемой ее служителями, имеет шанс и средства пояснить мир в глобальном, интегрирующем видении. Но это облагает обязанностью, побуждаемой и сформулированным французским историком предупреждением — использовать все шансы путем применения всех указанных нашими временами средств и методологий, на защиту целостности и достоинства истории, путем неуклонного провозглашения *истины*.

Усвоенное во всем его огромном значении изучение Ювенала — *Vitam impendere vero* — стало нормой поведения в деятельности профессии историков. *Истина* — этот «такой же скромный атрибут как и свет», «утверждающийся непосредственно и не допускающий препятствий» — является основным условием познания. «Подлинное исследование — говорит об этом Карл Маркс — это раскрывающаяся истина»².

Естественно, историческое познание и, следовательно, историография каждой эпохи, определяются, в числе прочих факторов, принятой философской концепцией, доступной информацией, образом вопросительности фактов, культурной деятельностью и пр. Текущие неразрывности отражаются на нем, придавая ему характерную расцветку³. Из этого положения зарождается необходимость того, чтобы, соблюдая истину, каждое поколение восстанавливало историю в соответствии с собственным представлением о прошлом, с его стремлениями и надеждами, в присущих им видении и кругозоре. Но новое строительство не осуществляется только на руинах предыдущих поколений; оно опирается на их положительные достижения⁴. Таким образом, история — то есть ее отражение в историческом описании — никогда не бывает завершенной, окончательной; она является процессом, ее истины имеют совмещающий, дополняющий характер⁵.

В связи со спецификой развития румынской историографии, с самого начала необходимо иметь в виду тот факт, что: как было замечено, ориентация наших многих ученых на историю, «не столько была победой способностей, сколько необходимостью, вытекающей из характерных условий национальной жизни. Писательская деятельность не была для них «искусным развлечением», простой игрой разума, а посмол, адекватным ответом на требования эпохи. Таким образом, историография вытекала не столько из необходимости познания, — все же утверждаемая наиболее известными представителями, — сколько из патристических велений, а ее развитие к более спокойной сфере чисто научного интереса не было оторвано и практически не может быть никогда оторвано от идеи защиты националь-

ного идеала»⁶. Румынские историки — крупные представители нашей культурной жизни, в то же время, еще раньше поняли, что история одного народа нужно защищать одновременно с землей и достоинством ее духовных ценностей. Борьба с оружием в руках за права нации сопровождалась борьбой историков против лжи. Как уже говорилось, историки представляли «наш второй дипломатический корпус»⁷, будучи достойными носителями национальных интересов.

Боевитость была одной из основных черт румынской историографии. Конечно, не случайно продолжая описание гуманистов, но и в перспективе, открытой политическим единством, осуществленным в 1600 году Михаем Храбрым, последующих затем планов о единстве, XVII век — *золотой век румынской культуры* — открыл путь историографии. Произведения Мирона Костина — одного из наиболее представительных ученых — отражают наиболее активное боевое сознание. «Победила мысль» писать историю своей страны, признается историк, из желания устранить «небылицы» и «оскорбления», которые были нанесены румынскому народу интерполяциями, включенными в летопись Григоре Уреке. В начале «века света» Димитрие Кантемир, в свою очередь, считает исторические описания как способ «справедливо и неустанно» послужить стране. Целью его «усилий» является история румын в целом. В это направление знаменательным образом вписываются его наиболее представительные произведения. «Душа не может найти себе отдыха» — признается он о своем кредо — «пока не установит истину». Истину, которая оправдывает веру в судьбу своего народа, «развеянные пряди» которой он желает видеть объединенными в мощный пучок⁸.

Известно, что в XVIII веке центр румынской национальной политической и культурной деятельности переместился в Трансильванию. В этом святилище духовного характера народа, на основе накоплений XVII века, Ардэльская школа определяет, в глубоко боевом духе, составные части национальной идеологии. Румынская историография, являющаяся национальной репликой на чужеземные произведения, которые опорочивали румын, играет важную роль в достижении этой цели. Не простой случайностью является тот факт, что теперь, когда румынская нация стала действительностью, утверждая свою идеологию, политический выбор и стремления посредством *Supplex-a* и порожденного им движения, а также и социальные размеры в результате революции Хорьи, зарождаются теории, отвергающие постоянство румын, их право на землю прадедов. И на этот раз румынские исторические произведения были поставлены на службу защиты и развития национальных интересов. Петру Майор в своем известном произведении *История о началах румын в Дакии* (1812) отмечает полемический, вовлекающий характер своего произведения. Он описывает исторические события «согласно истине», восставая против тенденциозных утверждений некоторых иностранных писате-

лей, «считаящих, что весь мир обязан верить их химерам; более того, в течение некоторого времени — указывает он далее — как чешет осел без, они заимствуют одни от других клевету, без никакого исследования истины, отдают в печать, и чем больше румыны молчат, ничего не отвечая на клеветническую ложь, тем больше они клеветуют и насмеваются над ними»⁹.

Произведения Михаила Когэлничану — цenzурируемые и они «вечной истиной» — и произведения Николае Бэлческу, оба являясь основоположниками современной румынской историографии, не уклоняясь от истины, занимаются тот же рубеж защиты национальных интересов в то время, когда нация всеми силами была вовлечена на путь возрождения, единства, независимости и модернизации румынского общества. Люди этих времен были людьми тотального склада; они писали и творили историю, способствуя своим гражданскими делами и описаниями развитию национального сознания, популяризации во всем мире румынской действительности и румынских ценностей, будучи посланцами, а также и защитниками национальных интересов.

А. Д. Ксенопол выразил свои убеждения ученого-гражданина, историка, в монументальном труде *История румын от Траяновой Дакии*, а также и в ответе на теорию Рёслера, который пытался возродить теорию переселения, со всеми ее увлечениями, ущемляющими историческую истину. Движимый «необходимостью раскрытия истины», что является высшей целью историка, убежденный, что понимание своей собственной истории обеспечит народу «долгую жизнь в человечестве» и его участие в «победах цивилизации», историк выражает радость, что он написал свою историю, ни на миг не отказываясь от своих научных убеждений. Никогда я не находился «в неприятной дилемме, признается он, бросить на весы историческую истину, либо интересы моего народа»¹⁰. «Я никогда не посмел, добавляет он, разорвать саму эту истину, когда она служила чувству. Будущее страны, выражал он свое убеждение, нельзя было бы прочно установить на эту узкую полосу земли, где не имевшие места народы уничтожают и поглощают друг друга, а лишь на основы истины» (подчеркнуто нами)¹¹.

Николае Йорга — тот, для кого в описании истории *истина* «должна была занимать первое место»¹², сумел сделать то, что было целью его предшественников: установить место и роль румын во всемирной истории¹³, дать выражение стремлениям румынского народа к универсальности, к тотальности. Целью Всемирной истории ученого — произведения, достигшего высшей точки в мировой практике¹⁴, было выявить те моменты в истории человечества, когда оно было объединено во имя высших ценностей. В концепции Николае Йорга, как и в концепции Василе Пырвана, при посредстве истории, «самосознание человечества как одного целого» — человек переживает всю жизнь про-

цлого, может найти неосцененный клад опыта и богатства человечества, может стать лучше, счастливее.

Мы отметили эти факты, не настаивая на них, чтобы хотя бы подчеркнуть два важных момента по интересующему нас вопросу. Во-первых, необходимо принять во внимание гуманистическую традицию, в духе соблюдения истины и основных ценностей человечества, сотрудничества, унаследованные, хранимые и развиваемые ныне современной румынской историографией, когда нация так ясно определила свою сущность и стремления. Во-вторых, не лишен значения тот факт, что тоже теперь, в мире, в котором неустанно утверждаются принципы мирного сосуществования, сотрудничества и взаимного уважения, кое-где были возрождены, упрочены и актуализированы старые осужденные историей теории; что снова ставится на повестку дня вопрос нашего этно-культурного тождества. Так, опровергаются сами основы нашего исторического существования, национального единства. В этом смысле указывается, что якобы нет связи постоянства между гето-даками, римлянами и румынами, что румыны якобы переселились в собственную страну, прийдя с юга Дуная, что объединение 1600 года было авантюристским актом, результатом вооруженного завоевания. В равной мере отмечается прогрессивная роль многонациональных империй в данном районе, в то время как создание на их руинах единых национальных государств представляется как упадок и пр. Кто читает, например, так называемую *Историю Трансильвании*, изданную Венгерской академией, то без труда констатирует меру, в которой в исторической литературе такого рода игнорируется *научный дух и критерий истины*.

Естественно мы рады, когда члены нашей профессии, движимые интересом, увлечением или под импульсом желания исторического познания, склоняются на румынской историей. Из ее глубин выявляется богатый жизненный опыт, опыт сотрудничества, дух терпимости, которые могут обогатить сокровищницу человечества, могут служить современному интересу познания и сотрудничества. Но, как уже указывалось, отказать народу в его истории, сознательно исказить ее, не менее опасно чем ограбление его территории и отнятие средств к существованию. «История является неотъемлемым достижением и следует рассматривать ее серьезно, с уважением к любому стремлению к лучшему»¹⁵. Уважение к историческому наследию народа полностью согласуется с принципом, требующим дать каждому, то, что ему принадлежит¹⁶. Это — способ борьбы за достоинство истории, соблюдения историческую истину и исторические ценности.

Достигнув этого пункта подобает, чтобы мы остановились на, как нам кажется, важном факте по интересующей нас проблематике. Суждения, лежащие в основе операции мистификации данных национальной истории чужды и противоречат научному духу и научной истине. Они не принадлежат политике вообще, а «определенной политике». Отношение между

истории и политикой ясное определено в поле историографии. Синтагма В. Бауэра — *История — это политика прошлого, а политика — это история настоящего* — понимается, особенно теперь как подлинное значение. Политика и история должны сотрудничать, а не смешиваться. Политика выявляет свою программу путем обращения к истории и усиливает свое идеологическое крепление посредством ссылки на прошлое¹⁷. Подобная дополняемость выявляется еще больше в содержании румынской историографии, политическая боевитость которой была одной из ее отличительных черт.

Она все ярче иллюстрируется в обстоятельствах, в которых история — в специфичности нашего нового общества — стала мерой современной жизни. На арене нашей политической жизни, в духе общих ценностей человечества, в соответствии с национальными ценностями, эти две действительности история и политика, неуклонно действуют за развитие неотъемлемых интересов румынского народа. Политический фактор, своим авторитетом и престижем, выдвигает историческое исследование, так как истина истории находится в полном соответствии с национальными стремлениями. В этом отношении позиция главы нашего государства является образцовой. Она в то же время придает суть и историческому исследованию, предоставляя историческому аргументу удельный вес и политическую ценность в смысле национального милитантизма. Постоянное утверждение необходимости описания истории такой, какой она была, является ясно утверждаемым выражением защиты истины, соблюдением строгой связи между историей как наукой и политикой. «История — как указывает генеральный секретарь партии — должна отражать весь процесс революционной борьбы в его сложности, исходить из научного анализа общественной действительности, изображать факты не в зависимости от субъективных желаний людей, от политических нужд данного момента, от конъюнктурных критериев, а так, как они происходили, в соответствии с правдой жизни»¹⁸.

Многочисленные оценки и призывы, справки подлинной научной и методологической ценности выявляют линии сотрудничества, в рамках которого историография и историческое исследование имеют упроченный статус, занимают привилегированное место.

В своей тенденции к глобальности, к тотальности, история наших дней не может отказать от специфичностей, которые ее составляют и которые предоставляют ей материю, постоянно оживляя ее. Мы разделяем кредо нашего собрата, который считает, что, подобно экологистическому движению, порожденному тенденцией обеспечить чистоту среды, которой грозит избыточная индустриализация, — необходимо движение, которое, быть может

должно касаться и науки истории, которая «не менее важна для судеб человечества»¹⁹, обеспечить ей *достоинство и целостность* путем усилий к пониманию, путем выражения *истины* в ее глубоко человеческих вовлечениях и значениях.

История, как ясно утверждал Марк Блох в своем последнем труде, подлинном профессиональном кредо великого гражданского сознания, — это огромный опыт человеческого разнообразия, длинная встреча людей. Жизнь, как и сознание, только выигрывает, если эта встреча останется братской²⁰. Не иным является и должно остаться наше убеждение, убеждение всех.

- 1 H. J. Marrou, *De la connaissance historique*, Editions du Seuil, Paris, 1959, p. 10 și urm.
- 2 Marx-Engels, *Despre literatură și artă*, București, 1953, p. 539—540.
- 3 Al. Zub, *Biruit-au gindul*, Iași, Editura Junimea, 1980, p. 222 și urm. și *passim*.
- 4 Ch. Samaran, *L'histoire et ses méthodes*, Paris, 1961, p. IX.
- 5 Adam Schaff, *Istorie și adevăr*, Editura Politică, București, 1982, p. 314, 321.
- 6 Al. Zub, *op. cit.*, p. 233.
- 7 Ilie Minea, *Adevăr și neadevăr relativ la istoria românilor*, Iași, 1932, p. 12.
- 8 Apud Al. Zub, *op. cit.*, p. 52, 56—57.
- 9 В связи с румынским вопросом в сознании современников и полемические дебаты, см. Ladislau Gyémánt, *Miscarea națională a românilor din Transilvania 1790—1848*, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1986, p. 60 și urm.
- 10 A. D. Xenopol, *România și Austro-Ungaria*, Iași, 1914, p. 9.
- 11 Idem, *Nicolae Kretzulescu*, București, 1915, p. 146.
- 12 N. Iorga, *Generalități cu privire la studiile istorice*, Ed. a III-a, București, 1944, p. 36.
- 13 N. Iorga, *La place des Roumains dans l'histoire universelle*, publiée par Radu Constantinescu, postface de Virgil Cândea, Editions Scientifique et Encyclopedique, București, 1980.
- 14 Dan Zamfirescu, *N. Iorga. Etape către o monografie*, Editura Eminescu, București, 1981, p. 107.
- 15 Al. Zub, *op. cit.*, p. 351.
- 16 *Ibidem*, p. 352.
- 17 *Ibidem*, *passim*.
- 18 Nicolae Ceaușescu, *România pe drumul desăvîririi construcției socialiste*, vol. 1, Editura Politică, București, 1968, p. 338.
- 19 Al. Zub, *op. cit.*, p. 353—354.
- 20 Marc Bloch, *Apologie pour l'histoire*, préfacé par Georges Duby, Armand Collin, Paris, 1974, p. 121.

ГЕТО-ДАКИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ

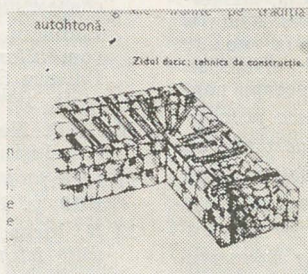
Д-р ИОН ХОРАЦИУ КРИШАН

Очень мало народов античной истории Европы, кроме греко-римского мира, который достиг бы высшей стадии развития: государственной. Среди них числятся и гето-даки.

Геродот, говоря о Замолкисе, упоминал «*принципалов*» страны. Софокл, современник Геродота, упоминает *Карнабона*, «правившего гетами». Афиней сообщал о бракосочетании Филиппа II Македонского с Медой, дочерью царя *Котелоса*, который правил где-то на юге *Даная*. В 339 г. до н.э. говорилось о «царе истрицев», который противостоял проникновению скифов во главе с Афесом. Царь *Дромикет* в 292 г. до н.э. сражался с Лисимахом. Один *местный правитель на севере Молдовы по имени Москон*, носивший титул *басилея* (василевс), в III в. до н.э. чеканил монету по эллинистической модели. В III—II вв. до н.э. эпиграфические документы, обнаруженные в Истрии, сообщали о *царях гетов Залмодеджикосе и Ремаксосе*. Вполне понятно, использование титулов, как *басилей* еще с V в. до н.э. и затем часто встречаемое в последующих столетиях, не случайно. Оно служит отражением социально распавшегося общества, с правя-

щей верхушкой, аристократией и простолюдинами.

Естественная эволюция гето-дакийского общества, поступательное развитие которого можно проследить археологически — и это было сделано многочисленными исследователями за последнее время, — привела в начале I в. до н.э. к формированию господствующих социальных про-

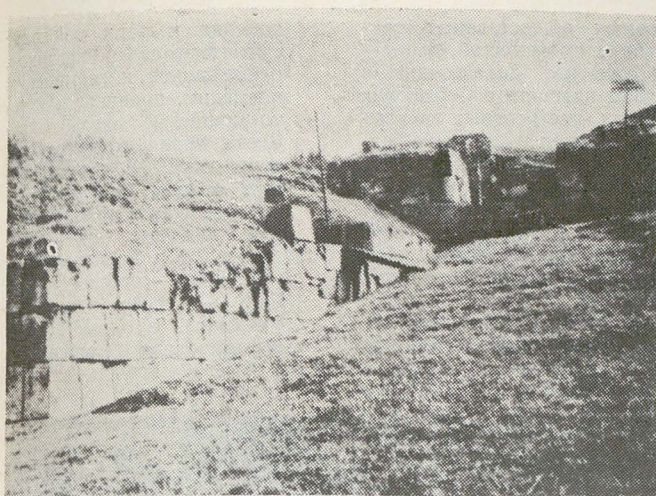

Murus dacicus, свидетельство архитектурных достижений дакийской цивилизации.

слоек и массы производителей материальных благ. Это вытекает и из текста Страбона. Безусловно, более емкий текст относительно структуры гето-дакийского общества принадлежит Иорданесу, утверждавшему, что «*родовитые вначале назывались tarabostes, а затем pilleati*». На основе этого текста еще в прошлом столетии сфор-

мулирован вывод, что гето-дакийское общество было разделено на благородных (*pilleati*) и простолюдинов (*comati*). В то же время нельзя исключить существование рабов патриархального типа, имевшихся во всех античных обществах. По всей вероятности речь идет о военнопленных или об утративших свободу из-за сделанных долгов.

Из всего отмеченного вытекает вывод, что процесс разделения на социальные классы гето-дакийского общества начался по крайней мере в V в. до н.э. и что он постепенно углублялся, а в начале I в. до н.э. привел к кристаллизации социальных классов, к формированию господствующих социальных слоев и эксплуатации и созданию массы производителей материальных благ, которая в свою очередь дифференцировалась на основе социального разделения труда; наряду с земледельцами появились уже, несомненно, ремесленники и торговцы. Эти элементы входили в структуру политических формаций, во главе которых находились цари, как, например, *Ремаксос* (около 200 г. до н.э.) и *Оролес*, но прежде всего *Буребиста*, «первый и самый великий из царей Фракии», как мы узнаем из

Костешть. Главные ворота дакийской крепости

указа крепости Дионисополиса. Был I в. до н. э. С этого момента различные многочисленные источники (литературные, эпиграфические, археологические, нумизматические) свидетельствуют о том, что в результате длительной поступательной эволюции гето-даки перешли к высшей форме политической организации: централизованному государству. Для этого нужны были многочисленные социальные, политические и военные преобразования внутри родового общества, что находит объяснение в развитии производительных сил и осуществлении власти как в интересах общества, так и в отношении с соседними сообществами.

Основным текстом относительно правления Буребисты остается текст Страбона, из которого вытекает, что власть перешла к Буребисте; следовательно речь идет о институционализированной и переходящей власти, мнение, подкрепленное и истрийской надписью, в которой говорится о сыне царя Ремаксуса, осуществлявшего царские функции. Исключительным свершением Буребисты было создание всего лишь за несколько лет *«великой им-*

перии», *«великого государства»*, и Страбон называет и используемые способы: во-первых, положил конец непрерывавшимся войнам, которые характерны для военной демократии; Буребиста установил новый тип армии, трансформировав саму суть военных занятий в инструмент государственной политики; третьим способом большого значения для затрагиваемой нами проблемы является *«повиновение приказу»*, *«подчинение закону»*, т. е. выполнение царских эдиктов; нам осталось привести заключительную часть отрывка из текста Страбона, который говорит о подчинении большинства соседей, угрожавших стабильности этого *«великого государства»*.

Во главе государства стоял царь, исполнявший, во-первых, политико-военные функции. Среди других институтов первым и наиболее важным, как и во всех разделенных на антигонистические классы общества, была, несомненно, *армия*. Армия Буребисты, утверждает Страбон, насчитывала около 200 000 человек. Начиная с Буребисты, о гето-дакийских царях литературные и эпиграфические источники отме-

чают различных сановников, *«служителей царя»*, как называл их Страбон. От Критона мы узнаем, что во времена Децебала некоторые лица из *«окружения царя»* были назначены в *фортификации*, другие поставлены наблюдать за теми, кто обрабатывал землю». Для различных демаршей царь прибегал к услугам ловких посланцев, уполномоченных вести посольские дела. Из надписи, обнаруженной в Дионисополисе, узнаем, что Акорнион, например был *«первым и в большой дружбе»* с Буребистой, давал советы царю «по самым важным вопросам» и был *«посланником при Гнее Помпее»*. Княжеский титул *protos kai megistos philos*, который носил Акорнион, похож на титул, носимый при дворах эллинистических царей, что подтверждает предположение, согласно которому в организации гето-дакийского государства использовались греко-македонские модели.

Иорданес говорит, что Буребиста предоставил Децебею почти царскую власть (*pene regiam potestatem*). Согласно свидетельству Кассия, тот же сан носил, позднее, Везинас, «который занимал второе место после Децебала». Различные *«сановные должности»* при дворе гето-дакийских царей осуществляли и некоторые из членов царской семьи. Например, брат Децебала Диеджис вел мирные переговоры с Домицианом.

Гето-дакийская государственная организация предполагала, вполне естественно, и *деятельность по чеканке монеты*. С приходом к власти Буребисты и созданием государства гето-дакийский монетный двор вступил в новую фазу. Местные монетные дворы прекратили свое существование и была создана единая система, имитировавшая римские республиканские динары. Денежная эмиссия контролировалась

по всей вероятности царем и так будет на всем протяжении существования гето-дакийского государства.

И наконец, в разрешении внутренних проблем царь и святые отцы осуществляли и *судейские функции*.

Итак, какое же государство было создано в древности в карпато-данубиопонтийском ареале?

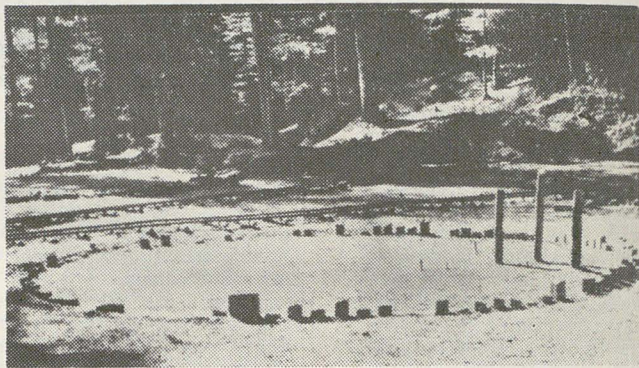
Основным критерием для определения типа гето-дакийского государства служила *форма собственности* на средства производства. В нашем случае, поскольку гето-даки того периода были во-первых и в подавляющем большинстве земледельцами, ставится вопрос земельной собственности. Все документы, которыми мы располагаем в данный момент, доказывают, что гето-дакийские крестьяне жили *общинами*, в которых земельная собственность носила общинный характер. В древности типичные формы сельских общин существовали на Востоке, Египте, Месопотамии, Индии, Китае и др., где наличествовал способ производства, названный Марксом «азиатским». Но отмечено, что название, предложенное для этого способа производства, отличного от рабовладельческого, не точное, и было заменено, в общем, «оборочным». Подобный способ производства характеризуется по своей сути наличием фундаментальных противоречий между закабаленными общинами и господствующим классом в целом, общей собственностью на землю (усугубленная собственностью верховной власти, сосуществующая с частной собственностью), деспотическим государственным режимом и спорадическим характером рабства.

В связи с взиманием оброка натурой у гето-даков можно привести фрагмент, сохранившийся из произведений Критона: денежным оброком облагались греческие крепости, о чем свидетельствует надпись, обнаруженная в Истрии. Что ка-

сается общественных трудовых повинностей, неопровержимые доказательства дают крепости в Себешских горах, построенные из камня и представляющие настоящую систему; для их возведения использовался, бесспорно, труд общин. И наконец, напомним, как способ оброка, обязанность сельских общин поставлять воинов.

Итак, гето-дакийское государство было создано и характеризовалось спосо-

победил кельтов во главе с Критариосом и бастарнов, относящихся к германским племенам, проникшим в гето-дакийский ареал. Бурбиста, правивший огромной территорией и возглавлявший армию, станет за короткое время врагом римлян, которые стремились завоевать и завладеть миром. Его, — сообщает Страбон, — «стали бояться и римляне», за что Цезарь вознамерился вступить в войну с гето-даками. Но

Сармизеджетуса. Дакийское святилище

бом оброчного производства, который был намного шире распространен, чем рабовладельческий, и носил большое разнообразие форм.

Таким образом, в его тысячелетней эволюции, гето-дакийское общество вышло в I в. до н.э. за рамки примитивной коммуны и перешло к высшей форме организации: государственной. Самым важным свершением Бурбисты явилось объединение всех гето-даков на их обширном ареале проживания, заключенном между Балканами (сегодняшняя Стара Планина) и северными Карпатами, с одной стороны, и между средним Дунаем и западным побережьем Черного моря, с другой. Бурбиста владел всеми греческими крепостями на западном берегу Понта Эвксинского от Ольбии (ныне Поругино, в СССР) до Аполлонии (Созопол, в Болгарии). Он

ему не удалось ее начать, ибо был убит 15 марта 44 г. до н.э. Примерно так же и почти в то же время был убит и его великий соперник: Бурбиста.

Гето-дакийское государство, созданное Бурбистой в первой половине I в. до н.э., претерпит многочисленные изменения на протяжении веков, с периодами прогресса и регресса. После формирования румынского народа — процесс, который вытекал из преемственности наших предков в карпато-данубиопонтийской колыбели, — последовал тяжелый период, соответствующий великому переселению народов, принеший автохтонным жителям многочисленные невзгоды и которому положит конец создание первых румынских государственных формаций, хранительниц древних дако-римских традиций и в то же время носительниц новых элементов цивилизации.

ДАКО-РИМСКИЙ СИНТЕЗ: ЕДИНСТВО, НЕПРЕРЫВНОСТЬ, ПОСТОЯНСТВО

Проф. д-р ДУМИТРУ БЕРЧУ

Дако-римский синтез явился решающим фактором румынского этногенеза, фундаментальным элементом нашего национального единства. Однако, в основу этого синтеза был заложен многотысячелетний единый фракийско-гето-дакийский фонд, на который, после продолжительного процесса контактов, взаимного влияния, совместного проживания, взаимопроникновения и этнического, культурного слияния, привнес римский фактор. Подобное явление стало возможным благодаря тому, что гето-дакийский мир был в момент столкновения с миром римским, в передовой стадии социального, экономического и культурного развития, что облегчило принятие и ассимиляцию достояния высшей цивилизации, каковой в то время была римская. Гето-дакам еще ранее была знакома эллинская цивилизация, они имели отношения со скифами, кельтами и персами, следовательно не были вне сферы античного мира, в который они более активно включились по мере контактов с римлянами.

Даки были одним из основных народов древности, поднявшихся на высокую ступень цивилизации. Они вели оседлый образ жизни, занимались земледелием, скотоводством и различными ремеслами, были постоянно знакомы с техническим прогрессом своего времени, о чем свидетельствуют археологические находки в поселениях — давае — и дакийских крепостях. Новые археологические откры-

тия — из года в год расширяющиеся, — дополняют реальную картину древней этнической основы и еще больше подчеркивают место и роль даков в тысячелетнем постоянстве румынского народа в Карпатах, на Дунае и на Море, а также во влиянии, в форме постоянства и наследственности, передаваемых и другим народам, позднее осевшим и сформировавшимся в этой части юго-востока Европы. Это фракийское наследие и сегодня объединяет все народы карпато-дунайско-балканского региона, но ни один из этих народов, кроме румынского, не уходит своими корнями в историю этой древней земли, на которой он живет и поныне вот уже четыре тысячелетия. Наша принадлежность к римскому миру произростала на древних фракийско-гето-дакийских корнях, бла-

годаря длительному и единому процессу.

Нет никакого сомнения в том, что румынский народ сформировался в ареале, заселенном фракийцами и их прямыми и истинными потомками гето-даками, в рамках восточного римского мира. Концепция о нем имела более ограниченную сферу, охватывающую — как считают некоторые историки — только территории, прямо управляемые с помощью армии и администрации римским государством. В понимаемый в этом смысле восточный римский мир входила, безусловно, Римская Дакия и Мёзия, нынешняя Добруджа. Исходя из такого подхода к созданию восточного римского мира и в особенности его карпато-дунайского сектора, проблема непрерывности ограничилась бы только провинцией

Обширное пространство, ядром которого была карпато-дунайско-понтийская территория, на которой Буребиста — «первый и самый сильный среди царей, когда-либо правивших во Фракии» — исполнял свои prerogatives.

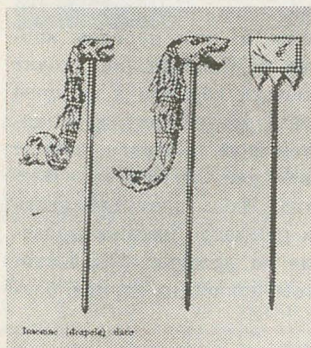

Дакия и, в особенности Трансильванией, а процесс формирования дако-римского синтеза ограничился бы только зоной, бывшей под военным римским господством. Само собой разумеется, что географическая и этническая база румынского этногенеза сократилась бы. В подобном случае и начало процесса дако-римского синтеза естественно относится к моменту завоевания части Дакии в 106 г. н.э. Таким образом возникали брешы в общей концепции о нашем дако-римском происхождении, что позволило сделать предумышленную формулировку ряда ненаучных выводов.

Но в свете богатой археологической документации, полученной в результате усиленных исследований последних трех десятилетий в Румынии и соседних странах, вышеизложенные проблемы проступают в другом свете и постепенно начинается вырисовываться другая действительность, действительность Дакоромании, как исторического, географического и этнического понятия. Актуальная румынская историография углубила — можно сказать вплоть до своих первоисточников — познание древней национальной истории нашей родины и использовала сокровищницу дакийского и римского наследия. Было констатировано, что благодаря фракийско-гето-дакийской непрерывности была спасена и часть карпато-дунайского индоевропейского наследия, не говоря уже о дакийском и римском. Даки и дако-римляне, благодаря тому, что они непрерывно проживали в этих краях, сохранили, развили и передали европейской цивилизации раннего средневековья многое из местной и древнеримской материальной и духовной культуры. Местное население передало эти богатства и венгерскому народонаселению.

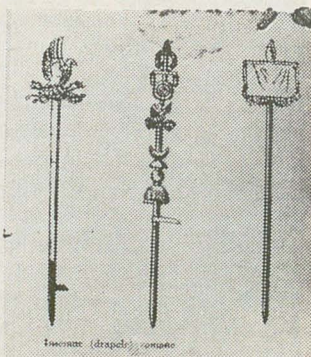
Сегодня дако-римский блок, территориально соответствующий тому, что мы

называем Дакороманией, вырисовывается со всей ясностью, в особенности после 271 г. н.э., когда римская администрация и армия перешли на другие границы, к югу от Дуная. Предпосылки его были, однако, заложены задолго до завоевания, в первую очередь к югу от Дуная, в гето-мэзико-дунайском секторе, сначала путем проникновения ряда товаров и монет республиканского Рима, затем торговцев и установления на Дунае в начале нашей эры эффективного римского господства во время правления Августа. Тогда же, как свидетельствуют археологические раскопки, значительно усиливается проникновение римского мира к северу от Дуная и за Карпаты, в сердце самой Дакии. Особенно усиливается распространение римской республиканской монеты, тем бо-

Дакийские военные знаки

Римские военные знаки

лее, ближе к эпохе Децэбала. Только на территории Румынии известно примерно 26 000 подобных монет, что означает, что Дакия уже была включена в универсальный экономический оборот, в котором доминировали тогда римляне.

Констатирован тот факт — имеющий, по нашему мнению, фундаментальное историческое значение, — что вся территория, заселенная гето-даками, была охвачена сетью римской цивилизации и экономики, как естественное следствие дакийского этнокультурного единства. Римское явление не только признавало это единство, но и способствовало своей жизненностью его укреплению, обеспечению непрерывности, постоянства, постепенно зародившегося на широком дако-гетском единстве дако-римского синтеза. Следует подчеркнуть, что римские монеты и изделия были найдены при раскопках как в межкарпатских, так и внекарпатских районах. В Молдове, вплоть до Буковины и даже дальше, были найдены многочисленные клады римских монет. Отказ даков в I в. до н.э. от традиционной монеты и имитация римского республиканского динара был совершенно естественен, а новая — единая — монета способствовала более явной кристаллизации экономической и политической структуры созданного Бурбистой централизованного и независимого дакийского государства. В то же время, открытие в 1979 году в Буридаве, близ Окницы, уезд Вылча, самых древних доказательств использования даками латинского алфавита, свидетельствует о том, что еще в I в. до н.э. гето-дакам был знаком и латинский язык. Во время правления Августа они пользовались и греческим алфавитом и языком, как о том свидетельствует надпись царя Тиамара, открытая в Буридаве-Окнице.

Наблюдения, полученные во время исследований в

выльчанском, горжском, мусочелском и бузэуском прикарпатье, а также в Румынской равнине, привели к выводу, что внекарпатская зона была не только под римским влиянием, но и под римским политическим и военным контролем еще со времен Августа, когда различные местные цари или базили — как тот, в Окинце — в той или иной мере зависели от римской власти. Таким образом предпосылки карпатско-дунайской Дакоромании были заложены еще до 106 г. н.э. — года частичного завоевания Дакии, т.е. дакийского бастиона в Карпатах, территории сегодняшней Олтенции и восточного Баната. Следовательно, после 106 г. н.э. часть дакийского государства Децебала эффективно включена в восточный римский мир. Здесь, на гето-дакийской почве, разовьется, как и в Мёзии, высшая городская цивилизация, а между местным населением и римлянами имеет место сильное воздействие, которое ощущается не только со стороны римского элемента на дакийский. Местное население придавало римской цивилизации в провинции Дакия определенную дакийскую компоненту. Достаточно вспомнить о надгробном памятнике в Кашей, Трансильвании, чтобы заметить, что в римском погребальном искусстве — более консервативном, чем другие области — местным жителям удалось передать определенные аспекты их собственной жизни, связанные с землей и их занятиями.

Вся археологическая документация бывшей римской провинции Дакия свидетельствует о непрерывном проживании здесь даков и после 106 г. н.э. Они документально засвидетельствованы не только в сельской местности, но и в кастрах (Апулум, Олтен, Ковасна, Дробета и т.д.) и в римских городах, вокруг и внутри которых всегда жили даки, что подтверждается многочисленными

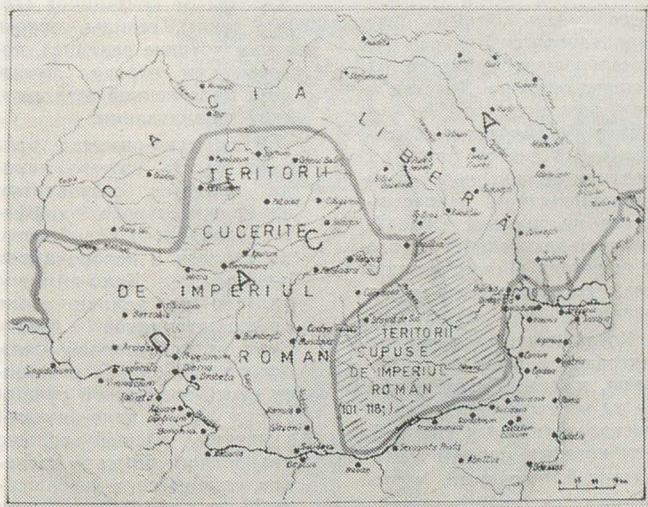
дакийскими археологическими свидетельствами. Тот факт, что римские города переняли названия крупнейших дакийских центров (Апулум, Напока, Поролиссум, Сармизегетуса, Дробета, Бурзидава и др.), а реки сохранили те, которые были до завоевания, свидетельствует о непрерывном проживании здесь дакийского населения.

Самым ценным результатом процесса непрерывности и романизации было рождение на дакийской почве дако-римского этнокультурного синтеза. Нет сомнения в том, что это произошло благодаря постоянству в этих краях дако-римского населения, включенного после 106 г. н.э. в рамки римского государства. В основу нового синтеза заложен местный гето-дакийский фонд и его прочная, жизнеспособная традиция, на который, как выразился Николае Йорга, была наложена печать Рима.

Дакороманизм нашего народа невозможно понять, если говорить только о римской провинции Дакия, не имея постоянно перед мысленным взором единство гето-даков во время Буребисты и Децебала, а также постоянную непрерывность под римским военным и административным

контролем. Если с политической точки зрения в 106 г. н.э. государственно-политическое единство гето-дакийского мира было разрушено, то с этнической и культурной точек зрения оно сохранилось неизменным, что составило силу нашего этногенезиса, как единого и необратимого процесса. Этот процесс дифференцированно охватил и свободных даков, с трех сторон окружавших провинцию Дакия и поддерживавших прямые контакты с даками провинции, с римским миром к югу от линии Дуная или к западу от римской Паннонии. Решающим в охвате свободных даков этим процессом было реальное единство даков и непрерывность проживания на всем занимаемом ими ареале, независимо от того, были ли они под римским господством или свободными. Важно то, что оставшееся вне границ империи население было восприимчиво к влиянию римской цивилизации и включилось в римский экономический оборот. Оно входило в свободную Дакию, в которой непрерывность не прекращалась ни на один момент, и сохранило постоянную связь с римской Дакией и римским миром к югу от Дуная. Таким образом, можно сказать, что древнее

Дакия в период 106—275 гг.

единство сохранилось. Свободные даки постоянно были фактором борьбы за свободу и индивидуальность, самобытность и культуру дакийского народа. В 271 г. н.э., когда из Дакии уходит римская армия и официальная администрация, в бывшую римскую провинцию Дакия проникают жители с востока и запада, как о том свидетельствуют археологические раскопки в Трансильвании и Олтении, в уездах Бистрица-Нэсэуд, Алба и Вылча. Таким образом восстанавливается политическое единство Дакии. В бывшей провинции произошло и стало постоянным, непрерывно развивающимся и совершенствующимся фактором социальной жизни и собственной, традиционной дакийской и римской формы организации, дако-римское слияние. Происшедший осмос привел к восстановлению и оживлению старого, бывшего до завоевания, политического единства. Доказательством тому служат культуры Килия-Милитары, Сынтана-Арад, Медиешул Аурит, культуры Брата, Поенешть и Липица. Археологический материал — в изобилии открытый как в бывшей провинции Дакия, так и в свободной Дакии — со всей ясностью отражает всеохватывающую динамику преобразования жизни местного населения в дако-римскую, а затем румынскую жизнь. Отныне восстанавливается ранее существовавшее единство от Марамуреша до Днестра и до западного побережья Понта Эвксинского. Дако-римский синтез служит, фактически, красноречивым доказательством непрерывности на древней фракийско-гето-дакийской основе и включает в свои координаты гето-дакийский мир в целом.

Когда начинается период миграций в этой части Европы, жители Дакоромании — на всей ее территории — располагали более высокой, чем кочевые народы цивилизацией, носившей, в основном, сельский характер

и отличавшейся жизнестойкостью. Все археологические находки в Трансильвании (Апулум, Сармисегетуза, Братей, Сопор и т.д.) и в Олтении (Вербица-Долж) свидетельствуют о непрерывности развития этой цивилизации в IV, V и VI вв., при непрерывной кристаллизации ее латинского характера и латинского характера ее создателей. В VI—VII вв. романское единство румынского народа конкретно проиллюстрировано культурами Ипотешть-Кындешть (в этом году она открыта и в Трансильвании, в уезде Харгита), затем Брата в Трансильвании и Костиша-Ботошана в исторической Молдове. Это период полной зрелости романского ядра нашего народа. Латинский язык становится языком «домашним» и постоянно обогащается, сохраняя единый характер во всей Дакоромании.

Принятие христианства в латинской и популярной форме также, как и язык, было силой, способствовавшей укреплению румынского единства, борьбе против последовательных набегов кочевников. Палеохристианские открытия, относящиеся к IV—VII вв., были сделаны на всей территории нашей страны. Они отражают единство нашего народа и в этой области духовной жизни и отличают местных жителей от кочевников (готы, гунны, гепиды, авары, затем древние славяне), которым он передал богатства собственной или римской цивилизации.

Итак, дако-римская принадлежность нашего народа является результатом продолжительного, дифференцированного, глубокого, но единого и необратимого процесса. Дако-римляне устояли на землях своих предшественников благодаря их собственной силе, постоянной борьбе в защиту своей этнической сущности и новой дако-римской культуры, несшей дальше дакийское и римское наследие, слившееся в совершенный по своей структуре

единый блок: румынский народ. Жители на обоих склонах Карпат, от Дуная до Черного моря, хотя и оставшиеся с юридической, политической и административной точек зрения вне империи, сохранили традиционную организацию в общинах или союзах общин, продолжавших существовать и под римским господством. В трудных условиях миграции народов они прибегли и к укреплению некоторых поселений — центров данного сообщества. В тот период распространилось слово *sat* (цело — прим. ред.), которое происходит от латинского *fossatum* = вал (защитный). Позднее этот термин распространился повсеместно. Вокруг укрепленного села организовывалась община или, как их называл Николае Йорга, сельские романи, в действительности дакоромании. Затем можно отметить тип организации романия, в которую входили только местные жители и были исключены чужие, кочевые элементы. В результате слияния нескольких романов появились «*țările*» (Terra) (страны — прим. ред.), также носившие вначале сельский характер. Таким образом государственная традиция сохранилась у дако-римлян и румынского народа, как наследие от Буребисты, Децебала и Тиамара, и вросла глубокими корнями в сознание народа. Не случайно в Дакоромании не сформировалось ни одно варварское государство — как в Галлии, например, государство франков, — поскольку местные жители сохранили собственную, хотя в начальной стадии всего-лишь народную, форму организации. Сопrotивление дако-римлян в тяжелых условиях миграции послужило их прямым потомкам — румынам, неиссякаемым источником достоинства и гордости, поскольку оно обеспечило единообразное развертывание румынского этногенезиса и постоянство румынского народа.

Единый и единственный румынский народ по обе стороны Карпат и Дуная преемник великой доблести и славных традиций его предшественников

Д-р ШТЕФАН ОЛТЯНУ

Румынский народ, сложившийся, как и многие народы Европы, в результате длительного и комплексного исторического процесса, является, в конечном итоге, результатом синтеза между двумя фундаментальными компонентами античной культуры и цивилизации: гето-дакийской и римской; синтез, заключающийся, по сути, в консервации в значительной степени ценностей материальной и духовной культуры, созданных гето-дакийским обществом, с одной стороны, и заимствованных гето-дакийскими сообществами ценностей римского мира, с другой, следствие непосредственных контактов между этими двумя крупными цивилизациями того времени.

Вполне очевидно, что подобный синтез предполагает, неоспоримо, несколько основных характеристик, наделяющих соответствующей содержательностью весь вышеупомянутый процесс: постоянство в колыбели пращуров, преемственность на всем карпато-данубио-понтийском ареале, полное единство материальной и духовной культуры нашего народа, особенности, наделяющие сам процесс единичным характером, со всей очевидностью акцентированный результатами археологических и исторических исследований за последние два десятилетия. Предпринятые в этом отношении исследования выявили наличие на территории древней Дакии, на протяжении всего I тысячелетия нашей эры, оседлого общества с демоэкономической и социально-политической динамикой, подчеркивающей, вопреки периодам замедления его эволюции, неуклонный прогресс к румынским средневековым свершениям. Касаясь этой эволюции, Генеральный секретарь нашей партии товарищ Николае Чаушеску формулирует оценку исключительной важности для ориентации исследования по вопросу нашей исторической преемственности после отхода римской армии и администрации с территории на север от Дуная: «В этих обстоятельствах, — отмечает товарищ Николае Чаушеску, — наш народ, который находился еще в процессе кристаллизации своей этнической и духовной физиономии был вынужден противостоять один собственными силами прокатившимся по его территории волнам переселявшихся народов».¹

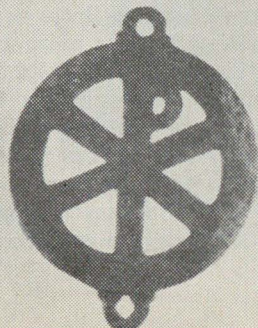
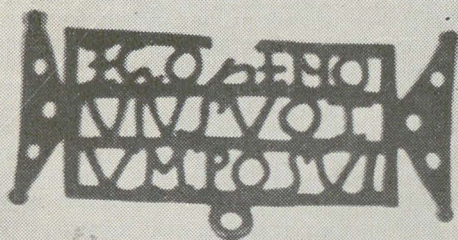
Те же результаты археологических и исторических исследований выявляют другой аспект румынского этногенетического процесса,

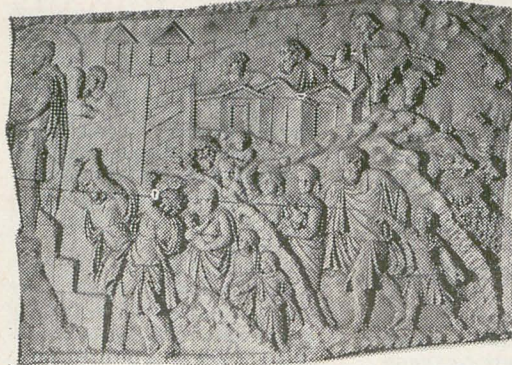
а именно, наследия, оставленного нашими пращурами румынскому народу. Блестяще синтезируя результаты исследования в этом отношении, Президент нашей страны рассматривает с той же ясностью и последовательностью эту проблему в одной из своих речей: «Как свидетельствуют письменные источники эпохи, археологические исследования и научные данные, в этот период сложился дако-римский симбиоз нового народа на базе высоких достоинств даков и римлян. Так родился румынский народ. После отступления римских войск под напором переселявшихся народов новый народ, переживавший процесс формирования, остался защищать родную землю и общность своих интересов».²

Научные междисциплинарные исследования освещают основные особенности румынского этногенеза, наделившего наш народ единым характером, и подчеркивает также наследие, переданное его предшественниками.

В отличие от происхождения и эпохи формирования окружающих нас народов, румынский народ является единственным наследни-

Доказательством необратимого процесса слияния дакийской и римской цивилизации служит и донарий, открытый в Биертан (уезд Сибиу): «ego Zenovius votum posui»

Закончились жестокие битвы между даками и римлянами. Люди — мужчины, женщины, дети — возвращаются к своим очагам (изображение с Траяновой колонны)

ксм и представителем в этой восточной части Европы романского мира, «островом романского мира», как отмечается в некоторых работах по специальности, вышедших за рубежом³. Румынский этногенез произошел, в отличие от других соседних народов, в рамках одной и той же территории, на которой проживали его предшественники, следовательно, речь идет о процессе исторической преемственности в рамках тех же территориальных пределов его предков.

Исследования продемонстрировали, что на территории древней Дакии непрерывно проживало на протяжении эпохи великого переселения народов автохтонное население (дако-римское, румынское). Ничто не подтверждает демографическую цезуру в это время. Напротив, учет и картирование археологических достопримечательностей III—XII вв. н.э., поселений и некрополей, идентифицированных до настоящего времени (исследованных полностью или частично и обнаруженных при наземных изысканиях) на всей территории страны, констатируют, статистически, существование в III—V вв. н.э. примерно 400 поселений и некрополей, принадлежащих автохтонному населению, распределенных следующим образом: более 200 на восток от Карпат, около 60 на запад и север от Карпат, остальные между Дунаем и Южными Карпатами⁴. Для периода VI—VIII вв. число объектов возрастает почти до 300, распределены они так: примерно 100 в Молдове, около 80 в Трансильвании и более 70 в Мунтении (включая Добруджу). И наконец, для VIII—IX вв. их число (поселений и некрополей) достигло более 1500, что означает существенный демографический рост по сравнению с положением предшествовавшего этапа. Нужно отметить, что наряду с поселениями, продолжавшими существовать непрерывно за весь вышеупомянутый период III—XII вв., их группировка в определенных гео-

графических зонах, в демографические скопления, состоявшие из многих сел, сосредоточенных в одном месте, сохраняется на протяжении III—XII вв., что красноречиво свидетельствует о непрерывности по линии политико-государственной организации.

Эта непрерывная демографическая эволюция автохтонных сообществ на территории древней Дакии за весь период тысячелетия великого переселения народов ярко демонстрирует нашу историческую непрерывность на земле прашуров румынского народа, навсегда аннулируя так называемую теорию демографического «вакуума» — «пустоты обитания» в карпато-данубио-понтийском ареале, причиной чему якобы послужил отход римских армий и администрации в 271—275 гг. н.э., а также проникновение в этот ареал мигрирующих популяций из азиатских степей.

Известно, сколь единой в своих существенных проявлениях могла быть цивилизация гето-дакийского общества в ее классический период, проявившая себя как этническая и языковая общность⁵. Многие ценности гето-дакийской культуры и цивилизации дошли и

И женщины, и ребенок, запечатленные на этой метопе, служат аргументом преемственности местного населения после дако-римских войн (изображение с Триумфального памятника Трафрей Траяна — Адамклиси)

до дако-римского общества, они нашли применение в социальной практике в более поздние времена, в средневековье. К примеру, непреходящее восстановление печей для железной руды, печи с боковым отверстием, творение гето-дакийских мастеров⁶, встречаемое в последующие века (в рамках деятельности по использованию рудных богатств автохтонным населением) как на территории Трансильвании, так и Молдовы и Мунтении. Подобные примеры можно привести и для ремесленной практики и техник, например в области керамики, в изготовлении и обработке предметов и орудий, специфических для даков, в искусстве и т.д.

Римское завоевание части Дакии имело своим фундаментальным следствием интенсификацию прямых контактов между материальными и духовными ценностями этих двух крупных цивилизаций, таким образом содействуя реализации дако-римского синтеза, формированию румынского народа. Недавние исследования продемонстрировали со всей ясностью, что сразу же после римского завоевания гето-даки заимствовали и ассимилировали из римского мира лемех и железный сошник римского типа (с ручкой) — основные детали плуга, которые использовались некоторый период наряду с специфически дакийскими («дакийский» железный сошник). Краткое перечисление показывает, что для II—IV вв. обнаружены до настоящего времени римские плужные лемехи в 50 с лишним поселениях (33 на территории Трансильвании, 70 — Мунтении, 6 в Молдове). Эта реальность показывает, что, вполне естественно, заимствование нового типа орудий произошло быстрее и целиком на территориях, подчиненных Риму, но и на других территориях древней Дакии процесс ассимиляции новой техники тоже имел место. Начиная с IV—V вв. н.э., благодаря технико-экономическим показателям нового типа лемеха и плужного сошника, общество предпочло орудие с высоким экономическим коэффициентом, так что начиная с этого периода используются исключительно римские плуги. Подобные положения отмечаются и в эволюции других сельхозорудий, как, например, железные серпы и косы. Заимствование новых типов орудий от римского мира подтверждает, что общество приняло и адаптировало, почти без исключения, те, которые более отвечали, благодаря их технико-экономическим качествам, требованиям повышения зерновой продукции. Итак, речь идет о процессе технологической ассимиляции — имевшем место в дако-римском обществе на уровне всего карпато-данубио-понтийского ареала — ценностей римской цивилизации, процесс, расцветавший в рамках процесса слияния двух фундаментальных компонентов румынского этногенеза.

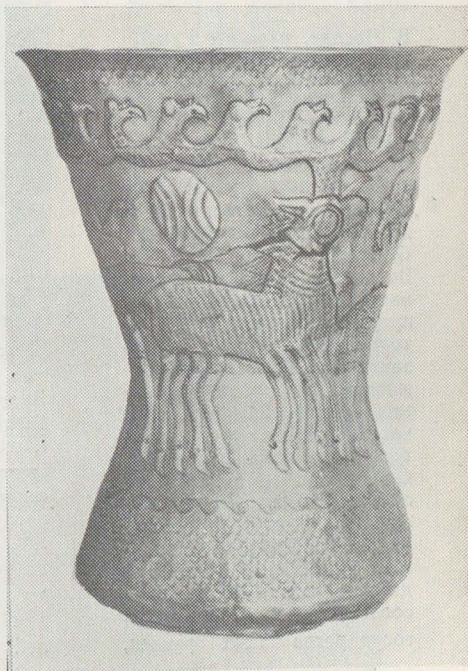
Глубоко единый характер констатируется и в эволюции социально-политических структур в человеческих сообществах на территории древней Дакии. Территориальная сельская община, унаследованная от гето-даков, отличающаяся своими специфическими институтами социальной структуры мигрирующего населения, становится в I тысячелетии н.э. фундаментальной социально-экономической и политико-военной ячейкой нашего общества на всей территории страны. Община, осуществляющая среди других задач и оборонительную функцию на уровне общинных союзов в случае внешней опасности, служит подтверждением способности нашего народа создавать собственные социально-политические и военные структуры, необходимые для защиты свободы и его этнической сущности. В конце I тысячелетия н.э. подобные структуры будут эволюционировать в румынских воеводствах и странах, упомянутых в письменных источниках, что представляет высший этап политико-государственной и военной организации ру-

мынского народа, консолидированной в середине XIV в. путем создания на уровне наших исторических провинций самостоятельных румынских феодальных государств — Мунтении, Трансильвании и Молдовы.

На основе вышесказанного можно считать, что проявление этих феноменов и процессов на всей румынской территории древней Дакии, их синхронизм, идентичное институциональное содержание экономических, социальных, политических и военных структур, множественность художественных и поведенческих проявлений в рамках общества на карпато-данубио-понтийском ареале со всей силой демонстрируют этнокультурное единство нашего народа, его усилия на создание собственной культуры и цивилизации несмотря на исторические превратности.

- 1 Николае Чаушеску, *Румыния по пути построения всесторонне развитого социального общества*, т. 14, Бухарест, 1977, стр. 317—320.
- 2 Николае Чаушеску, *Румыния по пути построения всесторонне развитого социального общества*, т. 24, Бухарест, 1982, стр. 11.
- 3 *Histoire Universelle*, т. 5, Париж, 1975.
- 4 Учет был проведен нами для использования в нашей работе, озаглавленной *Румынское общество в III—XII вв.: постоянство, преемственность, становление* (в ходе разработки).
- 5 H. Daicoviciu, *Epoca lui Burebista*, în Potaissa, Turda, 1980, p. 5. și urm.; M. Babeș, în SCIVA, 1979, 3, p. 329.
- 6 Ioan Glodariu, Eugen Ianilavschii, *Civilizația fierului la daci (sec. II î.e.n.—I e.n.)*, Cluj-Napoca, 1979, p. 35.

Серебряный кубок, открытый в районе Железных Ворот

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО в румынском средневековом политическом сознании

Путь, который румынский народ прошел до создания единого национального государства, представляет исключительно интересную главу, красноречивую для бурной истории румынского ареала. Если заключительный этап этого

В Посаде, румыны Румынской страны Мунтении, занявшие горные вершины, разгромили вражеское войско

пути разворачивался лишь всего на протяжении шести десятилетий — со времени Объединения в 1859 г. до Великого Объединения, — напротив, другая часть, предшествовавшая и подготовившая эти два крупные закономерные события, намного более продолжительная, занимая большую часть нашего средневековья и современной эпохи. Она полностью сливается с путем, пройденным румынским народом к установлению национальной сущности, следствием которой должно быть — и было — сосредоточение в едином государстве всех румын,

проживавших по обе стороны Карпат. Этот большой этап имеет и поворотный момент, отмеченный со всей очевидностью деянием Михая Храброго в 1600 году; все последовавшее разворачивалось под знаком этого деяния; все предшествовавшее предпослало это деяние, подготовило его, руководило ходом Истории к нему.

Хорошо известное поэтическое и дорогое нашему сердцу изречение воскрешает объединение в мыслях и чувствах, которое осуществилось задолго до политического объединения. А до этого, долго, терпеливо и с жертвами приготовленное самими просвещенными мужами народа, существовало другое, более

Знамя времен славного Штефана — господаря Румынской страны Молдовы

старое, выражение земельного единства самого народа. «Первое объединение румын, — писал Н. Йорга, — существовало до того, как в головах просветителей дала ростки эта идея,

в совершенном единстве экономической жизни, основанном на совершенном единстве общей жизни. Трансильвания тоже вошла в эту жизнь благодаря румынскому окружению: одно тело, одна система, скажем, кровеносная, по которой течет одна и та же живая кровь». Вся эволюция румын отметила путь к полной констатации идентичности между жителями, которые, называя себя одним-единственным словом — румыны, продемонстрировали, что говорят на одном и том же языке — румынском, — доказав этим самым сознание их единства.

Конечно, это сознание более старое, чем самые старые документальные свидетельства. Само существование Народных романов, гениально предугаданное Н. Йоргой, свиде-

Монастырь Молдовица. Настенный портрет семьи Петру Рареша, господаря, поставившего мысль и действие на службу румынского единства

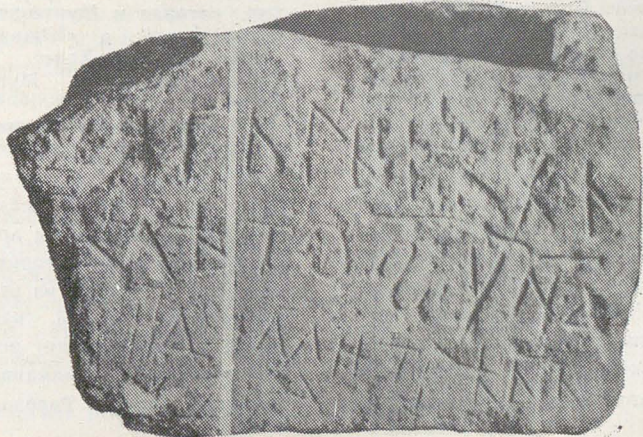
тельство тому. От этих Романий образовано название Влахы или Валахи для любой страны, где живут румыны, будучи в то же время мощным свидетельством единства и римского духа. XIV век, видевший возникновение двух главных румынских княжеств, внекарпатских, как независимых формаций, не аннулировал эту реальность и не привел — как утверждают некоторые зарубежные историки, добросовестность которых нужно поставить под серьезное сомнение, — к формированию различных народов. Подобные валахии и румынские страны были на всей территории, на которой проживали румыны, на севере и на юге Дуная. Подобная terra blacorum засвидетельствована в 1222 году в Фэгэраше и позднее сама Трансильвания будет считаться Валахией. То же название мы встречаем и для румынских политических формаций на юге и востоке от Карпат. Таким образом, walachen lant отмечена для 1307 года, Валахия в 1340 году в восточно-карпатском ареале; между Карпатами и Дунаем румынские владения блестяще засвидетельствованы в знаменитом дипломе рыцарей-иоаннитов в 1247 году.

Единая и сравнительно одновременная эволюция румын внутри и вне карпатской дуги возможно освятила бы раньше создание единого государства путем сосредоточения ру-

мынских земель вокруг Трансильвании; но преждевременное давление арпадской власти на эту румынскую страну, с одной стороны, монгольское нашествие и почти вековое господство татар в южно-карпатских и восточно-карпатских краях, с другой, сделали невозможным реализацию единого государства в XIV в., предопределив создание двух внекарпатских румынских стран. Первая, появившаяся на политической карте Европы называлась как и требовалось называться, Валахия, увековечив таким образом древнее сознание Романий. Несколькими годами позже появление второго румынского государства, между Карпатами, Днестром и Черным морем, освятило существование еще одной румынской страны на той же политической карте Европы; по названию реки, на берегах которой сплотилось унифицирующее ядро восточно-карпатских краев, новое государство называлось Молдова, Молдовская страна, но наряду с этим официальным названием существовали и другие (некоторые из них использовались и государственными канцеляриями), свидетельствовавшие о наличии одного и того же сознания единства; к примеру, что иное означало Молдовлахия? Два румынских внекарпатских государства иногда называвшиеся одним названием, Валахия минор для Мол-

довы, Валахия мажор для Мунтении. В общественном сознании и в официальных актах восточно-карпатского княжества Молдова всегда считалась румынской страной — Валахией. Лучшее доказательство в этом отношении дает нам Штефан Великий. В 1477 году в послании, направленном венецианскому дожу через своего дядю Иоана Цамблака (Tzamlakon), молдовский князь называл Валахию «l'altra Valachia», другая Валахия, ясное подтверждение того, что он считал и Молдову тоже Валахией. Эта реальность была известна и засвидетельствована просветителями XIV—XVI вв. Архиепископ Иоан Султани, который узнал румын к концу XIV в., отметил, что этот народ гордится своим римским происхождением и говорит на одном языке, скожем с языком древних римлян. Лингвистическое единство всегда было самым точным и самым категоричным доказательством единства румын: есть две Валахии, которые говорят на одном и том же языке, говорит один источник от 1437 г. Итальянский просветитель Антонио Бонфини (1434—1503 гг.), живший при дворе короля Венгрии Матиаса Корвина, писал, что «Трансильвания окружена двумя Валахиями». Микаэль Бочиньоли из Рагузы, который в первое десятилетие XVI в. жил в Валахии, отмечал, что «эта Валахия на во-

Румынская страна Добруджа имела таких руководителей, как жупан Димитрие (943 г.), о чем свидетельствует надпись, обнаруженная в Мирча-Водэ, Констанца

стоке граничит с другой Валахией». Стефан Бродарик, по происхождению словенец, ставший епископом Венгрии, пишет и он (до 1527 г.) о «двух Валахиях».

Эта реальность была отлично освещена далматским просветителем Антоном Веранчиком (1504—1573 гг.) в его Описании Трансильвании, Молдовы и Валахии. Клирик, дипломат и историк, ставший в конце жизни архиепископом эстергомским и вице-королем Венгрии, Веранчик был одним из самых ярых противников князя Молдовы Петру Рареша (1527—1538 гг. и 1541—1546 гг.), что не препятствовало ему осветить в своей книге, эрудированно и объективно истину о румынах (включив и их римское происхождение), акцентировав и аргументировав, что и до наших дней составляет три главные линии нашей истории: римское происхождение, единство румын и преемственность. Тот факт, что Веранчик так написал, начертая историю этих трех стран, рассматриваемых единообразно, от гето-даков Буребисты, не случайно, Веранчик признавал и выражал реальность, живя в момент, когда румынское единство начало действовать как сила в политическом плане. Этот момент, превращение сознания в силу, способную повлиять на политическое действие, отметил вышеупомянутый правитель Молдовы, Петру-водэ Рареш. Пять десятилетий назад Николае Йорга, глубоко зная и понимая вплоть до тонкостей источники нашей истории, предугадал это и с особенной ясностью утверждал в своем последнем синтезе: Петру Рареш, — писал наш великий историк, — «желал сделать Дакию из и через свою Молдову». Несомненно, и Рареш знал о древнем дакийском единстве румынских земель и именно в этом нужно видеть основа-

ние — может быть самое главное — его действий в Трансильвании. Современники с удивлением отметили «отвагу» молдовского князя, который повсюду похвалялся, что Трансильванию взял слабей и никому не отдаст, что страна ему подчинена и что не признает другого владыку: «Молдованин (Петру Рареш — прим. ред.) ничего большего не желает в мире, как только Трансильванию», — заключил в 1535 г. один дипломат, знавший Рареша.

На чем может базироваться утверждение, что Петру-водэ Рареш знал о древнем дакийском единстве румынских земель и что видел в этом аргумент для своих действий? В 1533 г. молдовский князь принял в своей резиденции в Васлуе афонского монаха Макарие из Хиландара, явившегося вымолить помощь для афонской общины, которую он возглавлял; его демарш был обоснован тем, что Хиландар был построен старыми сербскими правителями, потомком которых была супруга Петру Рареша Елена-Екатерина Бранкович. В 1526—1528 гг. этот Макарие интерпретировал один фрагмент из византийского законника, Синтагма Матфея Властареса (датируемая XIV в.); руководствуясь Географией Птолемея, он идентифицировал Дакии в византийском тексте с северо-дунайскими краями: «Дакия [...] это страна Молдовлахия и Унговлахия, которая и Мунтенией называется», а «Южная Дакия сейчас Хацег, и Трансильвания, и Мункачу».

К окончательному единству — во-первых, лингвистическому, но и в других областях — румын добавляется таким образом аргумент, взятый из истории, аргумент, который стал решающим и который, как бы то ни было, вводит новый элемент в понимание действий Петру Рареша,

направленных к укреплению и сохранению влияния в Трансильвании и на юг от Карпат. Поэтому не лишено основания утверждение, сделанное в последние годы, что в фактах Петру Рареша можно видеть «общую молдовскую репетицию» эпопеи Михая Храброго. Момент был очень важным на пути к реализации государственного единства, чтобы не поразить современников. Тот же Веранчик говорил, что султан Сулейман Великолепный — другой противник Рареша — испытывал озабоченность от того, что румынский князь может объединить три румынских княжества, чтобы поднять их против Полумесяца.

До момента Михая Храброго надлежало еще пройти нескольким десятилетиям. И эти десятилетия отметили важные шаги, свидетельствуя о трансформации сознания единства в силу, и это на становящемся всеобщим уровне. Один из шагов, достойный особого внимания, был осуществлен в 1570 г. Тогда Кореси, мунтенский просветитель, работавший в Брашове, напечатал на румынском языке культовую книгу, в эпилоге которой использует формулировку «мы, румыны». Следовательно, еще одно свидетельство, что полная идентичность румын трех княжеств отлично сознавалась. Во имя этого мы, «румыны», вырвавшиеся из души просветителя-патриота, Михай Храбрый поднимет знамя борьбы которая увенчается объединением трех княжеств под единым скипетром. Это «мы румыны», произнесенное в грозное время между Петру Рарешем и Михаем Храбрым, было и осталось в веках лучшим свидетельством осознания единства народа, которое приведет, в результате политической акции, к государственному единству.

■ ШТЕФАН С. ГОРОВЕЯ

МИХАЙ ХРАБРЫЙ, * „RESTITUTOR DACIAE“

● 1 ноября 1599 г.: «После этого (после битвы в Шелимбэре 28 октября 1599 г. — прим. авт.), часто упоминаемый воевода (Михай Храбрый — прим. авт.) направился со своими румынами к Алба Юлии; идя ему навстречу, на расстоянии в одну милю, величественное шествие из главенствующих лиц и жителей города приняли его с большим почтением и сопровождали его до Алба Юлии. Там, как и во всех городах, раздавались радостные приветствия как особый знак победы»¹.

«В начале ноября месяца [Михай] триумфальным маршем вступил в город (Алба Юлия — прим. авт.); при его приближе-

нии навстречу ему вышли одетые в черное священники во главе с епископом Деметером [...]. Приветствовали его словами «Добро пожаловать!», затем после праздничного приветствия, молились за него, моля небо, чтобы он властвовал долгое время в завоеванной стране, о его здоровье, чтобы он завоевывал победу за победой»².

● Апрель—май 1600 г., во время кампании в Румынской Стране Молдова: «Остался румын хозяином Молдовы и подвластные ему опережали один другого, чтобы вручить ему ключи крепостей и чтобы

они были приняты присягнуть ему в верности»³.

★

Эти свидетельства, строго современные описанным событиям, со всей откровенностью отмечают два важнейших момента, когда Михай Храбрый стал господаром всех румын, первым *Rex Daciae* нашей средневековой истории и третьим после Буребисты и Дечибала, если будем иметь в виду все развитие до того времени нашего народа. Это было увенчанием долгих усилий, которые прилагали в течение веков самые древние и самые многочисленные жители древнего пространства,

* На снимке Михай Храбрый (картина Валентина Тэнаса)

на котором проживали румыны, чтобы согласовать этническую географию с географией политической⁴, это было требованием, против которого постоянно и жестоко выступала заинтересованная обструкция великих соседних держав. Назывались ли они венгерским королевством или королевством польским, османской империей, габсбургской либо царской империей, каждый без исключения из этих мощных соседей средневековой Румынии имели преимущественную цель: уничтожение румын как политической и военной силы путем методов, разнообразие которых шло от вассализации или непосредственного господства, до попыток подлинного физического истребления.

Именно поэтому история осуществления единства румынского народа в рамках одного государства, это история постоянной борьбы против противостоящих ему суровых испытаний, это история великой и уникальной Реконкисте, не против лишь одного завоевателя, как было с Испанией, а против бесконечного числа бедствий и противников, которые непрерывно менялись, так что вместо менее сильных и менее жестоких наступали еще более сильные, более циничные и бессовестные. И не только с одной стороны, а сразу со всех кардинальных пунктов.

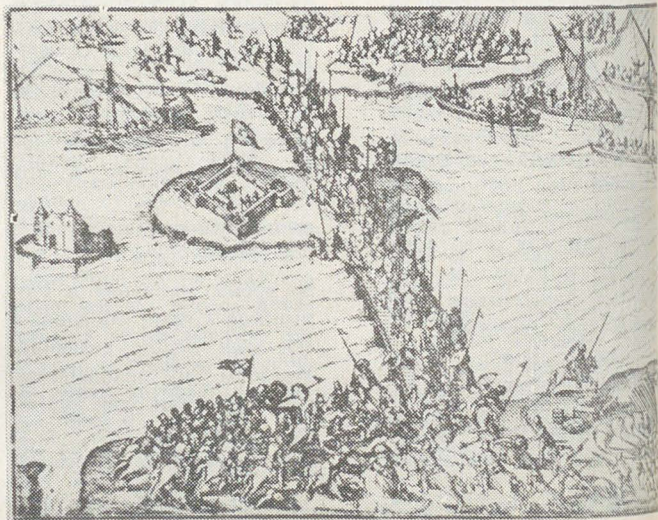
Полностью сознавая тот факт, что несмотря на государственный северо-дунайский плюрализм⁵, — который был следствием нарушений, порожденных внешними факторами, отрицательно влиявшими на процесс создания средневекового единого румынского национального государства уже в первой половине второго тысячелетия нашей эры, — румыны являются жителями одной Ру-

мынской Страны, древняя традиция единого политического существования которой имела начала в мощном королевстве Дакия — единственного государства античности, созданного на этнических основах, — великие наши военно-политические деятели, такие как Мирча Великий, Янку Хунедоарский, Штефан Великий и Петру Рареш — и не только они — сделали из «румынского блока» основу борьбы за независимость и единство румын. Между тем, «если при Штефане Великом, который политизируя идею единства нации, видел ее в осуществлении династического, имевшего феодальный характер союза, то при Петру Рареше отмечается исключительная кристаллизация, в плане румынской политической идеологии, концепции с «дакийском союзе», как основы полной независимости, уже став сознательным делом, за завоевание которого ряд поколений не пожалеют своих сил»⁶.

В XVI веке *Restitutio Daciae* становится острой проблемой, особенно для того, чтобы избежать трагедии интеграции всего румынского мира в границах

Османской империи, достигшей своего апогея во время владычества Сулеймана Прекрасного, который ликвидировал венгерское королевство и вел свои армии к центру Европы, к стенам Вены. Документы того времени ясно говорят о нем, что «Сулейман страшился, как бы тогда, когда он пытался занять Трансильванию или Румынскую Страну или Молдову, эти страны не объединились, чтобы защищаться»⁷. Пока жил этот «самый сильный» османский император это объединение нельзя было осуществить, но и предусматриваемая Стамбулом интеграция не была осуществлена. В тот момент, когда создается новая международная конъюнктура, благоприятная для восстания всего юго-востока Европы на борьбу за освобождение от османского гнета и господства, она везде встретит людей, способных служить ей. Во главе их встанет как герой эпопеи, как античный герой народной баллады — Михай Храбрый. Он осуществит то, чего безуспешно добивался Петру Рареш, то, что провозгла-

Джурджу, октябрь 1595 г. Последние моменты драматической схватки, в которой командующие Михаем войска отбрасывают за Дунай османцев (эстамп 1596 г.)

Зачастую войска под руководством Михая Храброго защищали румынскую независимость на южном Дунайском фронте (картина Т. Амана)

сил, не имея никакой перспективы, но не без глубокого значения, Деспот Водэ и то, что принц Трансильвании Сигизмунд Батори не колеблясь написал на своем титуле: Михайл станет, *Rex Daciae*. на миг

Неприятное невежество некоторых псевдоисториков, программированная недобросовестность других пытались сравнить Михая Храброго с «кондотьером» или с простым завоевателем, лишенным другого инстинкта кроме как агрессии и аннексирования, какими считались, определенной западной историографией, и великие московские князья в их выступлениях за «объединение русских земель» и за создание русского государства.

В действительности, Михай Храбрый является исключительным выразителем решающего исторического момента в судьбах средневековой Румынии и юго-востока Европы, когда, после смерти султана Сулеймана Прекрасного в 1566 году, начинается закат Оттоманской империи, что стало заметным лишь в конце XVI века, но дальновидность и острое политическое чувство могли заметить это уже в момент начала этого процесса. В то же время, с двух направлений появились претенденты на наследие этой сверхдержавы, которая

очень долгое время заставляла всю Европу смотреть на нее с боязнью и уважением, добиваться ее благосклонности и даже заключать с ней союзы, как поступил король Франции Франциск I. Формирующаяся империя Габсбургов на западе и королевство Польша на севере выслеживали добычу и их глаза механически обращаются к румынским странам, стоящим на их пути. Габсбурги намереваются немедленно завоевать Трансильванию, от которой несколько раз их отразил Петру Рареш; королевство Польша считало, что настал подходящий момент заполучить давно желанную Молдову, из-за которой когда-то король Иоанн Альберт подвергся разгрому и Косминских Лесах.

Несомненно, исторический момент был одним из самых тяжелых, которые обрушились на румынский народ в течение его многотысячелетней истории. Три великих, соседних со средневековой Румынией державы, превзойдя, каждая в отдельности, желание захватить всю северо-дунайскую территорию, достигли молчаливого консенсуса, продиктованного желанием немедленного удовлетворения захватнической прихоти: взаимное удовлетворение, «естественно» временное, какой-либо из ру-

мынских стран — Оттоманская империя — Мунтений, Габсбургская империя — Трансильванией, польское королевство — Молдовой. Понимая эту ведущую к распаду опасность, которая нависла над румынской территорией, Михай Храбрый понял, что лишь союз, сотрудничество между тремя румынскими странами уже стали неэффективными, что настал момент создания единой страны, под одним управлением, которое завершит процесс, начавшийся несколько веков тому назад, когда самые древние жители территории, отграниченной Тиссой, Днестром и Дунаем, сумели основать первую «Румынскую страну», которая должна была охватить своими границами всех тех, кто говорил на румынском языке, прямых наследников гето-дакского народа. Эти границы являются границами дакийского государства, созданного на единой этнической основе, с именем и судьбой которого связано имя короля Дечебала и императора Траяна. Но в политическом мировоззрении послеантичной Европы — начиная с византийцев и кончая дипломатами царской России — понятие «Дакия» неизменно означало *totalность северо-дунайских румын*, то есть «Дакия» короля Дечебала, а не созданная Траяном римская провинция, носившая то же наименование. Естественно, это точка зрения, под углом котором современники Михая Храброго поняли его действия. В 1598 году, только на год раньше до великого акта объединения межкарпатской Румынской Страны с Мунтений, итальянец Лацаро Серанцо писал: «Несомненно, трансильванцы считаются самыми воинственными в Европе. Вместе с молдованами и валахами, они являются древними даками, которых так страшлись римляне и которые победили армию Домициана; римляне были вынуж-

1600 г. Ожидаемый Историей, Михай Храбрый торжественно вступает в Алба-Юлию (картина подполковника Думитру Тафлана и полковника Николае Попеску)

дене платить дань под тем же Домицианом, под Нервой и в начале владычества Траяна, чтобы они не переходили Дуная и не наносили урона; турки это очень хорошо знают из-за нанесенных им несколько раз поражений»⁸.

Истину нельзя было скрыть перед сокрушающей действительностью, под знаком которой Объединитель выполнял свое грандиозное дело. Иоаннис Бисселиус твердо утверждает, «К этому (ранее он перечислил моральные качества и военное мастерство воеводы — прим. ред.) добавляется тот факт, что почти все жители провинции (трансильванцы) больше желали одного из них, дакийца как Михай, чем чужестранца как Баста»⁹.

Почти излишне задавать вопрос, сам ли Михай Храбрый действовал, влеченный ясным национальным сознанием или его толкнули желание завоеваний, величия. Мы желаем лишь дать «разъяснения» тем историкам — не столь скрупулезным, сколь заинтересованным — которые, желая наиболее точно «пояснить» действительность, на деле скры-

вают ее, изображают в тонах, носящих отпечаток феодальной близорукости.

Документы, изданные непосредственно воеводой или по его указанию, неопровержимы и, в то же время, являются разъясняющими. Они доказывают усилия Михая Храброго сделать так, чтобы средневековая Румыния — как объединенное и независимое государство — имела такие же границы как и древняя Дакия. Следовательно, в качестве «господаря Валахии и Ардяла и Всей Страны Молдовы»¹⁰ требует от габсбургского императора Рудольфа II признать этот статут: «Чтобы Его Величество дало — уточняя, между прочим, летом 1600 года, послы, вернувшиеся в Вену после посещения Двора Михая — *in perpetuum* Ардял, Молдову и Румынскую Страну Михая и его сыну»¹¹. Более того, зная, что западная и северо-западная границы средневековой Румынии были уже долгое время урезаны, требует от того же Рудольфа, в недвусмысленных выражениях, исправления этого положения: «желаю от императора и венгерской страны, чтобы граница,

установленная отцом его величества императором Максимилианом со вторым принцем Янашем между Ардялом и венгерской страной, та граница была бы и тепер; от которой границы в это мятежное время взяли в свое царство: Орадя с областью Бихора, и Хустул с областью Марамуреша и области Красны и Солнока и Сарауда и Наг-Байа и Байа де Сус и со всеми из областями, которые были даны императором Максимилианом Ардялу, его величество император отдал бы опять Ардялу, как это было раньше»¹². Такую же заботу проявляет румынский господарь и о западных и юго-западных областях, находившихся под османским господством: «Крепости пограничные должны быть освобождены из рук неверных. Тимишоара, Фелнакул, Ченадул, Бешкерекул, Панчюва, Беринул со всеми областями, сколько их есть на Дунае были пядь за пядью нашей землей»¹³.

Первый портрет прославленного воеводы, опубликованный в газете-брошюре, в Нюрнберге, 1601 год

Но если западная граница находилась под господством Габсбургской империи, то в отношении восточной и юго-восточной границы Михай желал получить гарантии от короля Польши, от которого, в то же время, требует своего признания как господаря всех румын¹⁴.

Таким образом ясно, что намерением Михая Храброго было освобождение и объединение в единое государство всей древней территории, на которой проживали румыны, восстановление естественных Дакий короля-героя Дече-бала. Это было «дерзостью», которые не могли «допустить» великие державы, так как государство всех румын могло не только согнать оттоманов в Азию, но поставить под вопрос авторитет и экспансионизм «великих» европейских держав, и в первую очередь Рудольфа II, — объявленного «владыки» континента: «Таким образом он начинает посылать письма и послов — отмечает Бисселиус, — и без стеснения ведет переговоры с турецким султаном, с поляками Замойского, с татарами — которым недавно нанес поражение — чтобы он и его сын Пэтрашку когда-нибудь могли бы стать великими господами трех Дакий, независимыми от императора»¹⁵.

Ответные действия были неожиданными, антирумынская польско-оттомано-габсбургская коалиция сумели одновременно ликвидировать силой то, что было создано и созидателями: единое румынское централизованное и независимое государство, созданное в 1599—1600 гг. под скипетром Михая Храброго. «Объединение 1600 г. было ликвидировано мечом извне, не уничтожено, как кричали некоторые, потому что оно не имело основы»¹⁶.

И, все же борьба за единство была успешна. Каждый год, 1 Декабря румынский народ празднует свою победу, напоминает всем свободолюбивым

народам, всем, кто хочет быть хозяином на своей земле, какие огромные силы скрыты в воле народов остаются самими собой. Под знаком этого идеала находились мысли и дела великого героя румынского народа, каким является Михай Храбрый Объединитель.

■ АЛЕКСАНДРУ В. ДИЦЭ

- 1 Hieronymus Ortelius, în *Mihai Viteazul în conștiința europeană*, vol. 2, București, 1983, p. 59.
- 2 Stephanus Szamosközy, în *ibidem*, p. 178.
- 3 Ciro Spontoni, în *ibidem*, p. 108.
- 4 Ilie Bădescu, *Timp și cultură*, București, 1988, p. 180.
- 5 General-locotenent dr. Ilie Ceaușescu, *Transilvania — străvechi pământ românesc*, București, 1984, p. 25—26.
- 6 *Istoria militară a poporului român*, vol. II, București, 1986, p. 25—26.

- 7 Anton Verancsics, în *Călători străini despre țările române*, vol. I, București, 1968, p. 418.
- 8 Lazaro Soranzo, în *Mihai Viteazul în conștiința europeană*, vol. 2, p. 246.
- 9 Ioannis Bisselius, în *ibidem*, p. 302.
- 10 *Documenta Romaniae Historica*. B. Țara Românească, vol. XI, București, 1975, p. 553.
- 11 Eudoxiu de Hurmuzachi, *Documente privitoare la istoria românilor*, vol. XII, București, 1905, p. 960.
- 12 *Documente și însemnări românești din secolul al XVI-lea*, București, 1979, p. 130.
- 13 *Ibidem*, p. 146.
- 14 Ion I. Nistor, *Tratatulele lui Mihai Viteazul cu Polonia*, în „Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorică”, s. III, t. XVI (1934—1935), p. 64.
- 15 Ioannis Bisselius în *op. cit.*, p. 304.
- 16 Dan Zamfirescu, *Independență și cultură*, București, 1977, p. 69.

На поле Турда Михай Храбрый был вероломно убит. Однако идея румынского единства — бессмертна (гравюра, напечатанная в Лейдене, 1708 г.)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО, важнейшая цель политических программ века революций*

Во второй половине XVIII века, по мере прогресса румынского общества и упрочения национального сознания, все классы и социальные категории все острее чувствовали необходимость создания национального государства, то есть политических и институционных рамок, соответствующих подлинной действительности, которой была румынская нация.

Революция Хорн, первая хронологическая веха века революций, характеризовалась не только размерами военных действий и доблестью крестьянского войска в боях, но и ее румынской спецификой, углублением существовавших и до того времени связей между румынами с обоих склонов Карпат, утверждением со-

знания солидарности, которое связывало три румынских страны. Знаменательным в этом смысле является тот факт, что дворянство в своих демаршах к властям с намерением заставить власти принять более энергичные меры против румынских крестьян, которые дали сигнал к борьбе за освобождение, предупреждали, что крестьяне «переписывались с соседними странами Молдовой и Мунтенией, от которых ждали помощи, и что в начале 1785 года около 30 000 румын с восточной части Карпат хотели вторгнуться в Трансильванию через Гимешский перевал». Не случайно имперские власти укрепили стражу на границах Трансильвании и других румын-

ских стран на юге и востоке Карпат, а во время судебного процесса над руководителями революции, следователи с упором остановились на связях Хорн с его соотечественниками в Мунтении. Сам Хорн считался современниками «*Rex Daciae*», продолжателем другого «*Restitutor Daciae*», которым был Михай Храбрый. Таким образом идея о единстве румын жила в сознании трансильванских крестьян и находила самое красноречивое выражение в возрождении единства даков. Все это является доказательством того, что революция 1784 года способствовала цементированию связей между всеми румынами, независимо от навязанного им политического государства или разделяющих их силой искусственных границ. Таким образом, революция сыграла важную роль в осуществлении единства нашей на-

* На снимке Хория, Клешка и Кришан, как их представляет гравюра Антония Альвиса Хоехне; в факсимиле второе прошение, которое Хория — «защитник народа», как его назвал в 1785 г. дублинский издатель — послал императору Иосифу II

D'UN DÉFENSEUR DU PEUPLE
L'EMPEREUR JOSEPH II,
SUR SON REGLEMENT CONCERNANT L'ÉMIGRATION,
ET PRINCIPALEMENT SUR LA RÉVOLTE
DES VALAQUES;

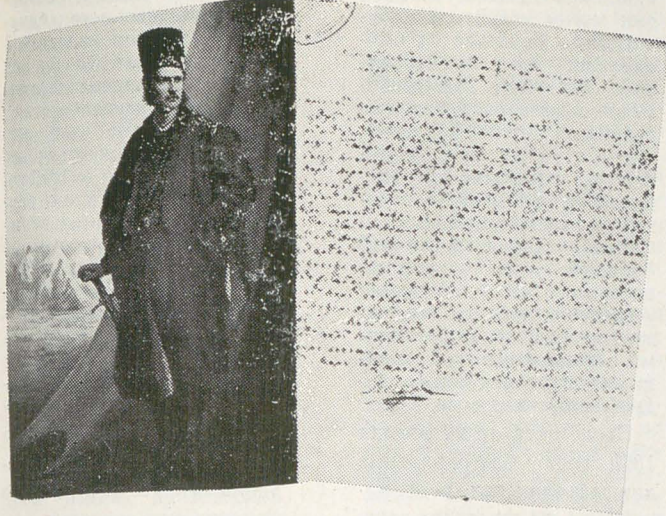
De l'on discute à fond le droit de révolte du Peuple.

„ Toutes les fois qu'on s'écarte de la fin des Gouvernemens
„ & que la liberté publique est en danger, (que tout autre
„ moyen de le sauver est inefficace, le peuple peut & a le
„ droit de réformer l'ancien gouvernement & d'en établir
„ un nouveau. La doctrine de non résistance au gouvern-
„ ment arbitraire est absurde, servile & destructive du bien
„ & du bonheur du genre humain. „

Constitution de l'état de Maryland, ART. 4

DUBLIN,
M. DCC. LXXXV.

Руководитель румынской революции 1821 года (картина Т. Амана; справа факсимиле третьей прокламации Тудора Владимиреску, адресованной жителям Бухареста и «всему народу»)

ции. Благодаря программе, последствиям и отклику на остальных румынских территориях, фактически революция охватила все румынское пространство. Согласно характеристике Николае Бэлческу, благодаря революции были записаны «права румынской нации, политическая и социальная программа будущей революции».

Действительно, следующее событие огромной важности — революция 1821 года — выразила такой же пыл, волю и действия румынского общества

за завоевание свободы и единства. Несмотря на то, что в основном революция развертывалась в Мунтении, она охватила и Молдову и Трансильванию. Тудор рекомендовал тесно кооперировать с молдовянами, отмечая этническую общность с ними «так как мы принадлежим одному и тому же народу и закону»; окончательной целью было «в единстве мыслей и в один голос с Молдовой завоевать справедливость для этих княжеств, помогая друг другу»¹. В свою очередь румынское крестьянство Трансильвании с

большой надеждой встретило революцию Тудора Владимиреску, руководителем которой считался новый Хоря. Так, в коммуне Хэлмаджиу (Арадский уезд) один крестьянин сказал, что если барщину будут требовать и впредь, тогда будет «как при Хории»². Волнения в рядах трансильванского крестьянства вызвали тревогу у властей, которые сосредоточили войска³, конфисковали оружие и широко распространили папскую энциклику от 13 сентября 1821 года, которая осуждала деятельность секретных обществ революционного характера. Беспокойство властей росло вследствие убеждения в том, что на войска нельзя было положиться, что, между прочим, подтверждалось разговорами между румынскими войсками пограничных полков: «Самый старый говорил самому молодому, что через две-три недели придет сюда Тодоруц, который наведет другие порядки»⁴.

Николае Бэлческу, который, как было указано, выявил продолжение революционного процесса посредством передачи «эстафеты» от Хории Тудору, правильно понял, что национальное единство будет одной из основных целей будущей революции, о чем извещал в 1847 году следующими словами: «Считаю, господа, что наша цель не может быть иной чем *Национальное единство румын*; вначале единство идей и чувств, которое со временем приведет к политическому единству и оно объединит мунтянов, молдовян, бессарабцев, буковинцев, трансильванцев, бэнэдянов, куцовлахов в одно политическое целое, в румынскую нацию, государство с семью миллионами румын»⁵.

На самом деле, во время революции 1848 года, охватившей той или иной формой все румынское пространство, национальное

1859 г. А. И. Куза избран одновременно господарем в Яссах и Бухаресте. Преступив волю великих держав, румынский народ осуществляет Объединение Княжеств (картина Илне Григораша)

единство преобладало, то пока они могли надеяться и решительно бороться за объединение двух внекарпатских княжеств. После революционный период характеризовался интенсификацией, как в стране, так и за рубежом, инициатив за объединение Молдовы и Мунтении, ставшей теперь проблемой, представляющей большой международный интерес. Это облегчило устранение препятствий, чинимых внешними факторами, заинтересованными в сохранении политической раздробленности румын.

После акта от 24 января 1859 года благоприятные для объединения всей на-

сильвании, укрепив существование национального единства народных масс этой провинции, дав толчок их борьбе за объединение с отчиной⁷. Трансильванским румынам стало ясно, что желание объединиться со Страной сделало в 1859 году большой шаг к его осуществлению. Трансильвания была основной составной частью румынского единства и пока она оставалась под господством Австрийской империи возникшее в 1859 году на карте Европы румынское государство сохраняло характер временно-го незавершения, что было ясно всем. На этой констатации основывалось письмо

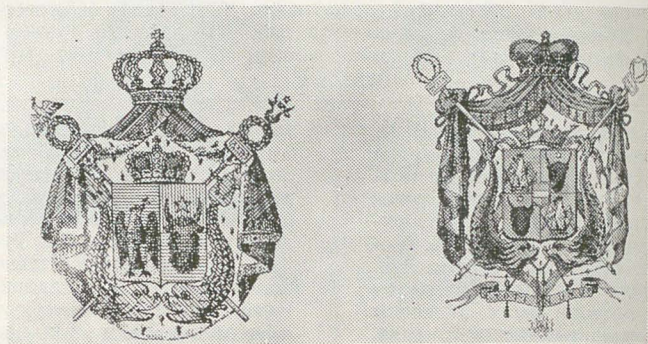
Даже если в 1848 году решение «малого объединения» казалось единственно возможным, представление о Дако-Румынии, о «великом объединении» существовало в сознании многих умов и в некоторых действиях, глубоко беспокоя различных представителей трех империй — габсбургской, оттоманской и царской, — которые различным образом господствовали над румынскими территориями⁶.

Но руководители румынской революции 1848 года, подавленной военной интервенцией сопредельных империй, сделали из ее кровавого исхода вывод о том, что если в тех условиях возникновение на карте Европы государства, которое возродило бы древнюю Да-

ции чувства и действия проявлялись с равной силой по обе стороны Карпат. Само двойное избрание полковника Александру И. Кузы с энтузиазмом и надеждой приветствовали трансильванские румыны. Для них Объединение стран означало мощный импульс их борьбе за социальную и национальную свободу. Братья из закарпатских провинций являлись для них примером и призывом, нашедшим широкий отклик, отраженный самой историей. Как указывает товарищ Николай Чаушеску, «...Объединение княжеств явилось актом, заложившим основу современного румынского национального государства. Оно вызвало могучий отклик и в Тран-

Ал. Папиу-Илариана, на правленое в 1860 году государю Александру Иоану Кузе. «Без Трансильвании, писал он, у Стран нет будущего, они ведут шаткое и неуверенное существование. Только объединение с Трансильванией заложит основы постоянства жизни Румынии»⁸. В его концепции, объединение Трансильвании с Объединенными странами является исторической необходимостью, от осуществления которой зависело будущее румынского государства.

Действия в межкарпатской стране в свою очередь имели мощный отклик в современном румынском государстве. Ответственное мнение и печать

Первые гербы Румынии во время правления А. И. Кузы (рис. Д. Пекурару)

провозглашали единую волю видеть всех румын в рамках границ одной родины. В 1861 году в Яссах начала выходить из печати публикация под названием «Дасия» («Дакия»), выражавшая подлинную политическую программу действий и на страницах которой можно было читать следующие утверждения: «Жизнь, счастье и будущее румынской нации — это только подлинное объединение всех румын». Или: «Единство Румынии было, есть и будет постоянным стремлением каждого румына»⁹.

Сам Куза всегда вел себя как выразитель интересов всей нации, признаваясь, что целью его политических усилий является «обеспечение судьбы, благосостояния и свободы для всех, кто называется румыном»¹⁰. Его позиция подтверждает мощное народное течение за объединение всего румынского общества, что констатировал и эмисар венгерской эмиграции Г. Клапка, который указывал, что в едва созданном государстве «и женщины, и дети не мечтают ни о чем другом», а только об объединении с Трансильванией, Банатом и Марамурешом.

Стойкая позиция Кузы развивать и подготавливать объединение всех сынов родины увеличивала беспокойство всех тех, кто видел в создании нового единого румынского национального государства препятствие для проведения их политики экспансии. Возможность возникновения «дако-румынского королевства, опирающегося на национальные границы», о которых писал австрийский консул в Бухаресте Эдер, в равной мере беспокоило и Петербург и Вену.

После Объединения княжеств, завоевание полной независимости, естественно, создавало путь к завершению национального единства. Объединение всех румын было немыслимым без независимости румынского государства. Чтобы выпол-

нить свою объединяющую миссию, румынское государство должно было существовать самостоятельно, проводить внешнюю политику, свободную от каких-либо ограничений, должно было быть оснащено военной силой, соответствующей ее политическим целям.

Война предоставила всем румынам — в стране и за рубежом — повод проявить мощное чувство национальной солидарности. Ведомая румынским государством война за независимость была войной всех румын, которые находили самые разнообразные формы — от пожертвований до зачисления в армию — для выражения их полного и глубокого согласия. Не случайно в Трансильвании считали войну событием огромной важности, делом всей румынской нации: «Дело румынского воина», — писала «Газета Трансильвании» — это общее дело румын; его победа — это победа всей нации»¹¹.

Солидарность, проявляемая румынами, проживавшими в Габсбургской империи, с военными усилиями Румынии за национальную независимость, вызвала, с одной стороны серьезную озабоченность в Вене, а с другой стороны, возродила идею о Дако-Румынии. «Вообще румыны (в Трансильвании — прим. ред.) выражают большую симпатию к событиям в Румынии и в рядах населения, распространился слух о том, что Трансильвания будет присоединена к Румынии — указывалось в одном из документов — и подобные мнения могут быть услышаны публично, и в кругах высокопоставленных классов»¹².

Завоевание независимости в результате войны 1877—1878 гг. рассматривалось всеми общественными румынскими силами как обязательный этап в историческом процессе осуществления незыблемого права румынской нации на создание целого и единого государства. В течение после-

дующих лет борьба за объединение всех румын постоянно росла. Объективные и субъективные условия были объединены накануне первой мировой войны, чтобы Великому Объединению стало исторической действительностью.

■ Полковник
КОНСТАНТИН
КЭЭЭНИШТЯНУ

- 1 *Documente privind istoria României. Răscola din 1821*, vol. II, București, Editura Academiei, p. 32.
- 2 Acad. Andrei Oțetea, *Tudor Vladimirescu și revoluția din 1821*, București, Editura Științifică, 1971, p. 279—280.
- 3 Hurmuzaki, *Documente privind istoria României, seria nouă*, vol. III, Editura Academiei, București, 1967, p. 24; *1848 la români*, ed. Cornelia Bodea, Editura Științifică și enciclopedică, București, 1972, p. 17.
- 4 Acad. Andrei Oțetea, *op. cit.*, p. 283.
- 5 Cornelia Bodea, *1848 la români*, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1972, p. 17.
- 6 *Anul 1848 în Principatele Române*, vol. II, București, 1902, p. 610.
- 7 Nicolae Ceaușescu, *România pe drumul dezvoltării construcției socialiste*, vol. 3, Editura Politică, București, 1969, p. 710.
- 8 „Revista pentru istorie, arheologie și filologie”, an I/1882, p. 136.
- 9 „Dacia”, an I, 1861, nr. 23, f. 2.
- 10 Apud I. P. Panaitescu, *Cuza Vodă și unitatea națională a românilor, în „Arhiva pentru reformă și știință și reformă socială”, an VIII, 1929, p. 56.*
- 11 „Gazeta Transilvaniei”, an II, nr. 42, din 2/14 iunie 1877, p. 1.
- 12 *Unirea Transilvaniei cu România*. 1 Decembrie 1918, București, 1970 p. 131.

СОПРОТИВЛЕНИЕ РУМЫН чужеземному нажиму, вмешательству и угнетению

Д-р ВАСИЛЕ КРИСТИАН

Румыны, склонные к мирной деятельности, строительству, веками были вынуждены бороться против экспансионистских тенденций и действий кочевых народностей или сильных соседних держав. Географическое расположение, а также несметные богатства земли привели к тому, что зачастую румынская территория была театром военных действий или пунктом притяжения в целях захвата, не приложив своего труда, ценностей, созданных местными жителями. Следовательно, тем более ожесточенным должно было быть их сопротивление чужеземному нажиму, вмешательству и угнетению. Оно решительно было проявлено на протяжении всего средневековья и значительно усилилось в новую эпоху, одновременно с утверждением румынской нации, как основной предпосылки создания единого национального государства в 1918 году.

В этом отношении важную роль сыграли трансильванские румыны. Они решительно проявили себя еще в XVIII в. национальными устремлениями Иннокентие Милу, культурными усилиями Трансильванской школы, политической акцией Супплекса, вооруженным восстанием Хории, направленными против чужеземного вмешательства и угнетения. Деятельность в этом отношении усилилась в XIX в. — истинным «веке национальностей». 1848 год служит в этом отношении самым красноречивым доказательством — благодаря

вызвавшим восхищение современников действиям, события того времени предстают как самые важные в тот момент в Европе¹.

Тем более удивляет как их «интерпретируют» современные венгерские историографы, которые или минимализируют и даже порочат роль ряда таких румынских революционных деятелей, как Симион Барнуциу, Аврам Янку и др., или затушовывают размах румынских выступлений, как они это делают, например, с многолюдным собранием в Блаже от 3/15 мая 1848 года — событием, имеющем мало себе подобных на континенте. При освещении стремления к национальной свободе венгерских революционеров, порицается подобное стремление революционеров румынских, которые иногда представлены даже как реакционеры, когда они не принимают программу, ведущую их к положению политического подчинения. Этот факт тем более заслуживает осуждения, что подобная манера представления фактов появляется иногда и в школьных учебниках.

Выраженное в 1848 году желание устранить чужеземное господство и объединиться с братьями по ту сторону гор получило новый и мощный импульс одновременно с Объединением Княжеств. 24 января 1859 года — памятная дата для всего румынского сообщества. О том свидетельствует, как был принят свершившийся в тот день и последовавшие за ним акты². Самым красноречивым тому примером служит создание,

спустя всего лишь два года после Объединения, Трансильванского общества румынской литературы и культуры румынского народа (АСТРА), внесшего огромный вклад в борьбу за эмансипацию трансильванских румын.

На этапах, отметивших путь румын к созданию единого румынского национального государства, были, однако, и особенно комплексные моменты, развернувшиеся после 1867 года, когда был установлен австро-венгерский дуализм, способный стать исключительно важным препятствием на пути естественного развития этого процесса. Это утверждение особенно действенно по отношению к Трансильвании, которая после веками непрерывно и в различных формах сохраненной автономии, впервые была включена в венгерское государство³, а будапештское правительство, невзирая на некоторые положения Закона о национальностях, было исполнено решимости прорваться к политике ее насильственной мадьяризации. В то же время, однако, диалектика исторической эволюции отмечает, что ухудшение условий национальной борьбы трансильванских румын вызвало расширение этой борьбы. Она повысила степень своей интенсивности, когда ее цели простирались в более точном свете. Факт сам по себе проявился особенно ярко в следующем же году, одновременно с блажским Пронунионентом — решительным протестом против насильственного присоедине-

ния Трансильвании к Венгрии. Документ пользовался широкой народной поддержкой, выразившейся в многолюдном собрании 3/15 мая, в городе Поля Свободы, отметившем вторую годовщину собрания 1848 года. Он содержал фундаментальные требования трансильванских румын — автономии Трансильвании, признание равноправия румынской нации с другими нациями, право использовать румынский язык в администрации, юстиции, образовании, участие румынской нации в естественной пропорции в политической, административной и культурной жизни и т.д. Претворение в жизнь этих требований означало бы политическую независимость Трансильвании от Венгрии. После 1867 года политика венгерского правительства по отношению к трансильванским румынам укрепила их веру в то, что единственным путем их эмансипации — в первую очередь национальной, но и социально-экономической, политической и культурной — могло быть только объединение с Румынией. Граф Бест был убежден, что подобное решение поддерживало бухарестское правительство, хотя и не могло делать этого открыто⁴, а такой политический деятель, как Гамбетта, после поездки по бассейну Нижнего Дуная (1868 г.), выражал уверенность, что румынский вопрос возник из-за жестокости правления пештских властей, а в 1875 году он открыто выступил за королевство всех румын⁵.

Спротивляясь все более усиливавшемуся процессу мадьяризации, румыны использовали самые разнообразные средства. Под патронажем церкви — бывшей в значительной мере под мирским влиянием и явно игравшей политическую роль, — содержащейся благодаря местным вкладам и самоотверженному труду учителей, бывших истинными апостолами на-

ции, румынская школа имела широкую начальную сеть, значительно более широкую, чем других, бывших под венгерским господством национальностей, невзирая на все принятые против нее меры. Действовало и определенное число средних школ, к чему следует добавить растущее число румынских студентов, обучавшихся за границей. Несмотря на ужесточение официального надзора, школа была основным средством воспитания трансильванских румын.

Они выступали также и в печати. Из-за полного ограничений режима, число периодических изданий постоянно варьировало. К важнейшему из них «Трансильванской газете» в 1868 году добавились журнал Общества АСТРА, «Трансильвания», которым продолжительное время руководил Георге Барицу, и в 1884 году газета «Трибуна», выходившая в Сиббу под мотто «Наше солнце подходит в Бухаресте». Усилилась в то же время деятельность культурных обществ Трансильвании (в 1900 г. АСТРА вела культурную деятельность в 3 232 коммунах), Баната, Марамуреша, а также студенческих обществ в Будапеште и Вене.

Начиная с 1881 года прямая политическая деятельность румын получила более высокие организационные рамки в результате объединения двух партий Трансильвании и Баната в Румынскую национальную партию (РНП), программа которой предусматривала, в первую очередь, восстановление автономии Трансильвании. РНП организовала широкую пропагандистскую кампанию в пользу румын. В результате проведенных мероприятий в 1887 году было принято решение разработать документ, содержащий широкий анализ положения румын и их требований. Им стал Меморандум (1892 г.), поддерживавший «целый арсенал не подлежащих обжа-

лованию фактов и документов»⁶. Против его инициаторов венгерские власти приняли строгие меры, вызвавшие мощную реакцию не только в Трансильвании и в старой Румынии, но и за рубежом; в поддержку румын высказались видные деятели европейской политической и культурной жизни как в неофициальных, так и официальных заявлениях. Меморандистское движение представляет собой вершину борьбы трансильванских румын против венгерского угнетения. Она была продолжена и в последующие годы, заставив (в 1910 г.) пештские власти начать румыно-венгерские переговоры, не давшие, однако, результатов.

Настойчивая политика дезнационализации велась и против румын северо-запада Молдовы, включенного в 1775 году в Габсбургскую империю и позднее названного Буковиной⁷. После определенного периода военной оккупации она продолжительное время была аннексирована Галиции, в качестве просто «административного округа», а ее жителям было отказано в просьбе остаться «отдельной провинцией с ее старым положением и поселениями»⁸. В первые же годы против нового положения поднялось движение протеста, сельские жители переходили в Молдову, уходили в горы, собирались в гайдуцкие дружины, организовывали мятежи, усилившиеся в преддверии 1848 года⁹, вынудив венское правительство объявить имперской Конституцией от 4 марта 1849 года, автономии Буковины, провозглашенную герцогством. Этот статус она сохранила до 1918 года. Румыны протестовали также против массивной колонизации, к которой прибегли габсбургские правители с явной целью дезнационализировать провинцию, чего им добиться, однако, не удалось. В то же время интеллигенция, служители церкви и кре-

ствия Буковины постоянно и самыми различными средствами требовали политических и национальных прав¹⁰, которые были обобщены в программном документе от 20 мая 1848 года — «*Прошении страны*».

Борьба за ее освобождение вступила в новую стадию одновременно с созданием Румынской национальной партии Буковины (1892 г.), программа которой предусматривала автономию Буковины и сохранение ее историко-политической индивидуальности. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, национальное сознание буковинских румын значительно проявилось благодаря как деятельности местной интеллигенции, так и все более тесным связям со старой Румынией, в особенности с Яссами, куда бежало большое число интеллигентов из занятой габсбургами части Молдовы. Говоря о приеме многочисленной делегации этого района примэрией и жителями Ясс, турецкий консул отмечал, что «здесьняя общественность считает это первым шагом к объединению», чтобы затем прийти к претворившемуся через десятилетие в жизнь выводу, что «любой румын, прошедший через школу, даже только начальную, знает, что Буковина, Трансильвания и Бессарабия суть отнятые от Румынского королевства провинции и что рано или поздно они должны вернуться к родине-матери»¹¹.

Борьба бессарабских румын за эмансипацию проходила в более трудных условиях, чем в других, бывших под чужеземным господством провинциях. Правда и то, что вначале она пользовалась привилегированным обращением:

организационный закон 1818 года был составлен в несколько либеральном духе и сохранял в значительной мере старые местные законы. Следовательно, можно было считать, что в тот момент Бессарабия представляла собой включенный в русскую империю «фрагмент государства» со своими традициями. Даже герб новой провинции был составлен простым присоединением к голове зубра Молдовы русского орла¹².

Спустя, однако, примерно десятилетие, положение изменилось коренным образом. Автономия провинции была, практически, упразднена, местные законы заменены царскими, а использование румынского языка в администрации запрещено. Даже в этих условиях сильным остается национальное чувство. События, происходившие по ту сторону Прута, находили широкий отклик в Бессарабии. В 1848 году, в Кишиневе, начала выходить газета «*Румын*», а спустя десятилетие — одноименный журнал. Объединение 1859 года бессарабские румыны — в том числе и Александру Хашдэу — приветствовали, причем власти уловили опасность выступлений в этом направлении. Так, в 1862 году боярину Кристи было отказано в прошении открыть типографию по той причине, что он «принадлежит к пламенным молдофилам и мечтает об объединенной Румынии»¹³. Эта констатация, в более широкой перспективе, была повторена русским министром народного просвещения, который, по случаю одной из инспекций в этом районе, констатировал, что «объединение Молдовы с Мунтенией и создание почти независимого княжества явно привлекает их молдовских соседей в

Бессарабии»¹⁴. Власти получили и информацию относительно практических действий в этом отношении»¹⁵.

Против подобных тенденций будут приняты очень жесткие меры, направленные на русификацию провинции.

В подобных условиях национальные выступления были, естественно, сильно затруднены. И все же полностью их невозможно было устранить, поскольку они имели две, поддерживавшие их, точки. С одной стороны речь идет о многочисленной массе крестьян, сохранивших обычаи своих предков и, в особенности, язык; как свидетельствуют документы того времени, только немногие из них владели русским языком. Подобное же положение зачастую встречалось и в городах. С другой стороны, несмотря на все запреты, интеллигенция делала так, чтобы книги, печатавшиеся в старой Румынии, попадали и на эту сторону Прута. Немного было тех, кто, завершив русский университет, отказался бы от своих древних национальных чувств. Свидетельство тому служит деятельность интеллигенции в преддверии первой мировой войны. В попытках практиковать национальную культуру им приходилось преодолевать особые трудности, но сообразно обстоятельствам они готовились к будущим выступлениям в рамках общенациональной борьбы.

В этом контексте следует учитывать и борьбу румын, проживавших в Добрудже¹⁶. Провинция, бывшая со второй половины XIV в. под османским господством, познала многочисленные демографические преобразова-

ния, но и здесь румыны постоянно были самым многочисленным населением; к местному населению (дицианы) присоединились, в особенности в первый период новой эпохи, осевшие здесь кожаны и моканы (Ион Ионеску-де-ла-Брад считал, что каждое село здесь можно считать «Дакией в миниатюре»), что, с одной стороны, укрепило связи с другими румынскими территориями, а с другой — усилило сопротивление османскому господству. Крупные события национальной истории глубоко влияли и на территорию между Дунаем и Черным морем. Во время революции 1821 года османские власти приняли меры для предотвращения контактов местного населения, в особенности мокан, с пандурами. В 1848 году добруджанские румыны боролись плечом к плечу с Аврамом Янку, точно так же, как позднее, Ион Ионеску-де-ла-Брад и Николае Бэлческу считали Добруджу возможным центром румынского национального сопротивления. И объединение Княжеств широко откликнулось в Добрудже, о чем, в частности, свидетельствует поездка в 1860 году Александра Иоана Кузы через Добруджу в Константинополь, или позднее, поездка Карола I, по случаю чего представители Румынии в Тулче и Сулине описывали добруджанских румын «как братьев и горячих патриотов нашей родины, надеющихся в будущем объединиться с нами». Эту надежду сильно импульсионировала культурная деятельность. Были созданы школы не только в городах и местечках, но и в селах. В них, в основном, преподавали в национальном духе учителя других румынских

территорий, готовые «к свободе и национальности, внимательные ко всему, что происходит в Румынском Княжестве», как писал Ион Ионеску-де-ла-Брад. Он же отмечает красноречивое желание одного румына из Тулчи «чтобы во всех румынских селах по эту сторону Дуная были школы и чтобы все румыны объединились»¹⁷. Подобную же цель имело и «Румынское общество культуры и языка», своего рода добруджанский «филиал» АСТРЫ, основанное в 1870 году по инициативе румынской школы в Хыршове. Все эти элементы подготовили акт 1878 года, когда Добруджа — эта «задунайская Румыния», как ее называла одна из публикаций того времени¹⁸ — воссоединилась с родиной-матерью (красноречив тот факт, что в тексте Берлинского договора подчеркнуто слово воссоединение).

Акт 1878 года явился таким образом новым этапом на пути осуществления румынского единства, реализация которого в 1918 году представляла собой логическое завершение длительного и комплексного исторического процесса. В этом процессе фундаментальным элементом было сопротивление румын чужеземному нажиму, вмешательству и угнетению, что мы попытались вкратце представить нашему читателю.

1 *Istoria militară a poporului român*, IV, (coord. principal general-locotenent dr. Ilie Ceaușescu), Editura Militară, București, 1987, p. 271 și urm.

2 Ștefan Pascu, *Făurirea statului național unitar român*, I, Editura ști-

- ințifică și enciclopedică, București, 1983, p. 157 și urm.
- 3 Ilie Ceaușescu, *Transilvania, străvechi pământ românesc*, Editura militară, București, 1984, p. 68.
- 4 N. Iorga, *Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles Ier (1866—1880)*, București; 1938, p. XII.
- 5 Paul Deschanel, *Gambetta*, Paris, 1929, p. 199.
- 6 R. W. Seton-Watson, *Histoires des Roumains de l'époque roumaine à l'achèvement de l'unité*, Paris, 1937, p. 494.
- 7 Mircea Mușat, Ion Ardeleanu, *De la statul geto-dac la statul român unitar*, Editura științifică și enciclopedică, București, 1983, p. 394 și urm.
- 8 Ibidem, p. 394.
- 9 Mihai Iacobescu, *Revoluția de la 1848 — moment de răscruce în istoria românilor din Bucovina*, „Suceava”, V, 1978, p. 13 și urm.
- 10 Mircea Mușat, Ion Ardeleanu, op. cit., p. 395.
- 11 Ibidem, p. 399.
- 12 Ibidem, p. 401.
- 13 Ibidem.
- 14 St. Ciobanu, *La Bessarabie, sa population, son passé, sa culture*, București, 1941, p. 61.
- 15 Mircea Mușat, Ion Ardeleanu, op. cit., p. 202.
- 16 Adrian Rădulescu, Ion Bitoleanu, *Istoria românilor dintre Dunăre și Mare. Dobrogea*, Editura științifică și enciclopedică, București, 1979.
- 17 Gh. Platon, *Istoria modernă a României*, Editura didactică și pedagogică, București, 1985, p. 112.
- 18 „Românul”, 19 august 1878.

1918. ВЕЛИКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РУМЫН — ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ОБЪЕДИНЕНИЕ НАВЕКИ

Проф. д-р ДУМИТРУ АЛМАШ

Историки, философы, социологи констатировали, что в особенно трудных условиях история румынского народа развертывалась в течение двух с лишним тысячелетий в трех координатах: *Преемственность, Единство, Независимость*.

Первая координата — *Преемственность* — с самых отдаленных времен истории цивилизации выражается в непрерывности проживания в этом благословенном карпато-дунайско-понтийском пространстве. Румынский народ представляет собой плод, золотое зерно этой земли и зарожден здесь одновременно с лесом и колосом пшеницы, одновременно со всеми другими ценностями, специфичными для данной географической зоны. Он представляет собой плод этой географической зоны, который созрел и сохранился здесь, преодолев все превратности времен: набеги, грабеж, чужеземное господство, растерзанные границы, угнетение, непризнание на существование, даже отношение как чужаку со стороны пришельцев на нашу землю, грубые, но безуспешные попытки дезнационализации. И несмотря на все это он выстоял и развился, беря соки в глубоких дакийских корнях, доказав истории, что «вода течет, а камни остаются». Вторая координата — *Единство* — полное, совершенное единство, обусловленное географическим пространством и этногенезисом, жизнью и куль-

турой, выраженными в самом унитарном на земле языке. Драма истории румынского народа в том, что это единство с самого начала топтали и терзали те венгерские короли, татарские ханы, османские султаны, те габсбургские императоры или русские цари, которые накинудились на румынскую территорию и народ, как на соблазнительную и легкую добычу. Румынская территория, карпато-дунайско-понтийское пространство так гармонично устроено в своей внутренне-географической структуре — в нем в равной пропорции есть горы, равнины и плато, — и так моделировано и окружено реками, будто крепость оборонительными рвами! Эта древняя земля имеет такое однородное, такое единообразное население! Известно, что многие века мы создавали свою историю, организованные в трех румынских странах — Трансильвании, Молдове и Мунтении. И мы не единственный случай в истории; итальянцы, немцы, испанцы постепенно, этапами создали свои единые национальные государства, ведя зачастую тяжелую борьбу против чужеземных завоевателей, всегда практиковавших систему «разделяй и властвуй». Но несмотря на то, что веками мы жили, разделенные на три «страны» — или, может быть, именно поэтому — мы постоянно стремились быть объединенными «воедино и

в одной стране», как говорил летописец Мирон Костин. И в различных структурных формах: экономической, политической, культурной, военной это единство все же функционировало. Экономическая роль трансильванских городов, поставлявших всему румынскому пространству промышленные изделия; пастушество, каждый сезон перегонявшее стада из гор в равнины; обмен между жителями гор и равнин зерном, а также необходимость в древесине и минералах населения равнинных районов — все это способствовало живым и постоянным связям, будучи явлением и венцом единства, обусловленного более сильными, чем любое чужеземное господство, самовольно навязывавшее границы, географическими требованиями. Сознание румынского единства получено нами по наследству с древних времен. Нам можно отсчитать годы, поскольку, по сути дела, они сливаются с самим нашим существованием, с нашей национальной сущностью. С момента, когда румыны стали говорить на одном языке, понимать друг друга, с момента, когда они осознали, что у них одна вера и одни жизненные идеалы свободы, с того момента они осознали необходимость и законность единства, действовавшего как постоянно растущая моральная сила благодаря развитию культуры и самосознания. Политика оборо-

ны во время правления великих воевод: Мирчи Великого, Янку Хунедоарского, Штефана Великого, Михая Храброго, Константина Брынковяну, служила особым стимулом и связующим звеном, путем, к которому постоянно возвращались, чтобы доказать не только необходимость объединения, но и возможность реализации подобного жизненного акта. Эти великие полководцы и мудрые политические деятели продемонстрировали, что *свободу народа и независимость государства* невозможно завоевать и установить без национального единства всех румын. Все ясное свобода и независимость, государственный суверенитет предстают в дакийском пространстве, как следствие дако-римской, а затем румынской преемственности, как логика жизни и исторического становления, как следствие и неотъемлемое право, вытекающее из румынского единства, от Сигета до Джурджу и от Сатмара до Констанцы. Единство и независимость — тесно скорелированные принципы, они неразрывно переплетаются и взаимно и логично мотивируют друг друга в обстоятельствах, когда жизнь народа и существование государства в опасности. Это явление было проверено и в 1600 году, во время первого Объединения, осуществленного Михаем Храбрым, и в 1859—1877 годах при молдо-валахском объединении и завоевании независимости, а также в 1918 году, когда было завершено государственное единство.

В 1848 году, говоря о вековом стремлении румын к единству и независимости, Димитрие Болитиняну писал: «Самое ценное право любой нации — это право управлять собой по собственной воле; второе право нации — это право сохранять себя: нация всегда имеет право силой отбить любую несправедливую внешнюю агрессию; третье право — это право на свобод-

ное развитие всех ее способностей, пока их применение не перечит интересам других наций». По самому своему определению Объединение возможно осуществить, укрепить и сохранить только волей и борьбой всего народа. Крылатые слова М. Когэлничану, произнесенные им в 1859 году, выражают неоспоримую истину: «Объединение нация совершила!».

Более века тому назад, в 1877 году, Эминеску сформулировал великий и комплексный постулат нашей истории: «Независимость — это сумма наших исторических дат».

Как историк, я чувствую себя обязанным в обсуждаемой проблеме отметить полные истины слова, произнесенные президентом Социалистической Республики Румынии товарищем Николае Чаушеску: «Объединение Валахии и Молдовы и создание в 1859 году национального государства явились поворотным моментом в судьбе нашего народа, отметив вступление Румынии в новый этап своей исторической эволюции. Борьба за свободу и национальную независимость поднялась на новую высшую ступень и, таким образом, спустя менее двух десятилетий после объединения завоеван с оружием в руках, ценой больших жертв и крови, государственный суверенитет нашей родины».

Первый шаг к национальному Объединению и созданию нового государства — Румыния — был совершен одновременно с историческим процессом, пережитым и другими народами, как, например, итальянским и немецким, которые в те же годы создали свои единые национальные государства. В начале XIX в. национальная культура была фактом и духовным достоянием наивысшей ценности в освещении путей государственного воссоединения. Факел национального сознания горел все ярче, согревая сердца и укрепляя волю всего народа в борьбе за Объеди-

нение. «Наша Румыния будет жить. Слеп тот, кто этого не видит», — говорил Николае Бэлческу.

Поэтапный процесс объединения румынских государств естественно вписывается в историческую логику, приведшую к распаду многонациональных империй, какими были османская или австро-венгерская, распаду, давшему возможность народам освободиться от кандалов абсолютизма и угнетения, и приведшему к созданию свободных национальных государств в их этнических границах: Чехословакии, Венгрии, Австрии, Польши, Югославии, Румынии. Этот великий акт социальной, политической и национальной справедливости был совершен в широкомасштабных революционных условиях с повсеместным участием всего народа, что заложило основы, придало прочность и непреходимость национальным государствам. То, что осуществляли народы из необходимости жить и развиваться, то, что осуществляется по воле истории и во имя идеалов всех, обретает печать вечности.

«Чего не смогли в свое время сделать господа, — отмечает товарищ Николае Чаушеску, — продолжили другие: в 1848 году, в '59, '77 и 1918 году общей волей народа было осуществлено единство нашего национального государства /.../ Осуществление этого жизненного исторического требования было плодом борьбы широких народных масс, рабочих, крестьян, интеллигенции, передовых кругов буржуазии, основных социальных классов и слоев, делом всего народа, всей нации. История демонстрирует, что формирование единого румынского национального государства не было результатом случайного события, конъюнктуры, договоренности за столом переговоров; мирный договор всего-лишь узаконил фактическое положение, созданное борьбой народ-

ных масс. Объединение Трансильвании с Румынией явилось осуществлением векового стремления нашего народа к единству, мечты, за которую боролись и отдали свою жизнь целые поколения предшественников, исполнением объективного требования самого исторического развития».

Таким образом, братские связи, которые душили веками, стали свободными и естественными, согласно законам справедливости и цивилизации. В этот период без каких-либо затруднений объединились экономика и культура страны. Повышение экономической и духовной мощи дало плодотворные плоды за удивительно короткий срок.

Румынскому единству был нанесен тяжелый удар в 1940 году, во время второй мировой войны, грубой силой и самовольной политикой фашистских и ревизионистских государств. После героического и революционного 23 Августа 1944 года, урезанная Венским диктатом трансильванская граница была восстановлена в результате тяжелых и героических боев под Оарба на Муре-

ше и Пэулиш, Турдой, Мареем и Клужем-Напокой — факт, признанный Парижским мирным договором 1947 года, несмотря на все превратности и препят-

Специальный номер «Алба-Юлия» объявляющий о Великом Объединении 1918 г.

ствия. Договоры узаконивают фактическое положение, но только воля и борьба народов придают непреходящий характер историче-

ским принципам и свершениям. Румынское объединение, уходящее своими глубокими корнями в вековые стремления и борьбу, прочно и необратимо вошло в историческую действительность своего времени, в сознание и смелый и героический ритм становления сегодняшнего и завтрашнего мира. Сегодня объединение гарантировано и цементировано социалистической революцией, материальным и моральным конструктивизмом небывалой до сих пор по размаху эпохи. Ибо связующим звеном румынского единства является Румынская коммунистическая партия, руководитель, вдохновитель и инициатор прогресса на древней земле Румынии, навеки объединенной, независимой и суверенной.

Всеми этими историческими фактами Объединение вписывалось и постоянно вписывается, как благословенное, жизненно необходимое явление для настоящего и всех грядущих столетий. Его горячо поддерживает национальное сознание, высокий патриотизм, ведущий нас как луч света к будущему.

• СВИДЕТЕЛЬСТВА •

В 1918 году, после двух лет героической и с большими жертвами борьбы в защиту независимости и целостности румынского государства, оккупированного войсками Центральных держав и их союзниками, румынский народ осуществил свое тысячелетнее чаяние — освобождение и объединение со Страной древней румынской территории, находившейся под чужеземным господством.

Национальное и международное общественное мнение всецело осознало закономерность эволюции на единство румынской нации. Большинство историков и дипломатов, попавших в водоворот, который изменяет лицо Европы в конце второго десятилетия XX века, продемонстрировали настоятельную необходимость расчленения многонациональных империй, чтобы пробить дорогу торжеству принципа национальностей. Престижные деятели научной и политической жизни, евро-

пейской и американской, выразили свое восхищение огромными человеческими и материальными усилиями, вложенными всем румынским народом во имя осуществления деизидераты жить и развиваться свободно и независимо в рамках единого национального государства, способствуя таким образом международному признанию Великого Объединения румын, завершившегося 1 Декабря 1918 года. Среди них находились в первых рядах: Х. Уикхэм Стид, Р. У. Сетон-Уотсон, Дэвид Митрани, Аллен У. А. Липер, В. Петен, генерал Х. М. Бертелот и др.

Великое Национальное Собрание, состоявшееся в Алба Юлии, освятило на высшем уровне общественного выражения вековое чаяние румынской нации — объединение в рамках границ единого государства, таким образом скрепив необратимый исторический акт, плод борьбы всего румынского народа.

1918 год, год объективного утверждения неустемлемого права наций на свободное, самостоятельное развитие

Д-р ДОРИНА Н. РУСУ

1918 год отмечает кульминационную точку, когда борьба народов, угнетаемых многонациональными империями вступила в решающую стадию осуществления их национального требования. Эта борьба была объективно вызвана историческим развитием данных народов и находилась под мощным влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции, как и 14 пунктами, касающимися политических и экономических проблем Европы, представленным Конгрессу президентом Соединенных Штатов Америки В. Вильсоном. Утверждение принципа справедливости для всех народов и наций и необходимости, чтобы они жили в равных условиях свободы и безопасности требовало также подтверждения права на национальное самоопределение. В то же время, борьба угнетаемых народов за осуществление их высшего национального требования развертывалась и под сильным влиянием поражений австро-венгерской армии на различных фронтах, которые оповещали окончательную победу союзников и, в связи с этим, падение габсбургской монархии. Как отмечает товарищ Николае Чаушеску: «Падение цар-

ской и Австро-венгерской империй представляет собой в истории человечества событие эпохального значения, которое дало мощный импульс прогрессивному развитию общества, обусловило глубокие перемены в международных отношениях»¹.

В сложном процессе утверждения права народов на самоопределение особое место занял Конгресс национальностей, угнетенных этой «неразберихой языков и народов», как назвал Фридрих Энгельс многонациональную австро-венгерскую империю. Конгресс состоялся в Риме между 8 и 10 апреля 1918 года, демонстрируя силой непреклонной воли угнетенных народов освободиться от чужеземного господства и создать отдельные, независимые государства, организовать соответственно своим собственным интересам. Это требование было ясно выражено в *Соглашении*, подписанном представителями чехов, сербов, поляков, итальянцев и румын и содержавшем три решения особого значения, включая как право каждого из этих народов «создать единое национальное государство или завершить его создание, чтобы осуществить свою полную

ОТКЛИКИ НА РУМЫНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ

АЛЛЕН W. А. ЛИПЕР: «Объединение румын — огромный вклад в дело прогресса и цивилизации».

«Два года (1914—1916 гг.) Румыния была вынуждена ждать и не для того — как пренебрежительно говорят, — чтобы «приходить на помощь победителям», а сейчас, когда собственные политические и военные дела устроились, она может пролить кровь своих сынов в точной надежде, но с отчаянным риском, освободить угнетенных братьев, рисковать и испытывать страдания во имя идеала — объединение румынского народа и дело демократического прогресса и национальной свободы.

Ибо опирается не только Трансильвания, Банат и Буковина. С делом освобождения румын от Австро-Венгрии и их объединением в «Великую Румынию» связано будущее демократии свободы даже в Ру-

мынии. Как мы видели, румыны из Венгрии социально и политически — демократы. Они трудолюбивы, умны, глубоко чувствительны и стремятся к прогрессу, к образованию и автономии учебных заведений, за сохранение которых они заплатили деньгами и слезами. Они суровы, ибо должны были бороться с господствующей нацией, и экономны, ибо только путем экономии смогли выдержать двойной гнет со стороны государства и добровольно взятый на себя, чтобы сохранить церкви и школы. Их объединение с королевством Румынии несомненно будет — что всемирно признано — огромным вкладом в дело прогресса и цивилизации».

ГЕНЕРАЛ В. ПЕТЕН: «Румыния вступила в войну в момент, когда было еще далеко до победы».

«Мы не забыли и не забудем что Румыния вступила в войну на нашей стороне, в момент, когда война была далеко от победного конца, на второй день после Вер-

Словаки. 30 октября 1918 года Словацкий национальный совет отредактировал, в рамках собрания, состоявшегося в Турчанске-Св. Мартин Декларацию, в которой провозглашается отрыв Словакии от австро-венгерской монархии и ее присоединение к чехословацкому государству. «С исторической и лингвистической точек зрения — указывалось в Декларации — словацкий народ является частью чехословацкого народа. Мы требуем для этого чехословацкого народа права распоряжаться на основе полной независимости»⁴. В результате этого, независимое государство Чехословакия стало свершившимся фактом, вековые чаяния чешского и словацкого народов полностью осуществились. 14 ноября в Праге было создано Национальное Собрание при участии 201 чешского депутата и 69 словацких депутатов, которое провозгласило создание чехословацкого государства как республики. Таким образом, на карте Европы появилось новое независимое государство — Чехословацкая Республика.

События подобного значения произошли почти одновременно и на территориях Австро-Венгрии, на которых проживали южные славяне (сербы, хорваты, словенцы, босняки и т.д.). 17 октября 1918 года представители всех югославских партий в двойной монархии собрались в Загребе, создав Югославский национальный совет, первым шагом которого было создание временного правительства, которое должно было взять на себя административное управление югославскими территориями. Через два дня — 19 октября, — этот высший орган провозгласил независимость государства сербов, хорватов и словенцев, создавая таким образом основу, необходимую для объединения всех провинций в одно государ-

ство. 24 ноября, Народное Собрание (Вече), со штаб-квартирой в Загребе, приняло решение об объединении государства сербов, хорватов и словенцев с королевством Черногорье, с тем, чтобы в последующие дни высказалась за объединение и Народная скупщина Воеводины.

Европейская печать солидаризовалась с Трансильванскими румынами, борющимися за национальную свободу (факсимиле газет «Vérité» и «Intransigence» от мая 1894 г.)

Донесение посланника Испании в Бухаресте Мануэля МУЛЬТЕДО министру иностранных дел Испании.

«Что произошло однажды и на короткое время, сколько длилось правление румынского воеводы Михая Храброго в 1600 году, а именно тот факт, что весь румынский народ был объединен в пределах границ древней Дакии Траяна, кажется будет вновь реализовано и не силой оружия, а в силу свободного волеизъявления провинций, составляющих эту страну».

Выдержка из бельгийской газеты «Ориент» (после визита, нанесенного делегацией Трансильвании, посланнику Бельгии в Бухаресте)

«Посланник Бельгии, тепло поблагодарив членов трансильванской делегации за чувства, проявляемые к бельгийскому народу и его августейшему монарху, заверил их, что выполнит свой долг и считает за честь сообщить об этом своему правительству. Он добавил, что братское и волнующее

почтение, выраженное делегацией, явится ценным балластом на ранах Бельгии. Освобождение Трансильвании и ее объединение с Румынией, — заключил посланник, — вызвали в моей стране, где царит живой дух независимости и великая жажда справедливости, искреннюю радость».

ИОН КЛОПОЦЕЛ: «Исторический поворот, заложивший нерушимые основы свободного и единого государства румынской нации».

«Я имел большое удовольствие участвовать как официальный делегат Великого Национального Собрания в Алба-Юлии 1 декабря 1918 года, с которым у меня связаны неизгладимые воспоминания; это было памятное событие, уникальное в нашей современной истории... В тот зимний день свершился исторический поворот, заложивший нерушимые основы свободного и единого государства румынской нации...

Воя к объединению была торжественно официально утверждена 1 декабря 1918 года, когда было провозглашено единое государство всех югослав — Королевство Сербов, хорватов и словенцев, — это была основа, на которой было возведено здание современной Югославии.

В свою очередь, поляки также усилили свои выступления в течение 1918 года за завоевание независимости и утверждение права на самоопределение. Поражения, которым подверглись Центральные Державы, а также и падение русской империи были факторами, благоприятствовавшими созданию адекватных условий для формирования польского национального независимого и суверенного государства. Его значение было признано правительствами Великобритании, Франции и Италии, которые утверждали, что «одним из условий для прочного мира в Европе является создание польского единого и независимого государства, со свободным выходом к морю»⁵. Формально признавая право польского народа восстановить свое собственное независимое государство, европейские державы не имели, впрочем, окончательной и ясной точки зрения о его границах. Поэтому создание польского национального независимого государства определялось в подавляющей мере усилением борьбы самого польского народа — дипломатическим и военным путем. 28 октября, в Краковии, на польской территории, находившейся под господством дуалистской монархии, была создана Польская ликвидационная комиссия, высшей целью которой было формирование ядра польского государства, вокруг которого

должны были объединиться все польские территории. Это первое независимое представительство польской нации⁶ сумело взять в свои руки власть в Краковии, западной Галиции, а также и в других районах бывшего Польского королевства; на остальной части территории власть осуществлялась Временным народным правительством Польской Республики. Впрочем, намерения польских прогрессивных сил были ясно выражены Ж. Пилсудским, который указывал в ноте, высланной представителям великих держав: «Польское государство создается по воле всей нации и опирается на демократические основы. Польское правительство заменяет господство, навязанное силой, — которое в течение ста сорока лет угнетало судьбу Польши, — режимом, основывающимся на порядке и справедливости». В заключение, он выражал надежду, что «мощные демократии Запада окажут свою помощь и братскую поддержку возрожденной и независимой Польской Республике»⁷. Процесс упрочения центральной власти социально-политического режима и установление границ Польши, начавшийся в начале 1918 года, продолжался и в течение последующего периода, создание независимого национального государства было одним из важнейших событий в тысячелетней истории польского народа.

В условиях, в которых еще больше усиливалась борьба угнетаемых дуалистской монархией народов, завершившаяся формированием независимых национальных государств, Австро-венгерская империя распалась не столько в результате «войны, поражений, сколько благодаря своему собственному режиму и соци-

• СВИДЕТЕЛЬСТВА •

29 и 30 ноября в Алба Юлию прибыли все руководители наряду с членами Румынского центрального национального совета, почти все верхи крестьянских и рабочих провинциальных организаций, официально созданные или привлеченные величием момента, чтобы вместе обсудить проект резолюции, редактированной и представленной Василе Голдшием. Совещание обрело масштабы расширенного представительства и никто не подумал о сокращении участия. Общность чувств братского объединения, окончательного и абсолютного, с свободной страной была полной, как и требование демократии, которая должна смести следы самого разнообразного господства, власть графов и политическое многовековое угнетение в Трансильвании, Банате, а также и в соседней стране, где еще существует власть помещиков...

На заре 1 декабря из поездов высаживалось нескончаемое множество делегатов

и добровольных участников со всех направлений, с трехцветными флагами, которые пели революционные песни и марши времен Янку. Живописность костюмов и воодушевленность представителей народа, приехавших освятить акт Объединения, вызывали возвышенные и неизгладимые в веках чувства. В зале 1228 делегатов бурно аплодировали резолюции Объединения.

Резолюция Объединения, с ее благородными идеями в светлом содержании, которые нужно понимать в перспективе времен, была плодом единодушного консенсуса социальных слоев румынского народа, вытекающим из сознания тех, кто боролся с таким героизмом за социальное и национальное освобождение.

Реализовав Великое Объединение от 1 Декабря 1918 года, румынский народ открыл новый путь утверждения и прогресса в соответствии с подобными усилиями европейских наций».

альным и политическим структурам, которые были как причиной войны, так и причиной поражения»⁸. При этих обстоятельствах, на руинах бывшей монархии возникло еще два новых государства — Республика Австрия, провозглашенная 12 ноября, и Венгерская Республика Советов, провозглашенная 16 ноября 1918 года.

Подобно всем народам, находившимся под господством Австро-венгерской империи, и для румынского народа 1918 год был годом великих свершений на национальном поприще, победным увенчанием целого ряда битв и жертв за завершение процесса формирования румынского единого национального государства. Начавшийся 27 марта/9 апреля 1918 года процесс завершения национально-государственного единства путем возвращения к материнской румынской территории, расположенной между Прутом и Днестром, продолжался решением от 15/28 ноября 1918 года об объединении Буковины с Румынией, чтобы достигнуть кульминационной точки 18 ноября/1 декабря 1918 года, великим Национальным Соборанием в Алба Юлии, которое закрепило навсегда объединение Трансильвании, Баната, Кришаны и Марамуреша с Румынией. Как указывает товарищ Николае Чаушеску: «1 декабря 1918 года вошло в историю румынского народа как поворотный момент из многочисленных моментов, пережитых им в борьбе за сохранение своей национальной сущности, за социальное и национальное освобождение»⁹. В результате борьбы и жертв всего румынского народа, вековая мечта всех румын стала действительностью.

Таким образом, в конце 1918 года на карте Европы появились значительные изменения: исчезли великие многонациональные империи, возникли новые государства, а другие государства восполнили государственное единство. Свобода и справедливость победили. Это была действительность, осуществленная волей и борьбой народов, долго несших тяжелое ярмо чужеземного господства. Это была необратимая действительность, как все то, что стоит под исторической законностью и логикой.

- 1 Nicolae Ceaușescu, *România pe drumul construirii societății socialiste multilateral dezvoltate*, vol. 17, Editura Politică, București, 1979, p. 273.
- 2 Apud C. Botoran, I. Calafeteanu, E. Campus, V. Moisuc, *România și Conferința de Pace de la Paris (1918—1920), Triumful principiului naționalităților*, Cluj-Napoca, 1983, p. 205.
- 3 Eduard Benes, *Souvenirs de guerre et de révolution 1914—1918*, vol. II, Paris, 1928, p. 164.
- 4 *Afirmarea statelor naționale independente unitare din centrul și sud-estul Europei (1821—1923)*, București, 1979, p. 175.
- 5 *Ibidem*, p. 219.
- 6 *Ibidem*, p. 223.
- 7 *Ibidem*, p. 224.
- 8 *Histoire de la Hongrie des origines à nos jours*, Budapest, 1974, p. 451.
- 9 Nicolae Ceaușescu, *România pe drumul desăvârșirii construcției socialiste*, vol. 3, Editura Politică, București, 1969, p. 696.

ТИРОН АЛБАНИ: «Мне казалось, что являюсь членом великого трибунала, призванного восстановить справедливость».

«И я был в Алба Юлии. Годы проходили один за другим. Я пережил с тех пор трудные и добрые моменты. Декабрьский момент от 1918 года врезался в мою память....

Алба Юлия была в праздничном убранстве, чтобы — в который раз? — войти в историю этого народа.

Не хочу принужденную поэтизацию, но помню, как после метельной и морозной ючи природа одарила нас сияющим солнцем. Белизна снега на зданиях и улицах еще более подчеркивали тысячи трехцветных флагов.

Как в торжественном шествии бесконечные колонны народа направлялись к Полю Хори или к нынешнему залу Объединения, проходя через Ворота Михая Храброго.

Из бескрайнего моря людей, собравшихся для участия в великом событии, выде-

лялись группы депутатов и приглашенных, имевших благородный мандат решить навсегда судьбу румынского народа, только что освобожденного от жестокого господства абсолютистской империи. Зал военного Казино оказался чересчур малым, чтобы вместить всех приглашенных. Многие должны были остаться наружи. Зал был украшен флагами государств, освобожденных из бывшей Австро-Венгерской империи. В середине, выше, сверкала величественная фигура Михая Храброго, а ниже лики трех мучеников 1785 года: Хори, Клоски и Кришана. Впереди столы президиума, за которыми заняли места члены Центрального румынского национального совета, подобно генералам перед лицом победоносной армии...

10 часов 30 минут. Штефан Чичио-Поп открывает Собрание, произнеся речь, в которой осветил наиболее важные моменты борьбы народа и из деятельности Цен-

ВЕЛИКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ 1918-го ГОДА — ДЕЛО ВСЕГО РУМЫНСКОГО НАРОДА

Акад. ШТЕФАН ПАСКУ

Исполняются семьдесят лет с тех пор как день 1 Декабря празднуется и чувствуется подобающим образом всей румынской нацией. Его историческое, национальное и международное значение постоянно сохраняет свою значимость, так как семьдесят лет тому назад в результате решения всего румынского народа, где бы ни проживали его сыны, исполнилась вековая мечта: национально-государственное объединение румын, навсегда установленное Великим Национальным Собранием в Алба Юлии 1 Декабря 1918 года. Это решение подтверждено вековым непрерывным и решительным трудом «смелой мысли», великого идеала.

Сначала была идея об

объединении или вернее о воссоединении всех румын в одно государственное политическое целое, как это было до их разделения на три страны. В единое государство, состоящее из множества «стран», украшавших это государство. Так их называли люди земли, от слова terra — земля и в то же время страна (царэ), а от слова страна (царэ) — ее жители крестьяне (цэрань), с землей (царина) дававшей им жизнь и поэтому они были привязаны к ней всеми нитями своего существа.

Идея объединения превратилась в идеал. Идеал объединения всех потоков в одно русло. Идеал, охвативший не только тонкий слой общества, а глубоко проникнувший в сознание

масс. Аксиоматичной истиной является тот факт, что тогда, когда идея или идеал справедливы и глубоко проникают в сознание масс, их нельзя искоренить. Временно им можно чинить препятствия в их явном проявлении, но их нельзя сорвать. Идея и идеал подобны реке, которая из-за сопротивления почвы нуждается некоторое время нести свои воды скрытыми под земной корой, но когда их силы, собрав потоки в одно русло, побеждают сопротивление, то эти воды выходят на поверхность, чтобы никогда не скрываться.

Основы идеала объединения румынского народа были многочисленными, мощными и постоянными. Каждая из них имела свой

трального румынского национального совета.

Затем последовала речь председателя Джордже Поп де Бэсешть, который... объявил открытым Национальное Собрание, требуя внимания к сказанному, ибо момент возвышенный, поскольку, сказал он, — «настало столетие и вы призваны, чтобы из этого торжества сделать историю!»

Выступили Василе Голдиш (представивший проект резолюции Национального Собрания), Юлну Маниу и Иосиф Жуманка, оратор рабочих Трансильвании и Баната...

Последовал самый торжественный момент: председатель Джордже Поп де Бэсешть, спросив, если Национальное Собрание одобряет представленный проект резолюции, под бурные аплодисменты и овации провозгласил Объединение Трансильвании с Румынией...

Мое перо слабо, чтобы передать революционный подъем масс, собравшихся уве-

ковечить своим волеизъявлением возвышенное решение... Народ собрался там судить историю, исправить ее, дав ей новый поворот. Это были посланцы тех, кто работал и кто был закрепощен, кто боролся и пролил кровь, не изведав свободы.

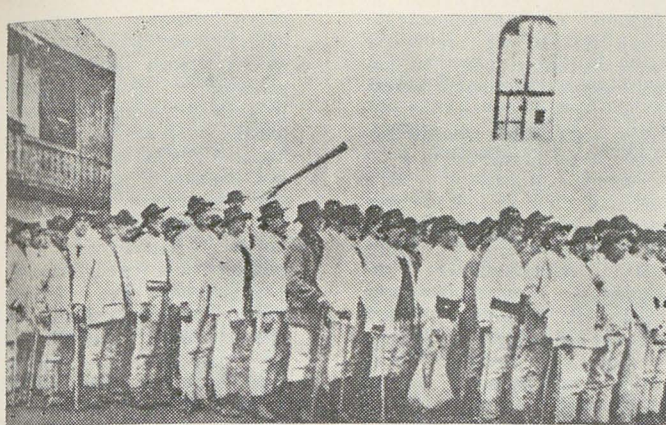
Никогда не забуду торжественность этого момента. Мне казалось, что я являюсь членом великого трибунала, призванного восстановить справедливость...

Город, крепость и Поле Хори были заполнены собравшимся народом...

«Вы призвали нас решить, объединяться ли с Румынией. Да или нет?»

С слезами радости на глазах ответили «Да, да, да!»

Это «да» имело нечто сверхчеловеческое, более высокое выражение, более всеобъемлющее, чем смысл этих двух букв, ибо он выразился из глубины четырех миллионов сердец, представленных в Алба Юлии от 100 000 участников».

Делегация коммуны Лупша готова к отъезду на Великое Национальное Собрание

смысл и свою роль и все вместе они составляли движущую силу по преобразованию идеала в действие, в дело. Происхождение и язык, обычаи, идеалы и стремления все вместе составляют мощную связку, означающую единство за искусственными границами времени. Как их насколько прекрасно, настолько глубоко синтезировал Михаил Когэлничану, когда Объединение стран овладело всеми умами и сердцами румынского народа, стало

чаянием к осуществлению «величайшего и всеобщего желания». Великий муж считал Объединение «естественным, законным, и обязательным», потому что оно принадлежит одному народу, который «однороден, идентичен как никакой иной, имеет те же начала, то же название, один и тот же язык, ту же религию, ту же историю, ту же цивилизацию, те же учреждения, законы и обычаи, те же заботы и те же надежды, одну и ту

же боль в прошлом, он должен обеспечить одно и то же будущее и выполнить одну и ту же миссию».

Ту же «миссию» — описывающую на такие же мощные основы, питаемую постоянными идеями и идеалами о национально-государственном единстве и желанием румынского народа объединиться — наполнил острый ум и славный меч Михайя Храброго в 1600 году: объединение в единое политическое целое всех территорий, на которых проживали румыны! Это достижение, переданное как ценное наследство, существовало в вековых усилиях до начала XX века, когда историческая закономерность с безудержной силой проявила себя в такой мощной, непоколебимой воле всей румынской нации.

Никто и ничего не могло больше препятствовать осуществлению идеала Великого Объединения. Никакая противостоящая сила не могла отклонить волю народа от осуществления великого идеала. Великая Румыния была создана не первой мировой войной.

АЛЕКСАНДРУ БОРЗА: «Единодушно проголосовали и в атмосфере настоящего экстаза революцию об Объединении».

«День 1 декабря (1918 г. — прим. ред.) был спокойный, торжественный, исполненный энтузиазмом. Утром состоялись богослужения в двух протестантских церквях, униатской и неунитатской, с хором, затем народ собрался в Зале Объединения (депутаты с мандатами), а другие на площади зади крепости. Почетная гвардия в крепости состояла из мочев в белых одеяниях и в шапках аля Михай Храбрый. Повсюду образцовый порядок и радостное воодушевление.

Я не стремлюсь описать детально как проходило собственно Национальное Собрание, ибо это хорошо известно и принадлежит истории как одно из наиболее памятных событий в жизни нашего наро-

да... Проголосовали в атмосфере энтузиазма и настоящего экстаза решение об Объединении. Волна чувств разлилась под потрясающие звуки гимна *Пробудись, румын!*

В это время 100 000 румын в праздничном одеянии и под сотнями трехцветных флагов слушали речи импровизированных ораторов, пока не появились делегаты Великого Национального Собрания, епископы Кристя и Хоссу, зачитавшие Решение Собрания и присоединившиеся к плебисцитарному согласию огромной массы воодушевленных румын.

Я считаю самым важным моментом моей жизни голосование за объединение всех румын, приведшее к формированию государственной формации, призванной отдать все силы, которыми располагает, этой древней нации, культурной, спокойной, доброй и самой природой наделенной исключительными дарованиями...»

Она была создана давно в сердцах и сознании всего румынского народа. Первая мировая война была лишь поводом, а не причиной. Для всего румынского народа эта война означала освобождение и воссоединение, а не желание к завоеваниям.

За освобождение и воссоединение перешли батальоны румын Карпаты летом 1916 года и были встречены с трудом описываемым энтузиазмом братьями которые с тоской ждали их так долго. За освобождение и воссоединение румынские воины совершили легендарные подвиги летом 1917 года в Мэрэштэ, Мэрэшешть, Ойтузе. За их великий идеал: объединение в одну страну пали жертвой объединенные румынские воины Румынии, Трансильвании и Буковины.

Объединение осуществлялось постепенно, не само собой, а путем всеобщих усилий всех румын. Сначала в ноябре 1917 года, когда была провозглашена Молдавская демократическая республика, в основе которой лежала «Декларация прав народов России» самим решать свое будущее

(право на самоопределение). Второй шаг осуществляется во второй половине января 1918 года, когда Молдавская демократическая республика провозглашает себя Свободной молдавской самостоятельной и независимой республикой в результате единодушного голосования Совета Страны (законодательное собрание) и при полном энтузиазме согласия всего народа Молдовской Республики. Следующий шаг был осуществлен 9 апреля 1918 года, когда Совет Страны постановил на основе принципа: «впредь и навсегда народы сами должны решать свою судьбу», — что «Бессарабия объединяется со своей матерью — Румынией».

Непрерывный распад искусственной и анахроничной Австро-венгерской империи, справедливо называемой «тюрьмой народов», и сформировавшейся в результате насилия и грабежа, представлял повод для завершения национально-государственного единства румынского народа, свершенного осенью и зимой 1918 года.

В Трансильвании законные представители румын-

ского народа устанавливают 12 октября 1918 года право румын на самоопределение, в смысле, чтобы румынская нация сама решила свое «становление в числе свободных наций», что означало провозглашение неотъемлемого права на полную национальную жизнь. Декларация была подкреплена сделанным на следующий день заявлением руководителей социал-демократической партии, что предоставляло ей еще более полный политический и юридический авторитет и в результате чего ее можно было довести до сведения парламента в Будапеште 18 октября.

Примеру румын Трансильвании послушно последовали румыны Буковины, избравшие 27 октября Учредительное собрание с полномочиями проголосовать заявление об «объединении Буковины с остальными румынскими странами в одно национальное независимое государство». А только через три дня (30—31 октября) румыны Трансильвании создают Центральный Национальный Совет, сформированный на основе равенства из шести представите-

«ЭТО БЫЛИ ПОДЛИННО ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ, НЕ БЫВШИЕ НИ ПОД КАКИМ ВЛИЯНИЕМ ВЫБОРЫ»

Все более настойчивое известие о созыве 1 декабря 1918 года великого национального собрания в Алба Юлии, а также сообщение о том, что здесь — на основе принципа о самоопределении народов — румынский народ скажет свое слово перед лицом всего мира, еще больше укрепили решение трансильванских румын отделиться от Венгрии, слиться в одну страну с братьями из Румынии. Никогда румынский народ не был так объединен, как в эти моменты. Ни одного диссонирующего голоса. Никогда давняя поговорка наших предков о том, что румыны представляют одно целое и по чувствам и по разуму «от лаптя и до князя» не подтверждалась более ярко, чем в эти дни.

Прадедовская поговорка могла бы показаться ныне отжившей и анахроничной, но тогда она выразила мощь и стойкость, плодом которых было единодушное решение народа, собравшегося в Алба Юлии: Объединение с родиной-матерью, Румынией.

В Оради, Румынский Национальный Совет был создан 3 ноября 1918 года в доме Аурыла Лазэра. Здесь же были избраны исполнительные комитеты по избирательным участкам уезда, которые должны были создавать и руководить коммунальными советами, а также набирать военную гвардию. Румынский Национальный Совет в Оради и Бихоре находился под руководством Румынского Центрального Национального Совета, находившегося в городе Арад, а военная гвардия имела свое верховное командование в Тимишоаре. Затем было выполнено три мероприятия: а) выборы коммунальных советов, б) создание военной гвардии и в) выборы делегатов

лей Румынской национальной партии и из шести представителей Социал-демократической партии, которые взяли на себя управление Трансильвании.

В Трансильвании и Буковине народная революция развертывалась в тесном параллелизме при идентичных формах проявления: справедливость для крестьян и рабочих путем регламентирования отношений, в связи с ответственностью, между крестьянами и помещиками и путем перехода руководства предприятиями в руки рабочих; замена старых административных и политических властей, представлявших австро-венгерскую буржуазию (нотариусов, преторов, префектов, жандармов) другими, народными властями: местными национальными советами и местной национальной гвардией.

Румынский народ своими прокламациями объявлял народам всего мира о пе-

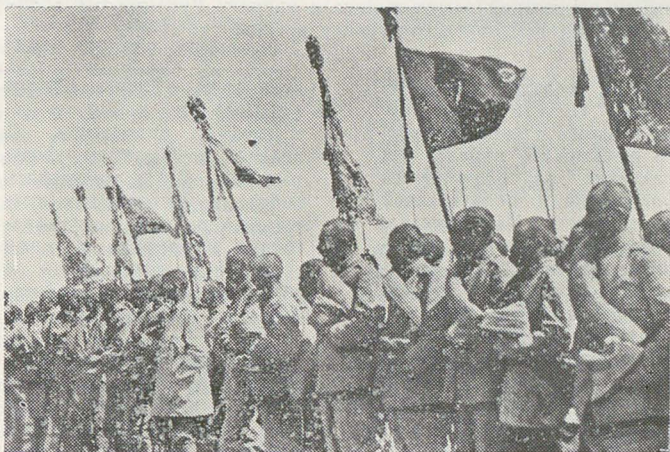
ременах, происшедших на румынских территориях бывшей австро-венгерской империи; для принятия решения о будущем румын и территорий, на которых они проживали, созываются, на основе действующего законодательства, собрания плебисцитного характера: Румынский Национальный Совет Буковины, Конгресс Буковины и Великое Национальное Собрание румын в Трансильвании.

Национальный Совет Буковины и Конгресс Буковины были созданы 28 ноя-

бря в Чернэуцэ и единодушно приняли решение о безоговорочном объединении навсегда Буковины с Румынией, а Великое Национальное Собрание в Алба Юлии также единодушно приняло решение о безоговорочном объединении навсегда Трансильвании с Румынией.

Дальновидные, проницательные люди, сознающие тяжесть ответственности, лежащей на плечах их поколения, сознающие историческое значение решений этого решающего момента для будущего румынского

Яссы, июнь 1917 г. Трансильванские добровольцы приносят присягу

на собрание в Алба Юлии. Сельское население с большим воодушевлением избрало коммунальные советы, в состав которых входили наиболее достойные жители. Они заменили так называемые коммунальные представительства. Одновременно с ними была создана и военная гвардия.

Делегаты были избраны по избирательным участкам. Это были подлинно демократические выборы, не бывшие ни под каким влиянием и не имевшие для избранных иных критериев кроме чести, умения и преданности народу и его интересам. Свободные выборы, представлявшие подлинную волю румын, на которую не могли оказать влияния ни угрозы, ни придирки, ни различные препятствия администрации, которая еще находилась в руках правительства в Будапеште. В Оради и Бихоре было избрано 65 делегатов, список которых был опубликован в официальной газете № 1 Совета управления в городе Сибиу.

Как при создании народных советов, так и при избрании делегатов для участия в Великом Национальном Собрании в Алба Юлии, румынская интеллигенция внесла ценный вклад, чтобы эти мероприятия проходили торжественно, со всем достоинством исторического момента, выражая подлинную волю народа. Всегда, и в прошлом, и теперь они являлись связкой, обеспечивающей однородность, солидарность и единство румын. Румынская армия освободительница встретила, таким образом, в Трансильвании с народом, обладавшим развитым национальным сознанием, который в течение почти двух тысяч лет свято хранил неушесленными язык, образ жизни, прадедовские обычаи, чувство ко всему прекрасному, фольклор в музыке, танце и поэзии, кустарное искусство со всеми его местными проявлениями, целую и неоценимую сокровищницу, являвшуюся составной частью национального достоинства народа.

Перед отправлением в Алба-Юлию трансильванские солдаты австро-венгерской армии принесли присягу Румынскому военному совету в Вене

народа, желали, чтобы Великое Объединение осуществилось с согласия всего румынского народа, без различия от социального положения и политической ориентации. Как всегда, перед лицом великих решений и большой ответственности, румынский народ проявил полное единство, подчиняя социальные и политические интересы высшему, всеобщему интересу.

Между Прутом и Днестром «народ» (массы) «трепетал от энтузиазма»,

«депутаты (Члены Совета Страны) и народ обнимались и целовались. В глазах всех стояли слезы радости». Везде созывались собрания, на которых крестьяне, рабочие, интеллигенция объявляли о своем согласии в телеграммах и резолюциях, как сообщалось в газетах того времени.

В Буковине, в то время как в Зале Митрополичьего Дворца в Чернуцэ члены Конгресса принимали решение об объединении

Верхней Молдовы — захваченной габсбургами в 1775 году — с Румынией, на площади города тысячи людей, прибывших из всех уголков Буковины вели сказочный хоровод, с песнями и выкриками, которые не прекращались. «Выкрикивала молодежь и рыдали старики, радуясь этому дню»; «Прибыли посланцы со всех сторон, где проживали румыны, а из Буковины прибыли самые прекрасные и чистые посланцы румынской интеллигенции и крестьянства», писали газеты.

1 Декабря, в Алба Юлии, кроме 1 500 делегатов или депутатов, избранных избирательными участками и 26 ассоциациями, культурными, финансово-экономическими, женскими обществами, обществами школьников, церковных служителей, ремесленников, — бригадой, которой было доверено пересчитать всех прибывших на Поле Хори или на Румынское поле, было насчитано 120 000 человек и бригада, подавленная этими волнами людей, прервала их счет. Но люди продолжали прибывать. Присутствовало около 150 000 человек, представлявших все социальные

• СВИДЕТЕЛЬСТВА •

Я был одним из тех, кто уже с самого начала работал в Румынском Национальном Совете в Оради и в течение всего времени, пока он существовал, я имел возможность ознакомиться со всеми подробностями с деятельностью этого органа как в центре, так и на уровне сельских советов, а также со всеми событиями, происходившими в уезде. Румынский Национальный Совет имел свои конторы в помещении префектуры, или как оно тогда называлось «Домом Уезда», вблизи помещений комиссара венгерского правительства и Венгерского Национального Совета, но Румынский Национальный Совет был полностью независим от последних. Вначале существовала договоренность о том, что эти два совета будут сотрудничать в отношении сохранения общественного порядка. Сотрудничество было недолгим, так как именно Венгерский Национальный Совет отменил эту договоренность, перейдя молча,

быть может даже покровительствуя, к злоупотреблениям и беззакониям, совершившимся в течение ноября месяца, особенно против тех, кто готовился к собранию в Алба Юлии, а после 1 декабря 1918 года против всех румын, особенно против интеллигенции, но не щадя и крестьянство.

В первой части ноября мы приняли делегацию председателя Совета, чтобы вместе с покойным Гаврилом Бежаном — бывшим офицером запаса и вернувшимся тогда с фронта — выехать в район Маргиты для того, чтобы создать в румынских селах этого района народные советы, где венгерский претор не разрешил местным жителям их избрать. Район Маргиты был той частью уезда, которая больше всего подвергалась течению венгеризации. И теперь я вспоминаю с какой любовью и теплотой нас приняли жители, услышав, что мы говорим на их языке и что мы являемся посланцами румынского руководства. Мы

слом, интеллигенты, крестьяне, рабочие, горожане, прибывшие со всех румынских межкарпатских территорий, направившиеся в путь по безудержному зову сердца, посланники родов и сел, которые должны были быть их представителями и выразить непоколебимое решение об объединении Трансильвании с Румынией. Для примера, приводим несколько красноречивых цифр, показывающих, что означало это желание и непреклонная воля. Каковы «источники», откуда вытекают эти живые потоки? Из уезда Алба на Великое Собрание прибыли 28 600 человек, из уезда Солнок-Дэбыка — 3 000, из уезда Турда-Аериеш — 560, из уезда Хунедоара — 500, из города Блаж 1 800, из рабочего центра Окна Муреш — 600, из города Винцу де Жос — более 1 000, из сел Пианул де Жос — почти 1 000, из Мучешть — 850, Бучердя и Дайя — по 600, Дрыба — 750 и т.д. А «малые Алба-Юлии», то есть тысячи собраний, состоявшиеся в городах, местечках и селах, на которых собирались оставшиеся дома люди? А тысячи писем и

телеграмм, посланные в Алба-Юлию, в которых выражалось полное согласие с решением об объединении?

Подобное участие придает плебисцитный характер решениям об объединении с Румынией территорий, которые до тех пор находились под чужеземным господством. И в то же время демонстрирует участие всего румынского народа в великих решениях, которые готовит уже давно, питает всем своим сознанием, чтобы они всегда жили, и которые были приняты в результате непреклонной воли.

Это все означает, что создание единого национального румынского государства было делом всего народа независимо от классовых различий и политической принадлежности. И воля народа за осуществление социальной справедливости включена и в принципы, содержащиеся в решении: необходимость коренной аграрной реформы и прав для рабочих, подобные права, которые существуют в самых передовых странах; участие народных масс в общественной жизни, обеспечивающееся ре-

1918 г. «Встретились братья», а в Алба-Юлии ованский был встречены наши солдаты — «гордость румынской нации» (факсимиле из печати того времени)

шением об установлении демократического режима; всеобщее, прямое, равноправное и секретное голосование; свобода личности, печати, слова, объединения в общества и собрания; свобода вероисповедания. К вышеуказанно-

видели, как старики, почти каждый, вытирали слезы радости. Но во время этой поездки были и печальные моменты, и мы пережили даже душевные потрясения. В центре района, в коммуне Маргита была расположена венгерская воинская часть, которая утверждала, что должна охранять порядок и называлась Acélgárda (Стальная гвардия). Члены этой гвардии направлялись преимущественно в румынские села под предлогом поиска спрятанного оружия. Так, они явились и в село Сакалэсэу и потребовали, чтобы сельский староста сдал спрятанное оружие. Сельский староста недавно перенес грипп и еще болел. Его жена умерла и лежала в гробу. Сельский староста показал, что оружия у него нет, а значит ему нечего сдавать. В ответ на это он был избит до синяков. Его 18-летнюю дочь, которая хотела прийти на помощь отцу, они попытались бросить в печь, в которой горел огонь. Когда мы прибыли, у девушки были ожоги на голове, на шею

и на лице, волосы были почти полностью сожжены. Мертвую жену сельского старосты выбросили из гроба, мотивируя это тем, что в гробу может быть спрятано оружие. Мы составили акт о всем виденном нами, при подтверждении многочисленных свидетелей и местных официальных лиц. Членом Национального Совета в Оради не верилось, что были возможны такая жестокость и варварство. Председатель Совета дал указание, чтобы эти документы были высланы представителю Центрального Национального Совета в Будапеште д-ру Иоану Эрдели и приложены к документам, которые должны были быть представлены Комиссии для Мирной Конференции в Париже. Почти неделю мы находились в районе Маргиты, создавая народные советы в большинстве румынских сел и готовились к отъезду в Орадию, когда командующий «Acél-gárda» в Маргите пригрозил нам, что если мы явимся в какое-либо село этого района, то при входе в это

му добавлялись равноправие национальных меньшинств с румынским народом, обеспечение свободы для национальных меньшинств учиться и пользоваться своим родным языком, иметь право пропорционального представительства в законодательных собраниях и в правительстве.

Вписанные в решения принципы, — справедливость, историческая законность, соблюдение и других принципов — воли народа, соблюдение этно-демографической действительности и действующего законодательства — заставили созданную в Париже Мирную конференцию признать совершившийся факт, завершение национального единства румынского народа и утвердить договорами, имеющими международное юридическое значение, исторические достижения, свершившиеся на год и на полтора года раньше.

Международное признание решений всего румынского народа является доказательством их правильности на основании исторического права и этно-

демографической действительности, на основе права народов свободно самим решать свою судьбу. Эти решения, вытекавшие из принципов международного права, утвержденные временем и народами, как отражение неизбежной справедливости — являются неопровержимым доказательством того, что завершение национального единства румынского народа было не «щедрым подарком» Конгресса, а результатом и плодом непрерывной и неустанной борьбы румынской нации, естественным завершением закономерного и объективного процесса, исторического развития румынского народа. Как с полным правом утверждает президент страны товарищ Николае Чаушеску: *«Объединение явилось победным завершением вековой борьбы, которую вели наиболее передовые силы румынского народа в Молдавии, Валахии и Трансильвании, просветители и великие мыслители румынского народа, революционные элементы, социалистические деятели, по-*

бедным осуществлением чаяний и воли всего румынского народа».

Завершение национального единства румынского народа необходимо считать, так как это соответствует действительности, правильным и прогрессивным актом, имеющим огромное значение в развитии румынского народа, современной Румынии. Благодаря Великому Объединению румын в 1918 году были созданы национальные рамки, благоприятные для развития общества более быстрыми темпами в результате объединения в одно государство всей энергии и творческих способностей румынского народа, всех передовых сил, путем устранения тяжких препятствий, чинимых чужеземным господством. Вся материальная и духовная жизнь страны переживала беспрецедентный размах. Одним словом, осуществление национального единства оказало положительное влияние на все экономическое, социальное, политическое, культурное и институциональное развитие Румынии.

• СВИДЕТЕЛЬСТВА

село нас встретят пулеметным огнем. Но мы довели до успешного конца доверенную нам задачу.

Накануне собрания в Алба Юлии положение обострилось и напряженность росла изо дня в день. Правительство ни под каким видом не желало выхода румын из границ «тысячелетней» Венгрии, а румыны никоим образом не желали больше нести это рабство. Правительство и его органы применили все воображаемые средства, чтобы сорвать волю румын, от обещаний национальной и культурной автономии в рамках границ Венгрии, до самых зверских репрессий. Несмотря на все это, румыны становились все более решительными и проявляли все большую твердость в желании объединиться со своими братьями, проживавшими за Карпатами. Они не признавали в уезде другой власти кроме Румынского Национального Совета, куда ежедневно, непрерывно приходили кре-

стьяне, рассказывая о своих невзгодах и находили слова ободрения, газеты и брошюры на румынском языке, которые поясняли так, чтобы всем было понятно, значение решений, которые будут приняты.

Агенты правительства в Будапеште делали все возможное для запугивания румын. Пускались самые фантастические слухи о последствиях, которые ждут тех, кто посмеет отправиться в Алба Юлию, и не только их, но и их семей. Говорилось о крушениях поездов, о массовых катастрофах и о других ужасах. Но жители Бихора не слушали всего этого. На несколько дней раньше выехали не только официальные делегаты, но и другие многие сотни людей всех социальных категорий и классов. Большая часть нашего крестьянства из южной части уезда перешла горы пешком, чтобы присутствовать на великом суде Истории, который состоится в городе Михая Храброго и мученичества Хоры, Клоски и Кришана. Величие события и

В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТРЯДАХ,

„борцы за мир и свободу, язык, закон и отчизну“

Д-р ЛИВИУ МАЙОР

В условиях военного и политического коллапса австро-венгерской монархии, революционной обстановки, вызванной борьбой народов за свободу и национальное единство, осенью 1918 года в Трансильвании завершился последний акт создания единого румынского национального государства. В осуществление этого высочайшего требования истории нашего народа внесли основной вклад национальные отряды, зародившиеся в огне волнений, охвативших все румынское общество.

Революционные события развернулись, главным образом, в октябре 1918 года стремительными темпами. 28 октября Румыния вновь вступает в войну, аннулировав таким образом заключенный в Буфтя-Бухарест договор, который, впрочем, не был даже ратифицирован. В тот же день был создан Румынский национальный совет Трансильвании, состоявший, на основе паритета, из шести представителей Румынской национальной партии и шести представителей Социал-демократической пар-

тии. Вскоре после этого он переводит свою штаб-квартиру из Будапешта в Арад, постепенно захватывая власть, управляя в течение месяца румынскими территориями. На основе права на самоопределение, ясно сформулированного в Декларации руководства Национальной партии от 12 октября 1918 года, румынская нация создавала собственные политико-административные органы, заменяя ими старые. После основания РНС перешел к организации национальных отрядов, призванных защищать новый порядок.

Основную роль в создании национальных отрядов сыграли, безусловно, бывшие румынские солдаты и офицеры австро-венгерской армии. Солдаты воинских частей, расположенных в основных городах, восстали, отстранив чужеземных офицеров, освободив заключенных. Отчаянные попытки властей подавить восстание остались безуспешными. Среди первых, восставших в Трансильвании частей, были дислоцированные в Араде румынские части.

принятые решения известны, они были описаны и комментировались и до настоящего времени, но объективная историческая перспектива и течение времени еще ярче и более блестяще выявляет значение и уникальное величие события.

Те, кто остался дома, думали как бы они могли, хотя бы символично участвовать в великом событии, которое полностью изменит их жизнь в будущем. Почти все время, до поздней ночи мы находились в помещениях Совета. Все присутствующие договорились о том, как проявить нашу солидарность с теми, кто отправился в Алба Юлию и мы водрузили румынское трехцветное знамя на главном фасаде помещения уездной администрации — Дома уезда —, где находился и наш Совет. Выполнение этого решения было доверено мне. Доступ к чердачному помещению здания был очень трудным. До чердака, откуда можно было подступить к местам, устроенным для поднятия флагов, нужно

было пройти через несколько запертых дверей. Старшина Петрович из Румынской военной гвардии уверил меня, что он откроет все двери и после поднятия знамени опять запрет их. Так и было сделано. В субботу 30 ноября 1918 года, около 10 часов я впервые водрузил Румынское национальное знамя на фасаде Уездной администрации в Оради. Будто и теперь я вижу, как развевается прекрасное, гордое шелковое знамя будто специально предназначенное для этой цели. Мы хотели показать, что все решения, которые будут приняты собравшимися в Алба Юлии, касаются и румынской земли Бихора и ее жителей. Это знамя символизировало тогда все наши надежды на будущее, которое по справедливости история осуществляла.

Все, кто был в Алба Юлии, вернулись домой с чистыми мыслями и чистой душой, а также с высокой благодарностью о том, что они были достойны увидеть освобождение народа.

В ночь с 30 на 31 октября сотни солдат лишили звания и разоружили чужеземных офицеров и подофицеров, затем покинули казармы, атаковали военную тюрьму, освободив 900 политзаключенных, в большинстве своем солдат, осужденных за неповиновение. Два дня спустя поднялись на борьбу и солдаты сибирского гарнизона. Как и в Араде, они освободили политзаключенных и русских пленных, арестовали офицеров и подофицеров, пытавшихся оказать им сопротивление. В Клуже, Деже, Орадии солдаты дислоцированных в них полков отказались подчиняться офицерам, покинули казармы и вооруженные отправились по домам. Подобные акции во многих населенных пунктах вызвали кровавые столкновения с жандармерией и офицерами, пытавшимися безрезультатно спасти старый режим. Пришедшие в свои села и города вооруженные солдаты поступили в распоряжение новых румынских властей, решающим образом способствуя устранению старой администрации, не способной справиться с создавшимся положением. Большинство из них составили ядро будущих румынских национальных отрядов.

Подобное же явление возникло и в рядах румынских частей, находившихся в Вене и Праге, в Боснии и Герцеговине, а также на западно-европейском фронте. Благодаря румынским офицерам-патриотам румынские солдаты были организованы с тем, чтобы вернуться в Трансильванию и поступить в распоряжение Румынского национального совета, внести вклад в осуществление объединения. Так, свыше 50 000 румынских солдат и офицеров в бывшей столице габсбургской империи Вене организовались в Румынский военный сенат, признавший деятельность Румынского национального совета в Араде. В Тран-

сильвании, спустя несколько дней после образования РНС, по инициативе политических руководителей началась организация воинских частей — вначале они носили название «военных советов», — подчиненных Главному командованию воинских частей с местом пребывания в Араде, которые защищали интересы большинства румынского населения на его древней земле.

В ноябре 1918 года, от имени РНС Штефан Чичо собирает румынских солдат в Араде, которые присягают в верности временному румынскому правительству. В тот же день в Алба-Юлии был сформирован Национальный совет и национальный отряд. Капитан Эмил Негруциу заставил командира гарнизона сдать власть и город был занят румынским национальным отрядом. То же случилось и в Клуже, где воинские части превратились в национальный отряд. В последующие дни по всей территории Трансильвании, в селах и городах, создавались национальные отряды как основной инструмент захвата военной власти. Крестьяне, рабочие интеллигенция, бывшие солдаты и офицеры приносят под трехцветным знаменем клятву верности румынской нации, обещая защищать собственной жизнью национальную свободу — вековое стремление румынского народа. В Видре, Западные Карпаты, учредительное собрание национального отряда состоялось в родном доме Аврама Янку — исторической личности, ярко иллюстрирующей восстание всего народа с оружием в руках.

Создание национальных отрядов заставило РНС перейти к централизованной организации этих вооруженных сил. Так, был создан Румынский национальный военный совет — высший орган, главная цель которого состояла в сохранении порядка и спокойствия, полити-

РУМЫНЫ — «ОБРАЗЦЫ ВОЕННОЙ ДОБЛЕСТИ» НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ ИТАЛИИ

Соответственно пакту, заключенному в Лондоне (26 апреля 1915 года), Италия взяла на себя обязательство участвовать в войне против Австро-Венгрии. 3 мая правительство Антонио Саландра расторгло союз с Центральными Державами, а 24 мая, в результате противоречивых дебатов в парламенте, было принято решение о вступлении страны в борьбу против Австро-Венгрии. После поражения итальянцев у Капоретто (24 октября 1917 г.), была решена организация линии сопротивления между массивом Горы Граппа и вдоль реки Пиавы.

Летом 1918 года австро-венгерские силы попытались осуществить новое наступление, но они были остановлены итальянской армией по линии Пиаве—Монтелло. В мо-

мент начала боев на всех фронтах против Центральных Держав, командующий Генеральным штабом Итальянской армии генерал Армандо Диаз решил начать новое наступление, которое привело к прорыву фронта противника в районе Витторио Венето (октябрь 1918 г.). В последней стадии боев на северном фронте Италии в первых рядах находилось несколько отрядов румын, трансильванцев и буковинцев, которые внесли значительный вклад в разгром австро-германских войск, будучи уверенными, что таким образом они окажут поддержку усилиям всего их народа за осуществление великого идеала национального единства. Многочисленные трансильванцы и буковинцы, оторванные из своих домов, обученные, оснащенные и посланные на фронт для защиты государства, которое угнетало их в течение веков, достигли Италии. Более 60 000 румын, посланных на этот фронт имперскими военными властями

ческого климата, необходимого подготовке Великого Национального Собрания. Ему были подчинены коммунальные и уездные национальные отряды всей территории Трансильвании. Этот орган располагался в Араде и был в тесной связи с РНС. За несколько дней, до середины ноября, в 23 уездах действовали национальные отряды, самоотверженно выполнявшие вверенную им миссию. Во всеобщем распространении этого процесса важную роль сыграл призыв РНС за подписью Штефана Чичо Поп, которым с румынских солдат и офицеров снималась клятва, данная императору и они призывались вступать в национальные отряды. Сельские национальные отряды были сформированы почти исключительно из крестьян, в то время, как городские имели в своем составе рабочих, интеллигентов, молодых людей, способных держать оружие в руках. Они были оснащены оружием со складов бывшей австро-венгерской армии, оружием, принесенным с фронта, конфискованным в жандармерии или у венгерских национальных отрядов. Каждый уезд имел Военный совет, которому подчинялись национальные окружные и сельские отряды. Торжества по случаю создания этих советов послужили в то же время и поводом для уточнения возложенных на них обязанностей: в Араде Штефан Ч. Поп называет национальные отряды «просветителями и добротами народа», а в Клууже «борцами за мир и свободу, язык, закон и отчизну».

В Высшее командование национальных отрядов входили майор Александру Влад, лейтенанты Ромул Рымбаш, Корнел Албу и Аурел Райку, младший лейтенант Сабин Младин. Приказами и предписаниями передавались инструкции относительно подготовки и действий национальных отрядов. Их члены могли

носить военную форму или гражданскую одежду и должны были иметь на левом рукаве трехцветную румынскую повязку с надписью «Румынский национальный отряд».

Важным моментом явилось создание Румынского военного совета в Орадии и Бихоре. Командир Совета капитан Эмил Хербай принес клятву верности перед руководителями уездного Национального совета после чего офицеры и подофицеры, солдаты и гражданские лица произнесли следующий текст: «Я..... *клянусь полностью подчиняться приказам Румынского национального совета и его уполномоченных и всеми силами служить делу народа и страны, защиты порядка и мира и без колебания пойду, куда меня направят*». Основание этого военного органа имело особые последствия. Венгерские буржуазно-помещичьи власти, в своих отчаянных усилиях сохранить старый режим, прибегли во многих населенных пунктах к силе против румын, исполненных решимости защищать свою национальную сущность. Так, в Тинке, Агришул-Мик, в Беюше венгерские воинские части открыли огонь, убив 90 крестьян. Энергично вмешались национальные отряды, пользовавшиеся поддержкой румынского народа, арестовав и взяв в плен членов репрессивных отрядов.

Особую роль сыграли румынские национальные отряды в подготовке и проведении Великого Национального Собрания в Алба-Юлии. После объявления о созыве собрания национальные отряды обеспечили безопасность выборов делегатов.

В установленный срок национальные отряды были в городе. Около 17 000 членов этих отрядов — одни одетые в национальные кос-

першли границу. Самым горячим их желанием было достигнуть Румынии и отсюда, вместе с их братьями, пойти на великую битву за освобождение Трансильвании и Буковины. Они прилагали усилия вместе с несколькими румынскими политическими деятелями и интеллигентами, которые находились в союзных странах для того, чтобы добиться права организации специальных военных частей и участия на итальянском фронте для борьбы с общим противником.

Некоторое время это разрешение запаздывало. Румынские военнопленные организовались по собственной инициативе. Первый отряд был создан 28 июня 1918 года в Каварзере. Профессор Стефано Ново увековечил этот момент в письме, адресованном итальянскому министру иностранных дел Сиднею Соннино следующими словами: «За единство и независимость Румынии. На собственном поместье господина Доменико Гарвари состоялась 21—28 июня грандиозная по своей простоте цере-

мония, имеющая огромное значение. Командант зоны, полковник, кавалер Сантини явился в окружении расквартированных здесь военнопленных румынской нации. После кратких, взволнованных и патристических слов, в Италии был сформирован отряд румынских добровольцев для борьбы в наших рядах с общим и вечным противником, под красно-желто-голубым знаменем, которое является священным символом их далекой родины. С правой и левой стороны полковника две сестры милосердия держали итальянское и румынское знамя. Полковник позвал румынского знаменосца, который со слезами на глазах поцеловал знамя своей родины, подняв его к ясному небу Италии при возгласах *Да здравствует!* и *Ура!* к радости всего присутствующего здесь отряда»¹. Другой организованный румынский отряд выступил из Каварзере, достиг города Падуа до (См. продолж. на 89 с.)

томы, другие в военную форму — обеспечивали охрану подъездных путей к городу, чтобы помешать любой попытке сорвать Великое Национальное Собрание. Их присутствие в те волнующие дни имело огромное значение, придав веру десяткам тысяч румын, собравшихся сюда со всех концов Трансильвании для участия в этом поворотном моменте в истории румын.

Итак, румынские национальные отряды превратились в инструмент, способный ответить на провокации элементов старого режима, обеспечить захват власти большинством румынского населения Трансильвании. Их поддерживал народ, поскольку они отвечали вековому требованию, объединение с Румынией. Зародившиеся на руинах старой австро-венгерской империи, национальные отряды сы-

грали главную роль в обеспечении успешного развертывания Великого Национального Собрания в Алба-Юлии, причем они продолжали действовать и после 1 декабря 1918 года до полного установления румынской администрации и взятия румынской армией под свою защиту границ единого национального государства — Румынии.

Своим вкладом в осуществление Великого Объединения румынские национальные отряды вписали славную страницу в историю борьбы за завершение создания единого румынского национального государства. В военной истории нашего народа они отмечают значимый, исключительный момент для той силы, которую представляет собой вооруженная нация, исполненная решимости выполнить поставленные перед ней цели.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО РУМЫНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 1918 ГОДА

Д-р ИОН АРДЕЛЯНУ

Великое Объединение 1918 года — венец вековой борьбы самых передовых сил румынского народа, видных литераторов и мыслителей, его народных масс, всей румынской нации — представляет собой поворотный момент, обеспечивший национальные и социально-экономические рамки развития новой Румынии, что оказало положительное воздействие на всю последующую эволюцию страны. Спустя несколько месяцев, 18 января 1919 года, Реймонд Пуанкаре, президент Франции, открыл в Зеркальном зале Версальского дворца Мирную конференцию, в которой приняли участие делегаты 32 стран, численностью, варьировавшей от 1 до 5 членов. Задачи конференции: утверждение новых границ государств; признание существующего положения вещей после распада великих империй (австро-венгерской, царской, германской), одно-

временно с образованием целого ряда независимых и суверенных государств; установление европейского политического и военного равновесия; установление военных репараций за огромный ущерб, нанесенный союзникам, на территории которых шла война; основание Содружества Наций и т. д. Историк Д. А. С. Гренвиль в своей книге «The Major International Treaties, 1914—1973», писал: «Фактически, союзники и Соединенные Штаты собрались в Париже, чтобы подтвердить новые наследственные государства Австро-венгерской империи, распавшейся в результате войны»¹. А историк Пьер Ренувин приходит к выводу: «Уничтожение двойной монархии было свершившимся фактом уже до того, как имперское правительство подписало 3 ноября 1918 г. в Вилла-Густы перемирие. Это уничтожение было совершено по воле на-

родов... Мирной конференции не оставалось ничего другого, как зарегистрировать полученные результаты».²

Румыния участвовала в Мирной конференции как страна, вступившая в мировую войну в целях раскрепощения национальной территории. Она принесла высокие человеческие и материальные жертвы, выполнив взятые на себя договорными и конвенциями обязательства. Она выносила на официальное признание этого международного форума исторические решения румынского народа 1918 года. Следовательно, Мирная конференция была призвана юридически закрепить новый территориальный и политический статус путем признания принципа национального самоопределения.

Парижской конференции предстояло зафиксировать детали этнических границ румынского государства, а также долю ее репараций,

которые она должна была получить за грабеж Центральных держав во время военной оккупации. Требования Румынии к мирному форуму в Париже были подробно изложены 1 февраля 1919 года на пленарном заседании, на котором глава румынской делегации, премьер-министр Ион И. К. Брэтяну подробно и аргументированно представил положение Румынии, начиная с 1914 года и до момента начала Конференции.

Насколько учли союзники обоснованные права и соображения румынской делегации можно было увидеть 7 мая 1919 года, когда в официальном обстановке, в Версале, германской делегации были представлены от имени всех союзников прелиминарии мира, хотя представителям Румынии не было известно ни одно из его положений. 23 июня 1919 года, в Зеркальном зале румынская делегация в составе И. И. К. Брэтяну и генерал Константин Коандэ, подписала Мирный договор с Германией. Что касается репараций, то Договор с Германией содержал две касающиеся Румынии ссылки (ст. 244 и приложение к ней VII, ст. 259, 6 абзац, обязывавшая Германию отказать от Бухарестского договора от 7 мая 1918 года, а также положение статьи 232, содержавшей обязательство Германии возместить «весь ущерб, нанесенный гражданскому населению каждой Союзной и присоединившейся державы... и вообще все убытки»).³ Лондонская конференция (28 марта — 5 мая 1921 г.) установила 132 миллиарда золотых марок — общую сумму репараций, которую должна была выплатить Германия (что представляло всего лишь 6,3% общей суммы репараций, затребованной вначале союзниками, достигавшей 494 миллиарда золотых франков), из которой на Румынию приходился 1% (примерно 1,3 миллиарда золотых марок), но и из этой суммы она получила только малую долю.⁴

В том же духе великими державами были проведены переговоры по Договору с Австрией. «Метод держать в секрете проекты договоров до последнего момента, — как писал корреспондент газеты «Вашингтон Пост», — не был ничем иным, как капканом, способом вершить дела через головы союзных народов, закрыть им рот, связать руки и парализовать волю перед лицом сделки, располагающей их судьбой без их предварительного ознакомления и согласия».⁵

Великие державы начали вести за счет румынских территорий, почти как в годы нейтралитета, политику торговли, причем каждая из них преследовала узкие интересы. Для того, чтобы укрепить свое господство в Румынии, они стремились ввести некоторые политические и экономические условия, ущемлявшие абсолютную независимость страны.⁶

Перед лицом нажима делегаций великих держав и международных финансовых кругов, стремившихся навязать Румынии положения о так называемой защите совместно проживающих национальностей и относительно транзита и внешней торговли Румынии, И. И. К. Брэтяну был вынужден покинуть Конференцию, назначив первым делегатом румынского министра в Лондоне Николае Мишу, и положить на стол Конференции памятную записку «Румыния перед лицом Мирного конгресса».

Новое румынское правительство, сформированное после отставки кабинета Брэтяну, под председательством генерала Артура Вэйтояну, сделало новую попытку предотвратить сепаратные действия своих союзников и 9 сентября 1919 года румынская делегация представила Конференции новую Памятную записку, в которой отмечалось: «По-сле того, как Договором с Германией ей не были предоставлены репарации в соответствии с понесенными

потерями, проект договора с Австрией по многим пунктам грубо нарушает ее права и интересы. И действительно, несмотря на повторные протесты, этим договором Румыния обязана заранее одобрить решения, которые Великие Державы найдут нужным принять по ряду проблем, интересующих внутреннюю жизнь страны в связи с обращением с национальными меньшинствами, с транзитом и торговлей с другими государствами. Это условие несовместимо, по своей форме и содержанию, с достоинством, внутренним суверенитетом и экономическими интересами суверенного государства».⁷

Договор с Австрией был подписан в Сен-Жермене 10 сентября 1919 года, в отсутствие делегаций Румынии и Югославии. В этих условиях Высший Совет, после интенсивного обмена нотами с бухарестским правительством, решает на заседании 12 ноября напечатать Румынии ультиматум, «выраженный в очень энергичных терминах», которым назначить ей последний срок подписания договоров. Ультиматум, врученный румынскому правительству 24 ноября 1919 года, предусматривал, чтобы в течение 8 дней Румыния решила принять «безоговорочно и без каких-либо условий» постановление Верховного Совета «подписать Договор с Австрией и Договор о национальных меньшинствах». В случае нового отказа Высший Совет ставит на вид Румынии «немедленно отзываться своих делегатов с Мирной конференции», а страны, входящие в Совет «отзовут свои дипломатические миссии из Бухареста».⁸

Между тем, переговоры между румынской делегацией на Конференции и «Комитетом государств, призванных рассмотреть румынские замечания» привели к некоторым изменениям в Договоре о национальных меньшинствах и в этих условиях 10 декабря 1919 года делегат Румынии

на Конференции, генерал К. Коандэ, подписал Сен-жерменский Договор с Австрией, Договор о национальных меньшинствах и Нуйисюрсенский Договор с Болгарией, подтверждавший румыно-болгарские границы, как они были установлены Бухарестским мирным договором от 10 августа 1913 года.

Положительная черта Договора с Австрией состоит в узаконении упразднения Австро-Венгрии и признании фактического положения, существовавшего в центральной Европе еще до 1918 года. Этим договором объединение Буковины с Румынией приобретает международное юридическое признание, а территориальное похищение 1774 года еще раз было аннулировано: «Со своей стороны Австрия отказывается в пользу Румынии от всех прав и претензий на бывшее Герцогство Буковина по эту сторону границ Румынии, как они позднее будут установлены Основными Союзниками и Присоединившимися Державами». ⁹ (ст. 59).

1 декабря 1919 года Клемансо приглашает правительство Венгрии прислать делегатов на Конференцию. ¹⁰ Венгерская делегация под руководством графа Альберта Аппони, прибывает в Париж 7 января 1920 года, а 16 января граф Аппони в выступлении перед Высшим Советом опротестовывает законность решений о самоопределении поработанных наций Австро-венгерской империи и выдвигает необходимость организации «плебисцитов» во всех районах, отошедших от Венгрии, что не было ничем иным, как попыткой оказать нажим на Мирную конференцию в целях изменения договоров и замедления их подписания. Памятные записки венгерской делегации, приложенные ноты и документация рассматривались Мирной конференцией в течение двух месяцев, без участия заинтересованных стран: Румынии, Сербии и Чехо-

словаки. В «Памятной записке о Трансильвании» и в памятной записке «Вместо одного — три многонациональных государства» венгерская делегация без зазрения совести обвиняет Румынию, Югославию и Чехословакию в империализме, поскольку, на основе «принципа национальностей» они, якобы, захватили «тысячелетнюю территорию Венгрии». ¹¹

Одной из закамуфлированных формул восстановления старого многонационального государства в центре Европы, на этот раз под эгидой Венгрии, явился известный проект Дунайской конфедерации. Говоря об этой попытке, американский делегат профессор Чарльз Сеймур писал: «Подобная идея не имела ни малейшего шанса на успех, придунайские народы даже и слышать не хотели об этом. Они, фактически, освободились собственными силами и инстинктивно боялись любой федерации, которая могла бы вызвать сохранение или восстановление той ненавистной тирании, которая принесла им столько страданий. У Конференции не было ни права, ни власти навязать им союз, от которого они отказывались. На основе провозглашенного принципа права каждого народа распоряжаться самим собой, единственно придунайские нации имеют право решать свою судьбу». ¹²

6 мая 1920 года председатель Мирной конференции А. Мийеран вручил делегации Венгрии ответное письмо на все памятные записки и документацию, врученные ею этому международному форуму, в котором отклонялась идея плебисцита на бывших под господством Венгрии территориях: «Воля народов была выражена в октябре и ноябре 1918 года, когда рухнула двойная монархия и когда долгое время угнетенное население воссоединилось со своими итальянскими, румынскими, югославскими и чехословацкими братьями». ¹³ На венгерский про-

тест, что установление новых границ оставляет вне Венгрии часть венгерского населения, и на мнимое «тысячелетнее право» Венгрии на Трансильванию письмо французского председателя А. Мийерана уточняло: «Этнографические обстоятельства в центральной Европы действительно таковы, что невозможно, чтобы политические границы совпали на всем своем протяжении с границами этническими... Невозможно претендовать, на основе этой ситуации, что было бы лучше не изменить старый территориальный статус. Даже тысячелетнее положение вещей не может существовать дальше, когда констатируется, что оно противоречит справедливости». ¹⁴

4 июня 1920 года, в Трианоне, Франция, Англия, Италия, США, Япония, Румыния, Сербско-хорватское словенское королевство, Чехословакия и девять других государств, с одной стороны, и Венгрия, с другой, представленная Д. Бенардом и А. Торда, подписали Мирный договор. От имени Румынии Трианонский договор подписали д-р Ион Кантакузино и Николае Титулеску. ¹⁵

Статья 45 Трианонского договора предусматривала: «Венгрия, в том, что ее касается, отказывается в пользу Румынии от всех прав и претензий на территории бывшей австро-венгерской империи, расположенные за границами Венгрии, как они установлены ст. 27 Часть III (Границы Венгрии) и признает их настоящим договором или любыми другими договорами, заключенными с целью урегулировать актуальные дела, как часть Румынии». ¹⁶

Конференция не отвела Румынии ни одного квадратного метра территории Венгрии, а приняла к сведению действительность, через которую невозможно преступить. Закрепила решение, принятое 1 декабря 1918 года в Алба-Юлии

Великим Национальным Союзом об Объединении Трансильвании с Румынией, обоснованность и справедливость которого была проверена и подтверждена и делегациями Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки в результате проведенных в период 1918—1920 годов исследований.¹⁷

Обоснованность Мирного договора была признана и отмечена историей и историками. Так, венгерский историк Тибор Фекардт в работе (История Венгрии), вышедшей в 1933 году в Будапеште, писал: *«Не следует представлять себе, что венгры заселяли всю страну [...] Заселенная ими территория примерно соответствует той, что установлена Трианонским миром»*.¹⁸

Говоря о сговорах Венгрии на Трианонский договор, американский историк Милтон Г. Лерер отмечал: *«Если в 1920 году была совершена несправедливость, то не венграм на нее жаловаться, а румынам, поскольку за пределами политической границы на венгерской территории осталось множество румынских островов»*.¹⁹

10 августа 1920 года, в Севре, румынская делегация, состоявшая из Н. Титулеску и Дмитрие Гики — румынского посла во Франции, подписала Мирный договор с Турцией, которым турецкое правительство обязывалось «полностью признать действительность мирных договоров и дополнительных конвенций, заключенных Союзными и присоединившимися державами с державами, сражавшимися вместе с Османской империей, одобрить предписания, которые были или будут приняты в связи с территорией бывшей Османской империи, Австрии, Венгрии и Болгарии и признать новые государства в таком образом установленных границах» (ст. 133).²⁰

В годы, последовавшие после создания единого национального государства,

одной из важных сторон дипломатической деятельности Румынии было установление добрососедских отношений с Советской Россией. В конце 1917 и начале 1918 года отношения между Румынией и Советской Россией ухудшились, дойдя до разрыва дипломатических отношений. В этом контексте Украина направила 15 февраля 1918 года ультиматум румынскому правительству, за которым последовал целый ряд других нот (16 марта, 12 апреля, 5 мая 1918 года), главной идеей которых было непризнание акта объединения Бессарабии с Румынией от 27 марта 1918 года.

Отказ румынского правительства принять участие в вооруженной интервенции западных держав в поддержку Врангеля, Колчака и других белых генералов, отказ оказать поддержку Польше в войне против Советской России вызвали ухудшение отношений между двумя странами. 9—14 февраля 1920 года, в Копенгагене, велись переговоры между делегатом румынского правительства Д. Н. Чиотори и представителем Советской России М. М. Литвиновым. Румынский делегат предложил, чтобы на будущей конференции в качестве основной задачи фигурировало признание советским правительством объединения от 27 марта 1918 года, а также возвращение румынского сокровища. В результате этих дискуссий 24 февраля 1920 года Чичерин — комиссар по иностранным делам РСФСР, сообщал в телеграмме, адресованной румынскому премьер-министру А. Вайде-Воевода, что *«Советское правительство России считает, что все спорные вопросы между двумя странами могут быть решены путем мирных переговоров и что все территориальные проблемы могут быть решены путем договоренности»*.²¹

На ноту советского правительства от 6 августа

1920 года, в которой оно предлагало созвать румыно-советскую конференцию, Таке Ионеску — министр иностранных дел в правительстве Авереску, сформированном 13 марта 1920 года, заявил, что румынское правительство считает себя связанным обязательством, данным Союзным державам, и поэтому считает, что не может непосредственно вступить в переговоры с советским правительством. 19 августа 1920 года советское правительство заявило, что единственным путем заключения договора с Россией служат прямые переговоры.

23 октября 1920 года в Париже был подписан представителями Англии, Франции, Италии и Японии, с одной стороны, и Румынии, с другой, договор, которым признавался суверенитет Румынии над территорией между Прутом, Днестром и Черным морем.²²

В исторической перспективе создание в 1918 году единого румынского национального государства и его подтверждение договорами, подписанными Мирной конференцией 1919—1920 годов, выявляет тот факт, что Румыния не была среди искателей выгод от мира, реализованного по благосклонности победителя — как утверждают некоторые зарубежные так называемые историки и теоретики, фальсифицируя и переиначивая историю, — а было живым, динамичным выражением объединенных действий румынской нации, вековых стремлений народа, исполненного решимости жить объединенно, свободно и независимо на древней земле своих предков. Координаты утверждения, защиты единства и целост-

(См. продолж. на 88 с)

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУМЫН В 1918 ГОДУ, осуществление объективной исторической закономерности, важное событие ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Генерал-лейтенант д-р ИЛИЕ ЧАУШЕСКУ

Идеал объединения всех румын в рамках границ одного государства зародился в очень далекие времена, его основой был тот же этногенез, а также общность материальной и духовной жизни наших предков, блестяще олицетворенной в руководимом великим королем Буребистой централизованном и независимом государстве. Полностью гармоничная структура древней земли Дакии, этническое, лингвистическое, территориальное, культурное и экономическое единство гето-даков позволили, «самым храбрым и самым справедливым из фракийцев» создать одно политическое целое, способное от равный к равному сопротивиться сверхсиле античного мира — Римской империи. Созданное 2060 лет тому назад великим дакийским королем политико-государственное единство, существовало как символ и посыл страданий и борьбы нашего народа; дух централизации всех румынских стран стал священным требованием, передаваемым из поколения в поколение. Общность этнического, территориального происхождения, языка, цивилизации, культуры, традиций, поведения и т.д., присущие румынскому народу уже в стадии его генеза, постоянно осознавалась в процессе деятельности, совершенствования социальной и политической деятельности от народных романий до феодальных централизованных самостоятельных государств, доказала свою жизнеспособность в борьбе за выживание, в длительном сопротивлении волнам переселяющихся народов, в ожесточенной борьбе с силами великих захватнических империй того времени.

Политическая концепция, именуемая Дакией, понималась как нечто определяющее тотальность румынской земли несмотря на государственный средневековый плюрализм. Существование румынских стран как отдельных феодальных государств не ущемило единство румынского народа, выраженное этнической однородностью, общностью языка и культуры, подобием политической организованности и экономическими и социальными структурами и всему этому способствовали гармоничные географические рамки. Румынский средневековый государственный плюрализм несколько не может быть смешан с этническим плюрализмом и даже не является выражением множества народностей в рамках одного и того же народа. Три средневековых румынских страны ни в коем случае нельзя считать доказательством этнического плюрализма: нет молдавского, трансильванского или мунтянского народа, который бы отличался от румынского народа. Наряду с мунтяне, молдовяне, олтяне, арделяне, бэнэжяне, марамурешане, буковиняне, доброджане, а также более частные наращения — моцы (в Западных Горах), врычане (в Вранче), арджешане (в Арджеше) и т.д. полностью охватываются общим названием румынского народа. Говоря о характерных условиях феодального строя, которые вызвали и на территории нашей страны государственную раздробленность, генеральный секретарь нашей партии указывает: «Несмотря на это, благодаря единокровию экономической, социальной и культурной структуры на всей территории,

заселенной румынами, единому языку, а также глубокому сознанию общего происхождения жителей, между тремя государствами постоянно развивались активные и всесторонние контакты и связи. Происходил непрерывный обмен материальными ценностями, широкий обмен идеями, произведениями культуры и искусства и, что самое главное, утвердилось сознание необходимости совместной борьбы против захватчиков, против общих врагов»¹.

Чувство единства упрочилось еще больше и явилось основным стимулом на основе боевых и моральных подвигов румын в эпоху защиты земли прадедов, особенно в XIV—XVI вв. против экспансии Оттоманской империи. Великие победы Мирчи Великого в Ровинах (1395), Янку Хунедоарского в Белграде (1456), Влада Цепеша на Мунтянской равнине (1462), Стефана Великого у города Васлуй (1475), Михая Храброго в Кэлугэрень (1595) и др. не были достигнуты лишь для частной пользы той или иной политической феодальной формации, а для общего блага румын и даже европейских народов.

Таким образом, этно-лингвистическое единство и общность интересов румынских стран сохранились нерушимыми в период средневековья. Интенсивные экономические связи, частые союзы перед общей опасностью, тенденции объединения в военно-политической области, проявленные прославленными господарями румын, склонялись к одной и той же цели: воссоединение в рамках границ древней Дакии и создание политического организма — средневековой Румынии — воссоздавая, таким образом, давнее политическое единство земли прадедов. Параллельно с этими все более проявившимися в XV и XVI веках тенденциями, политика, проводимая руководителями румынских стран, содержит все больше и больше точек соприкосновения, а единство политической концепции необратимо развивалась к единой и неизбежной цели — создание единого средневекового независимого и неделимого румынского государства.

Все эти предпосылки, основывающиеся на общности происхождения, языка, территории, обычаев, цивилизации и исторической судьбы, явились движущей силой, которая привела в 1600 году к объединению, осуществленному Михаем Храбрым. Единое централизованное и независимое румынское государство, руководимое великим воеводой Михаем Храбрым, увенчало начавшийся веками раньше закономерный процесс; законным было осуществление единства всех румын, кто принадлежал одному народу и говорил на том же языке, и возрождение в масштабах истории в других размерах первого в истории нашего народа великого объединения, осуществлен-

ного во время правления Буребисты. Также как и Буребиста и Дечебал, которые правили объединенной Дакией, Михай восстановил в политическом плане действительность единства румын, став «господарем Румынской страны, Ардяла и всей страны Молдовы». Не будучи ни «воителем», ни «кондотьером», как называли его те, кто находился на службе чужеземных угнетателей, румынский воевода вписывается в законные права и требования своего народа, став — как писал А. Д. Ксенопол — «важным фактором в историческом развитии своего времени». Великое историческое достижение — единого централизованного румынского госу-

1599 г. Михай — храбрый освободитель — вступает в Алба-Юлию (картина Д. Стойки)

дарства под руководством Михая Храброго, явилось в последующий период символом священного идеала, за который боролись поколения за поколениями.

В последующий период, идея общности происхождения, языка, территории, культуры стала подлинной эмблемой светлых умов народа, которые поняли, что их патриотическим долгом является выявление исторических свидетельств: «Охватила меня мысль заняться этим трудом, показать миру какого рода наша нация, как она зародилась и какого племени жители нашей страны, Молдовы и Страны Мунтении и румыны из венгерских стран, ... так как они принадлежат одному народу и одновременно поселились ...»² пишет летописец Мирон Костин. В том же духе Стольник Константин Кантакузино указывает: «...румыны понимают не только тех, кто живет здесь, в Румынской стране Мунтении (прим. ред.), но и тех, кто живет в Ардяле, которые являются более коренными, и молдовян и сколько их всех, что находятся в других местах и имеют тот же язык..., все они произошли от одного источника и от одного корня»³.

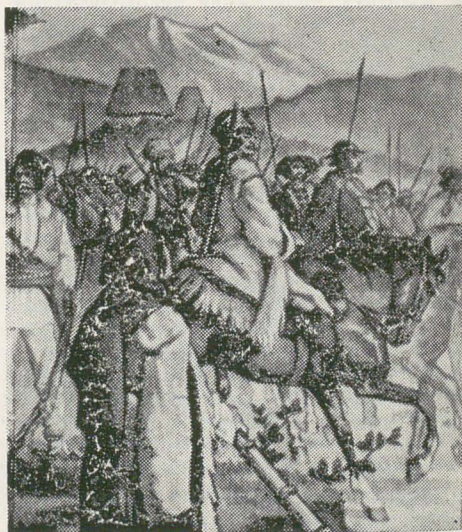
В 1821 г. под знаменем пандуров Тудора Владимиреску, «весь народ» собрался для освобождения страны. Тудор читает собравшимся Падешскую прокламацию (картина Д. Стойки)

Современная эпоха подняла на высшую ступень борьбу за национальное единство румын, проводимую в условиях, когда значительно усилилось чужеземное господство над румынскими странами. Проводимая великими соседними империями политика территориальной аннексии привела к тому, что часть румынских территорий была охвачена ими: в 1775 году северо-западная часть Молдовы была захвачена Габсбургской империей, в 1812 году румынская территория между Прутом и Днестром вошла в состав царской империи, а в 1867 году Трансильвания частично была аннексирована Венгрией при поддержке Венского Двора, который продолжал выполнять главные функции правления над основными секторами государства — военным, иностранных дел, финансовым — как для Трансильвании, так и для Венгрии. При таком положении для единого румынского народа создание национального единства стало настоятельной необходимостью, получив значение подлинной политической программы века революций, начавшегося одновременно с великим румынским восстанием за социальную и национальную борьбу в 1784 году. Если Хорию его современники называли «Rex Daciae», также как и Михая называли «Restitutor Daciae», то этот факт демонстрирует, что Дакия была живой действительностью в сознании румын. Таким образом, перед нашими глазами разворачивается процесс перехода от сознания народа к национальному сознанию, которое, выражая объективные требования развития румынского общества, провозглашает необходимость осуществления национального единства в рамках этнических границ. «Братья, те, которые не допустили, чтобы в наших сердцах погасла святая любовь к родине, вспомните, что вы являетесь частью одного и того же народа» — призывал руководитель революции 1821 года Тудор Владимиреску. И

ответили ему румыны молдовяне «мы принадлежим одному народу и одному закону»⁴, и ждали его румыны трансильваняне «нового молодца», «Тудоруца», чтобы после победы на юге Карпат он перешел горы в Трансильванию «и установил бы и здесь справедливость».

Стремление всех румын к политическому единству выразилось еще сильнее во время румынской революции 1848—1849 гг. При полном единстве политических программ и своего развертывания, румынская революция вписала на своем знамени, кроме задач, представляющих широкий социальный интерес, высокие идеалы осуществления национально-государственного объединения. Эти программы не ограничивались лишь узким кругом революционеров, а охватывали широкие народные массы, выразившие и по этому поводу свое желание и волю на Национальном Собрании в Блаже: «Мы хотим объединиться со Страной». Но подавление в крови румынской революции 1848—1849 гг. коализованными силами оттоманской, габсбургской и царской империй не означало поражение, нанесенное борьбе за национально-государственное единство. Выражая общее мышление и общие чувства, непоколебимую волю, со всей силой воодушевляя всех румын, Николае Бэлческу писал в 1850 году: «Мы хотим быть единой, мощной и свободной нацией согласно нашему праву и долгу, на благо нашей нации и на благо других наций, так как мы хотим быть счастливыми и выполнить нашу миссию /.../. Эти условия силы,

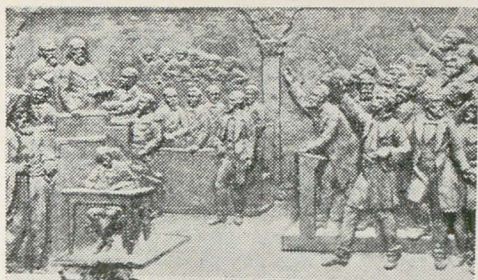
1848—1849 гг. Аврам Янку — революционер, самоотверженно борющийся за объединение (фрагмент большой фрески в Румынском Атенееуме, созданной Костином Петреску)

в которой мы нуждаемся, мы можем найти только в солидарности всех румын, в их объединении в одну нацию, объединение, к которому мы предопределены благодаря национальности, одному языку, религии, обычаям, чувствам, благодаря географическому расположению, прошлому и, наконец, необходимости сохранить себя и освободиться. Если национальность — душа народа, /.../, то национальное единство является его залогом, плотью, которое необходимо, чтобы его душа не погибла и не застыла, а напротив, чтобы она могла расти и развиваться»⁵.

Первым плодом многовековых усилий и воли, жертв предков было 24 января 1859 года, — Объединение Молдовы с Мунтенией, которое было подлинным краеугольным камнем для полного достижения национальных целей нашего народа. На карту Европы вписывается новое государство, Румыния, событие, давшее энергичный толчок борьбе за осуществление полного национального единства. Тогда представители великих европейских держав были вынуждены признать действительность, а именно, то, что жители румынских стран всегда были «единым народом», что у них «те же начала, то же название, тот же язык, та же религия, та же история, та же цивилизация, те же законы и учреждения, те же законы и обычаи, те же заботы и те же надежды, те же нужды, которые должны быть удовлетворены, те же границы, которые нужно охранять, та же боль в прошлом, то же будущее, которое нужно обеспечить и, наконец, та же миссия, которую нужно выполнить»⁶.

Но под чужеземным господством еще находились древние румынские территории, для которых государство, созданное на юге и востоке от Карпат, представляло подлинное жизненное ядро. В то же время, современное румынское государство играло важную роль в процессе распада чужеземных владений на Нижнем Дунае и создавало барьер на пути политики экспансии, проводимой против народов юго-востока Европы. Красноречивым моментом румынской национальной солидарности были широкие выступления протеста, вызванные подписанием в июне 1867 года дуалистского австро-венгерского пакта, в результате которого, невзирая на волю большинства румынской нации, древняя румынская территория Трансильвании была аннексирована Венгрией. Этот акт типично колониальной аннексии отметил и усиление антирумынской политики, официально проводимой правительством в Будапеште, целью которого было уничтожение посредством насильственной венгеризации этнического и политического, преимущественно румынского характера Трансильвании. Темная перспектива, открывшаяся перед трансильванскими и банэцианскими румынами

1877 г. Румыния провозглашает свою независимость (базорельеф с цоколя памятника К. А. Росетти)

дуалистским сговором от 1867 года, вызвала их решительный отпор. Борьба против дуалистского режима получала моральную, материальную и политическую поддержку со стороны румынского государства, так как это была борьба всей нации за спасение своего существования и за объединение со Страной. Сопротивление румын дуалистскому политическому режиму развивалось параллельно с национальным движением за освобождение румын из других порабощенных провинций и в тесной связи с братьями из свободной страны. Политическое кредо трансильванских румын было ясно выражено Джеордже Барициу 15 мая 1868 года, когда он сказал: «без объединенной и свободной, основанной на справедливости и морали, не может быть речи о румынской нации и национальности»⁷. И эта Румыния в обязательном порядке должна была охватить древнюю землю Трансильвании.

Провозглашение 9 мая 1877 года полной государственной независимости и национальной и народная война 1877—1878 гг., которую развернули румыны с обеих склонов Карпат, еще раз доказали всему миру, что румынская нация одна и та же, несмотря на временные границы, навязанные сопредельными великими державами, что весь румынский народ, как в свободной стране, так и в провинциях, находившихся под чужеземным господством, разделяет то же историческое стремление — объединение в рамках границ одного государства. Подписанный 1/13 июля 1878 года в Берлине мирный договор, установивший новый международный статут для Румынии, предусмотрел и воссоединение с родной-матерью Добруджи — древней румынской земли, расположенной между Дунаем и морем и находившейся более четырех веков под османским господством.

Высшее требование об объединении всех румын в единое свободное и независимое государство отменило борьбу наиболее прогрессивных деятелей нашего народа и в период 1877—1878 гг. Синтезируя умонастроения, существовавшие в Румынии накануне начала первой мировой войны, ге-

нерал Григоре Крэйничану писал: «Важнейшим идеалом румын и румынской армии — это защита родины. Наше постоянное, документированное, реальное и правдивое заявление о том, что Румыния не имела и не имеет тенденций к завоеваниям, а только к защите — это не простое утверждение [...]. Но кроме идеала обороны страны, у румын есть еще один идеал, идеал объединенной румынской нации»⁸.

Участвуя в первой мировой войне начиная с 1916 года, Румыния воевала на стороне Антанты за осуществление национальных стремлений — за объединение с родиною-матерью румынских провинций, находившихся под австро-венгерским господством. Вступление румынского государства в первую мировую войну имело законный, справедливый характер — характер объединения народа в одну единую, независимую и суверенную родину. Для этого вступила Румыния в войну за национальное воссоединение и освобождение, за это ожесточенно боролись румынские воины с оккупантами в Брашове, Жиу, Драгославеле, Туртукая, Мэрэшть, Мэрэшешть, Ойтузе, только за это они пожертвовали в войне 800 000 румын — павшими мертвыми, ранеными или пропавшими без вести, что представляло 10 процентов населения страны.

Усиление революционных боев и боев за национальное освобождение народов, крушение царизма и разгром Центральных Держав явились мощным фактором распада Австро-венгерской империи, которая — как отмечал В. И. Ленин — была лишь слабо связанным синдикатом нескольких клек общественных паразитов. После того как в 1917 году Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила право народов на самоопределение, а президент США В. Вильсон также выразил этот же принцип, как основу условий для мирных переговоров с Центральными державами, освободительное движение народов приняло особый размах. В это движение народов вписалась и борьба румын за завершение государственного единства.

Бессарабские румыны, жившие на территории, расположенной между Днестром и Прутом, аннексированной в 1812 году царской Россией, провозгласили независимость Молдовской Демократической Республики, созданной в конце 1917 года, и утвердили затем, 27 марта/9 апреля 1918 года, решение об объединении с родиною-матерью, Румынией. В Декларации об объединении, принятой Советом Страны, указывалось: «Молдовская Демократическая Республика (Бессарабия), в своих границах между Прутом, Днестром, Дунаем и Черным морем и давними границами с Австрией, оторванная Россией более ста лет тому назад от плоти древней Молдовы, во имя исто-

рического права и права народа, на основе принципа о том, что народы сами решают свою судьбу, с сегодняшнего дня и навсегда объединяется со своей матерью Румынией»¹⁰. Увенчанье борьбы, которую более века вели румыны, живущие между Прутом и Днестром за сохранение своего национального существа, за политические и социальные права, объединение Бессарабии с Румынией имело прогрессивный характер, соответствуя законным требованиям развития современной румынской нации. Оно вписалось в обширный процесс национального и политического самоопределения, развертывавшийся в Европе в тот исторический период¹¹.

15/28 ноября 1918 года Генеральный

«Да здравствует Объединение и Большая Румыния!». С этими словами обратились к будущему прибывшие в Алба-Юлию делегаты (на фотоснимке представители коммуны Галтиу)

Конгресс Буковины, при единодушном голосовании тысяч участников, являвшихся представителями сотен тысяч жителей этой румынской провинции, постановил «Безоговорочное объединение навеки Буковины в рамках ее старых границ до Черемуша, Колачина и Днестра, с королевством Румынии»¹². Таким образом была ликвидирована историческая несправедливость и была осуществлена полутаровековая мечта буковинских румын.

Тысячелетняя борьба румынского народа за полное государственное единство, увенчавшаяся полным успехом 18 ноября/1 декабря 1918 года, когда на грандиозном плевиске в Алба Юлии более 100 000 человек — рабочие, крестьяне интеллигенты, представители всех классов и социальных слоев — с энтузиазмом заявили об объединении с Румынией всех румын, живущих за горами, румын со «всех территорий, на которых они проживают»¹³. К принятым в Алба Юлии историческим решениям присоединились совместно проживающие национальности — сассы, швабы, евреи, — а

также и передовые деятели из рядов венгерского населения, которые, будучи сознательными о праве румын принимать решение о Трансильвании, подтвердили решение об объединении, выражая свое желание проживать совместно с румынским народом в объединенной Румынии, трудиться и бороться сообща за обеспечение всестороннего прогресса страны. В духе всегда характеризовавших их чувств высокой и традиционной гуманности румыны продемонстрировали высокое моральное и гуманное отношение к национальностям, которые в течение веков проживали на гостеприимной земле Трансильвании.

Великое Объединение 1918 года получило международное признание посредством системы мирных договоров, которые формально положили конец первой мировой войне. Акт самоопределения, совершенный всем румынским народом, который принял решение жить объединенным в объединенной стране, завоевал признание международного общественного мнения и представителей заинтересованных государств, созданных на Мирную конференцию в Париже, как неотъемлемое историческое право румынской нации.

Таким образом, 1918 год явился краеугольным камнем в создании единого национального румынского государства при завершении длительного и сложного исторического процесса, закончившегося последовательными и героическими битвами многих поколений, увенчав заслуженной слагой развитие румынского общества. Представительные собрания и их органы — Совет Страны, Национальный Совет, Центральный румынский национальный совет, — своими свободно принятыми решениями, выразили стремления народных масс, осуществив объединение с Румынией. Воссоединение трех румынских провинций с родиной-матерью было осуществлено в широких демократических рамках, путем действий согласно свободно выраженной воле, на румынской территории, а не вне ее. Румыны не просили ни согласия, ни поддержки Великих Держав для осуществления своего идеала, они не ждали, чтобы дипломатия и Мирная конференция решили их судьбу, а действовали сами, они поступили так, как считали нужным¹⁴. Касаясь этих событий, президент социалистической Румынии отмечает: «Ход исторических событий самым категоричным образом демонстрирует, что объединение было не эффектом случая, простой благоприятной конъюнктуры или договоренностей, достигнутых за столом переговоров, а результатом решительной борьбы самых широких народных масс, актом глубокой национальной справедливости, осуществлением закономерного соответствия между объектив-

ной действительностью и неотъемлемыми правами народа, с одной стороны, с национальными рамками, которыми настоятельно требовали эти реальности. Заключенный позднее Мирный договор лишь закрепил существовавшее положение вещей, ситуацию, создавшуюся вследствие борьбы народных масс Румынии и Трансильвании, всего нашего народа»¹⁵.

Осуществление единства румынского государства имело исключительное значение для развития Румынии, для полного утверждения румынского народа во внутренней и международной жизни. Объединив на земле прадедов и находившиеся под чужеземным господством румынские провинции, Румыния охватывала своими историческими границами площадь в 295 049 кв. км. и население в 18 057 028 жителей, являясь однородным с этнической точки зрения государством. Так, согласно переписи 1930 года из всего населения страны 71,9 процента представляли румыны, 7,9 процента венгры, 4,1 процента немцы, 4 процента евреи, 3,2 процента рутыне и украинцы, 2,3 процента русские, 2 процента болгары и т.д.¹⁶ Эта основная черта была отмечена Конституцией 1923 года: «Королевство Румынии является единым национальным и неделимым государством», и территория Румынии является неотъемлемой»¹⁷. В действительности выявляется территориальное единство румынского государства, а также и его этническая однородность, так как румыны представляют подавляющее большинство населения страны.

Создание в 1918 году единого национального румынского государства вписывается в качественно высшие преобразования, происшедшие в Европе в начале XX века, являясь неотъемлемой частью структурного преобразования международной жизни. Государственное воссоединение Румынии, одновременно с воссозданием независимого польского государства, создание Чехословакии, завоевание независимости Албании, создание Югославии, освобождение Венгрии, выразили утверждение силы и жизнеспособности древних народов нашего континента, которые в течение веков подвергались эксплуатации и чужеземному господству. Создание, в рамках этнических границ, свободных государств на востоке, юго-востоке и в центре Европы, в число которых вписывается и Румыния, вызвало значительное ограничение сферы действий империалистических и интервенционистских кругов, демонстрируя всему миру, что нация и национальное государство являются наиболее адекватными формами организации человеческого общества. Единое, национальное румынское государство утвердилось в последующие годы на международной арене как сплоченное и суверенное

государство, воодушевляемое желанием активно бороться за сохранение мира между государствами, за усиление сотрудничества между народами Европы и всего мира.

Вступив в свои законные права над всеми прадедовскими территориями, объединенная румынская нация органически интегрировалась в процесс всемирной материальной и духовной жизни, внося большой вклад в развитие человеческой цивилизации, обогащая сокровищницу ценностей всем, что было характерно обществу карпато-дунайско-понтийского пространства.

Внешняя политика, инициатором которой были румынские правительства в период между двумя мировыми войнами, имела основной целью защиту национальной независимости и территориальной целостности страны. Румыния постоянно выступала в различных международных органах за неуклонное соблюдение принципов независимости и целостности каждого государства, невмешательства во внутренние дела, равноправного отношения между большими и малыми державами, за решение спорных вопросов путем переговоров. Объединенная и мощная Румыния твердо выступала за установление климата мира и доверия между государствами, за оказание поддержки странам, ставшим жертвами агрессии фашистских и ревизионистских государств.

Теперь, когда исполняется 70 лет существования как единого национального государства, Румыния является свободной и независимой страной, в которой живет и трудится социалистическая, однородная, динамическая нация, полностью утверждая свои творческие способности, в непоколебимом единстве вокруг своего жизненного центра — Румынской коммунистической партии.

Исторические факты неопровержимо демонстрируют, что территория нашей страны — румынская территория, на которой сформировался и развился около четырех тысячелетий тому назад гето-дакийский народ и две тысячи лет тому назад румынский народ, имеет единый, неделимый характер. На этой территории трудился, боролся и творил румынский народ, его прадеды гето-даки и их предки, постоянно проживающие с незапамятных времен на земле прадедов. История не отмечает ни одного момента, когда наш народ и наши предки покинули бы при каких-либо обстоятельствах эти края. Напротив, мы находимся здесь с начала начал. Наши корни, наше предшествование здесь, по сравнению с другими народами, постоянство в пространстве и времени, непрерывная борьба за сохранение единства, независимости являются необратимой действительностью

и не могут оспариваться никем никоим образом. Поэтому мы не позволим никому, ни при каких обстоятельствах нанести удар единству нашего народа, нанести какой-либо ущерб его интересам, его неотъемлемым правам на территориальное достоинство, его основному качеству создавать свою историю согласно своей воле. Румыния была, есть и будет объединенной, неделимой, свободной и независимой.

- 1 Nicolae Ceaușescu, *România pe drumul desăvîșirii construcției socialiste*, vol. 3, Editura Politică, București, 1969, p. 707.
- 2 Miron Costin, *Opere*, ed. P. P. Panaitescu, București, 1958, p. 241.
- 3 *Croniciari munteni*, vol. I, București, 1961, p. 68.
- 4 E. Virtosu, *Tudor Vladimirescu, Glose, fapte și documente noi (1821)*, București, 1927, p. 102—103.
- 5 Nicolae Bălcescu, *Opere*, tom. I, partea a II-a, București, 1940, p. 105.
- 6 *Acte și documente relative la istoria Renasterii României*, VI, 1, p. 63—68; 2, p. 28—29; cf. Ștefan Pascu, *Făurirea statului național unitar român*, vol. I, Editura Academiei R. S. România, București, 1983, p. 139.
- 7 George Bariț, *Scriseri social-politice*, București, 1962, p. 204.
- 8 General Gr. Crăiniceanu, *Despre istoria armatei române*, București, 1912, p. 53—54.
- 9 V. I. Lenin, *Opere complete*, vol. 30, Editura Politică, București, 1964, p. 8.
- 10 Ion I. Nistor, *Istoria Basarabiei*, Cernăuți, 1923, p. 422—423.
- 11 *România în anii primului război mondial*, vol. 2, Editura Militară, București, 1987, p. 568.
- 12 *Ibidem*, p. 622.
- 13 *Unirea Transilvaniei cu România. 1918*, Editura Politică, București, 1978, p. 618—619.
- 14 *1918 la români. Desăvîșirea unității național-statale a poporului român*, vol. I, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1983, p. 56.
- 15 Nicolae Ceaușescu, *România pe drumul construirii societății socialiste multilateral dezvoltate*, vol. 17, Editura Politică, București, 1979, p. 275.
- 16 *Anuarul statistic al României*, 1939 și 1940, 1940, p. 62.
- 17 „Monitorul oficial”, nr. 282 din 29 martie 1923, București, 1923, p. 3.

ЕДИНСТВО ВСЕЙ НАЦИИ В БОРЬБЕ ЗА ЗАЩИТУ ЕДИНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РУМЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1919 ГОДУ

Полковник д-р ГЕОРГЕ ТУДОР

Развитие политико-стратегического положения в Европе в конце 1918 года и, особенно, в 1919 году было таким по своей природе, что Румыния была обязана действовать за освобождение всей территории страны от оккупационных войск Центральных держав, которые не спешили покинуть румынские земли, как это было установлено Договором о перемирии. Для этого была объявлена всеобщая мобилизация и, в то же время, были приняты меры для защиты независимости и целостности единого национального государства. Было ясно, что «Если для осуществления объединения, независимости и единства всего народа мы могли ждать благоприятных обстоятельств, то для сохранения целостности и суверенитета объединенной Румынии мы должны быть готовы успешно бороться и особенно тогда, когда общие обстоятельства нам неблагоприятны»¹.

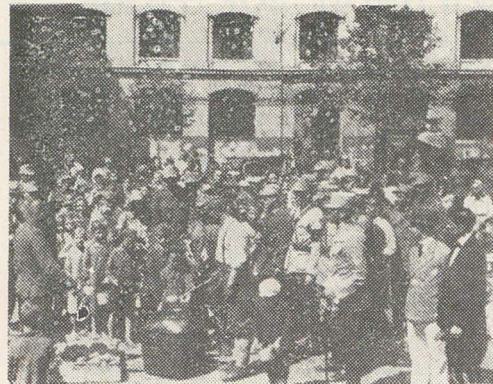
В духе справедливости история со всей правдивостью отметила тот факт, что как при разработке, так и при проведении политики и программы принятия мер во всех областях для упрочения и защиты единого национального государства существовало широкое, неразрывное, нерушимое национальное единство румынского народа, полного решимости не щадить никаких сил для сохранения своей независимости и целостности. Отмечаем тот факт, что широкое и нерушимое единство за защиту единого национального государства ярко отразилось и на единстве принципов проводимой правительством в период между двумя мировыми войнами внешней политики, которые вписываются в мощное древо традиций румынского народа, подтверждая конструктивный призыв к миру и взаимопониманию с народами всего мира, к добрососедству, глубокому уважению всех наций.

В данный период, испытанием верности идеалу мира было отношение к *statu-quo* установленному в европейском масштабе системой заключенных договоров. Кроме уважения у него не должно было быть другой альтернативы; ясно, что любой пересмотр, на который согласились бы подписавшие договоры стороны, мог бы стать опасным фактором напряженности и войны². Всей своей деятельностью и политикой, правительства Румынии, поддерживаемые в этом отношении всем

народом, заняли позиции защиты мира, боролись против ревизионизма и войны. «Румыния, заявлял премьер-министр Румынии И. К. Брэтиану, — одно из государств, наиболее заинтересованных в сохранении мира и в упрочении политического положения, установленного существующими мирными договорами».

В развитии и динамике событий на фоне сложной игры сил в Европе, необходимо отметить тот факт, что в 1919 году самая тяжелая опасность для независимости и целостности единого национального румынского государства была порождена агрессивной и экспансионистской политикой Венгрии, ее отношением к международным договорам. Находясь под властью ностальгии о Великой азиатской и затем европейской Венгрии, стоявшей во главе и направлявшей политику и действия венгерского правительства, включая правительство, названное правительством Советской Республики, находившееся в Будапеште правительство с высокомерием и презрением относилось к международным договорам уже в стадии их окончательной разработки, систематически отказываясь вывести войска с румынской территории и угрожая вооруженным вмешательством для нового завоевания Трансильвании. Бела Кун и остальные руководители Венгерской Республики открыто заявили, что «расширят господство пролетариата на всю территорию страны с помощью оружия»; в их видении пространство для осуществления такого вида «революции» охватывало «историческую» Венгрию и оккупированные провинции. Представляя эту действительность, венгерский историк Липтай Эрвин писал, что венгерское правительство «на самом деле не желало отказываться от территориальной целостности исторической Венгрии». «Даже более того — продолжал тот же историк — оно неоднократно выражало решение защищать эту целостность с оружием в руках»³.

По традиции, руководители Венгрии, игнорируя положения договоров и отвергая демарши держав Антанты, а также и прибывших с этой целью в Будапешт представителей великих держав, не ограничились заявлениями

Румынские войска предоставляют питание жителям Будапешта

и угрозами, а постепенно предприняли агрессивные военные действия против румынского народа и единого румынского государства, продолжая зверствовать против румынского населения в районах, еще находившихся под контролем венгерских войск; в том числе отмечаем зверское убийство 23 марта/4 апреля 1919 года префекта уезда Бихор адвоката д-ра Иона Чиордаша, адвоката д-ра Николае Болкаша в Бейюше. В широком политико-стратегическом кругозоре руководители Венгрии надеялись со временем скоординировать свои усилия с украинской красной армией. С этой целью 26 апреля 1919 года генеральный штаб Красной Армии в Киеве дал приказ своим войскам «быстро продвинуться вперед и установить связь с венгерской красной армией»⁴. В телеграмме от 25 апреля 1919 года, высланной командованию украинской Красной Армии В. И. Ленин указывал, чтобы армия наступала через Галицию и Буковину и установила «непосредственную связь с венгерской Красной Армией», а другие группировки должны были «начать наступление для разрыва позиций королевских сил Румынии и для их окружения у Днестра»⁵.

Политике и экспансионистским и агрессивным действиям Венгрии, развязанным в более широком масштабе 16 апреля 1919 года, румынский народ ответил в полном единстве законной войной за защиту своего этнического существования и государственной целостности. Война за национальное освобождение и за защиту румынского государства продолжалась с 16 апреля 1919 года до 3 августа того же года.

Румынская армия развертывала свои действия для того, чтобы заставить венгерские войска соблюдать положения Договора о перемирии; с этой целью 29 октября/11 ноября 1918 года был дан приказ 7 пехотной дивизии и 1 дивизии егерей перейти через горы в Трансильванию. Позднее, горную цепь перешли и войска 2 дивизии егерей и 6 пехотной дивизии. Румынское командование получило приказ избегать любого вооруженного кон-

фликта с венгерскими воинскими частями, но отразить любую попытку их сопротивления. Впрочем, зная агрессивное поведение венгерских войск на румынской территории, Союзное командование сообщило еще 16 апреля 1919 года при посредничестве французского генерала Генри Бертело, что «румыны имеют право ответить наступлением в случае атаки и продвигаться вперед до восточной границы нейтральной зоны, с целью занятия предназначенного им района»⁶.

Развитие событий подтвердило правильность выводов, которые сделали союзные и румынские стратегические органы. Наиболее красноречивым доказательством, на данном этапе, было начало в ночь с 15 на 16 апреля агрессии венгерской армии (располагавшей на востоке от Тиссы войском численностью около 70 000 человек, 137 пушками и 5 бронепоездами) в долинах рек Сомеш и Кришул Репеде, наступавшей в направлении Чикырлеу-Деж, Залэу-Клуж и Чуча-Клуж⁷. В создавшемся положении, румынское командование, на основании воли всего румынского народа, выраженной 1 декабря 1918 года на Великом Национальном Собрании в Алба Юлии, приняло меры для разгрома группировки противника, одновременно с подготовкой контрнаступления, с целью завершения освобождения национальной территории, потому что, как указывает товарищ Николае Чаушеску, «...объединение было решено и осуществлено борьбой народных масс Трансильвании и Румынии еще в 1918 году. Трианонский мирный договор не мог не признать эту реальность, продиктованную борьбой всей румынской нации»⁸.

Наступление румынской армии развернулось в нескольких направлениях. Действия румынской армии сосредоточивались особенно на основных линиях путей сообщения и на крупных городских центрах на западе от Западных гор. В результате этого, 19 апреля были освобождены города Сату Маре и Карей, а 20 апреля румынские войска вступили без боя в Орадию; их с радостью встречали толпы людей, выкрикивавших «Да здравствует румынская армия» и певших героические гимны «Пробудись, румын» и «На нашем знамени». Венгерская армия отступила по линии городов Нийрегихаза, Дебрецин, Бекесзаба; 21 апреля венгерское командование постановило остановить здесь продвижение румынской армии, но которая, продолжая наступление быстрыми темпами, вступила 23 апреля в город Дебрецин, а 27 апреля вступила в город Нийрегихаза. 27 апреля 1919 года командование венгерской армии отдало приказ эвакуировать территорию на запад от Тиссы. До 1 мая 1919 года румынская армия достигла Тиссы, в районе Ксап, Мункас; ее соединения объединились с чехословацкими воинскими частями⁹. В телеграмме от 27 апреля командующий союзными армиями Востока генерал Франше д'Эсперей оценивал следующим образом развитие начавшихся 15/16 апреля военных событий: «После нападения венгров, румынские

войска в Трансильвании блестяще контролировали силы противника и привели их в полное замешательство»¹⁰.

Под общими ударами румынского, югославского и чехословацкого народов, которые освобождали свои территории от господства Венгрии, руководители Венгрии решили 30 апреля 1919 года обратиться с посланием к правительствам этих трех стран, к президенту В. Вильсону, а также и к европейским рабочим партиям, в котором Бела Кун указывал: «От имени венгерского революционного правительства имею честь сообщать вам, что мы безоговорочно признаем все ваши национальные территориальные претензии. Вы мотивировали эти претензии пожеланием положить конец тысячелетнему угнетению вашего народа господствующим классом венгров... Теперь мы непосредственно доводим до вашего сведения, что мы безоговорочно признаем все ваши национальные территориальные претензии... Эти классы, которые угнетали ваших собратьев, были в то же время угнетателями рабочего класса нашего народа... Таким образом, считаем, что если ваши, данные до сих пор заверения были серьезными, отныне может царить мир между нами».¹¹

При создавшемся новом положении, венгерское правительство передало 30 апреля 1919 года через своего командующего войсками в районе Солнок предложение о перемирии, переданное командующему 2 дивизии егерей непосредственно в распоряжении этой дивизии. 3 мая было заключено подписанное генералом Константином Презан и полковником Семисем Верт Военное соглашение, в котором Венгрия обязывалась прекратить военные действия против Румынии.¹²

Правительство Венгрии не соблюло взятые на себя обязательства и 5 июля 1919 года подготовило широкое наступление с целью вновь завоевать Трансильванию.¹³ Концепция нового наступления, направленного против румынской армии, по сути предусматривала выполнение двух ударов в далеко расположенных районах, предшествовавших форсированию Тиссы, чтобы взять в клещи находившиеся на востоке от реки румынские войска и разгромить их; противник предполагал, что основные силы румынской армии расположены вблизи течения реки. Предназначенные для этого силы представляли два армейских корпуса (восемь дивизий), две независимых бригады, а также один кавалерийский полк и 91 батарею, общей численностью в 50 000 человек.

Осведомленное о планах противника румынское командование (располагавшее восьмью пехотными дивизиями и двумя кавалерийскими дивизиями, в составе: 119 батальонов пехоты, 60 кавалерийских эскадронов, 392 огневых точки; одной роты аэростатов и четырех рот по форсированию реки) решило в основном сохранить то же стратегическое расположение, с основными силами, расположенными в тылу, оставив на Тиссе лишь войска при-

крытия¹⁴. Таким образом, создавался тонкий пояс, предназначенный в основном для наблюдения, имея целью на первом этапе остановить наступление противника, чтобы создать предпосылки для контрнаступления на втором этапе. Развитие развязанных венгерскими войсками военных действий подтвердило эту концепцию, отличавшуюся большой оригинальностью.

Начавшееся 20 июля 1919 года наступление противника было на самом деле подлинной «военной агрессией Венгрии против Румынии, цель которой была вновь аннексирование Венгрией территории, на которых проживали румыны и которые, согласно воле широких народных масс, 1 декабря 1918 г. объединились с Румынией»¹⁵. В первые дни агрессор достиг некоторых успехов; до 23 июля основные его силы сумели форсировать Тиссу и продвинуться на восток, по были измотаны румынскими войсками прикрытия¹⁶.

Одновременно с мероприятиями по руководству операциями для разгрома венгерской агрессии, румынское верховное главнокомандование тщательно подготовило переход к контрнаступлению без оперативного перерыва, чтобы воспользоваться положением, создавшимся в результате отрыва основных сил венгерской армии на реке Тиссе. Начавшееся и ставшее общим на второй день контрнаступление румынской армии развертывалось с особым успехом, так что 28 июля первые румынские части начали форсировать Тиссу, преследуя агрессивную венгерскую армию, которая за короткое время расплылась, не оказывая особого сопротивления на запад от течения реки. Вечером 3 августа 1919 года отряд румынских рошиоров в составе 400 человек, с двумя пушками и двумя группами пулеметов, символически вступили в Будапешт, где полковник Георге Русеску потребовал от венгерского правительства приказа о прекращении огня. 4 августа войска I Дивизии егерей вступили в столицу Венгрии¹⁷. 5 августа 1919 года генерал Георге Мэрдэреску сообщал в Прокламации к населению Будапешта о причинах присутствия румынской армии в столице Венгрии: «1. Румынская армия не воюет с жителями, а с армиями, которые на нее напали; 2. Румынский солдат гарантирует спокойствие, имущество и жизнь граждан»¹⁸, требуя в то же время от населения «соблюдения законов страны» (Венгрии — прим. ред.). В том же смысле в Прокламации от 10 августа 1919 года отмечалось: «Командование войск Трансильвании сообщило, что румынские военные власти не вмешивались и не будут вмешиваться во внутренние дела Венгрии... Румынская армия желает, чтобы после решения — совместно с ее союзниками — всех вопросов, вытекающих из актуальной войны, возобновить мирные нормальные отношения с соседним венгерским народом». В дальнейшем, сообщая, что только за один день румынское военное командование предоставило населению более 70 000 порций хлеба весом в 400 грамм каж-

дая, Прокламация уточняла: «Румынской армии, начавшей военные действия в результате провокации армии противника на Тиссе, чуждо какое-либо чувство мести»¹⁹. 30 августа 1919 года мэр Будапешта д-р Боди Теодор, писал командованию 5 полка рошиоров, офицеры которого участвовали в предоставлении продовольствия для детей столицы Венгрии: «Выражаю вам особую благодарность за вашу доброту к детям города, так как в эти тяжелые времена, бедное население Столицы очень страдает, а мы, руководители, несмотря на все наши старания, не можем ему ничем помочь. Даже и с этой точки зрения мы вечно признательны вам и господам офицерам»²⁰. 4 октября 1919 года верховный комиссар румынского правительства в Будапеште Константин Диаманди сообщал венгерскому правительству, что для питания венгерского населения началась перевозка из Румынии 1 000 вагонов с зерном²¹. 12 ноября 1919 года генерал Грациани писал румынскому верховному главнокомандованию: «Комиссия апплодирует этому жесту гуманизма».²²

Характер и цель проведенной Румынией войны, чисто военная суть присутствия ее войск за Тиссой и в Будапеште имели широкий отклик в рядах международного общественного мнения и в печати того времени. Так, например, «Le Petite Parisien» отмечала что «Румыния, основываясь на свои собственные силы, защищалась и, наконец, прислушивалась только к голосу о своем национальном спасении, который требовал от нее идти вперед и у союзников нет никаких прав ее проклинать», «L'Echo de Paris»: «Мы должны поддерживать Румынию. Румыны сами защищали себя и они сами должны установить условия их будущей безопасности. Мы должны остерегаться создавать им препятствия».²³

Характер и цели войны за завершение освобождения всей румынской территории и за защиту независимости и целостности единого национального румынского государства, во время которой было широко выражено единство всей нашей нации, со всей яркостью вытекают и из последней Прокламации румынского командования от 12 ноября 1919 года к населению Будапешта, в которой указывалось: «Румынская армия отступает; Будапешт будет эвакуирован. Покидая столицу Венгрии, Румыния желает еще раз подтвердить, что вследствие нападения на Тиссе, которое мотивировало ее военные действия, Румыния руководствовалась только законной защитой и военными требованиями. Ей была чужда любая мысль об угнетении или мести. Румынская армия старалась как можно больше облегчить население от присутствия войск в Венгрии и прилагались любые усилия, которые облегчили бы жизнь страдающего населения. С чувством неисполнения своего долга гуманизма и права румынская армия желает еще раз подтвердить, что всегда считала внутренние

дела Венгрии как принадлежащие только венгерскому народу, которому желает восстановление спокойствия, без каких-либо политических, социальных или религиозных притеснений»²⁴

- 1 „Revista infanteriei“, anul XXXV, nr. 350 din aprilie 1931, p. XV—XVI.
- 2 Mircea Mușat, Ion Ardeleanu, *România după Marea Unire*, vol. II, partea I, 1918—1933, București, 1986, p. 1003.
- 3 Ervin Liptai, *Vöröskatonák, Előre! A Magyar Vörös Hadsereg Harcai*, 1919, Budapest, 1919, p. 87.
- 4 Gyula Juhász, *Ungaria Foreign Policy 1919—1945*, Budapest, 1979, p. 22.
- 5 Agnes Gedő, Sándor Tóth, *Pătia na ungarska-săveska voenna družba*, în vol. *Armia mira i progressa*, Sofia, 1978, p. 184; apud *Din cronică relațiilor poporului român cu popoarele vecine*, vol. I, București, 1985, p. 269—270.
- 6 Ervin Liptai, *op. cit.*, p. 103.
- 7 *România în anii primului război mondial*, vol. II, București, 1987, p. 670.
- 8 Nicolae Ceaușescu, *România pe drumul construirii societății socialiste multiateral dezvoltate*, vol. 26, Editura Politică, București, 1984, p. 438.
- 9 *Istoria militară a poporului român*, vol. V, București, 1988, p. 782.
- 10 Arh. M.A.E., fond Paris, dosar nr. 54 (Telegrama nr. 68 semnată Franchet d'Espérey către regele Ferdinand, 27 aprilie 1919).
- 11 „Dimineața“, an XVI, nr. 4 673 din 5 mai 1919, p. 1; vezi și Ervin Liptai, *op. cit.*, p. 60.
- 12 Arh. M.A.E., fond 2, litera U.W.L., IX, art. 181, anii 1921—1922, vol. 1; vezi și *Desăvîrșirea unității național statale*, vol. IV, p. 78—79.
- 13 General-locotenent dr. Ilie Ceaușescu, *Transilvania, străvechi pământ românesc*, București, 1984, p. 80.
- 14 General G. D. Mărdărescu, *Campania pentru dezrobirea Ardealului și ocuparea Budapestei (1918—1920)*, București, 1921, p. 108.
- 15 General-locotenent dr. Ilie Ceaușescu, *op. cit.*, p. 80.
- 16 General G. D. Mărdărescu, *op. cit.*, p. 131.
- 17 *România în anii primului război mondial*, vol. II, București, 1987, p. 680.
- 18 *Ibidem*.
- 19 *Desăvîrșirea unității național-statale*, vol. IV, p. 101.
- 20 *Arhiva Ministerului Afacerilor Externe*, fond Problema E 2, part. II, vol. 48, p. 256.
- 21 *Ibidem*, p. 64.
- 22 *Ibidem*, p. 581.
- 23 *Ibidem*, p. 138.
- 24 *Colecția ordonanțelor...* Sibiu, 1920, p. 81.

ПОСАДА, 9-12 ноября 1330 г. Блестящая военная победа, решающего значения для утверждения румынской государственности

Полковник д-р ВАСИЛЕ АЛЕКСАНДРЕСКУ

Борьба румынского народа за создание собственного независимого и суверенного государства имеет двухтысячелетнюю традицию, уходящую в прошлое к первым гето-дакийским формациям, к централизованному и независимому государству Буребисты I в. до н.э., продолжая сильным государством Децебала в конце I и начале II в.н.э., современника и соперника самой мощной империи древнего мира: Римской империи.

На всем протяжении I тысячелетия народные общины и романи, княжества и воеводства представляли в карпато-дунайском пространстве организационные рамки сопротивления румын кочевым народностям, обеспечивая непрерывность своей этнической сущности, постоянно демонстрируя творческую политическую силу и историческую жизнеспособность нашего народа.

Утверждение княжеств и воеводств, «стран» — как их называли в то время — отметило этап, необходимый в процессе формирования независимого объединенного румынского государства, процессе, на который сильное воздействие оказывали многочисленные чужеземные нашествия, со всех направлений. Одним из самых отрицательных последствий этих нашествий явилось препятствие естественной эволюции к постепенному объ-

единению политических формаций в единый государственный организм с государственными границами в естественных лимитах проживания румын.

Весь процесс самостоятельного румынского государственного становления был сильно стеснен в первые столетия II тысячелетия вмешательством внешних факторов, какими были монгольское иго и, в особенности, захватническая политика королей Венгрии. Эти факторы вынудили румынский народ продолжить тяжелую и продолжительную борьбу против чужеземной агрессии — основного препятствия на пути осуществления его стремлений к государственной независимости.

Во время правления Басараба I — господаря Румынской страны Мунтения — были сделаны решающие шаги на пути естественного территориального объединения. Во время этого долголетнего — более чем тридцатилетнего — правления внутренняя и международная позиция молодого румынского государства между Карпатами и Дунаем сильно укрепилась, кульминировав ликвидацией претензий на господство венгерского королевства и завоеванием полной независимости.

Одновременно с мерами, принятыми в целях обеспечения внутренней прочности своего государства, ве-

ликий воевода Басараб I вел мудрую внешнюю политику, имевшую широкий резонанс на европейском востоке. Пленарно выполняя prerogative суверена независимого государства, господарь Румынской страны Мунтения заключил прочные союзы, призванные остановить экспансию венгерского королевства и ликвидировать татарскую опасность. Авторитет румынского воеводы и государства, во главе которого он стоял, стал таким сильным, что в одном из документов 1325 года говорится, что *политическая и военная мощь короля Венгрии Карла Роберта Анжуйского ничем не может противостоять и не может сравниться с мощью Басараба»*¹.

Утверждение в экономическом и военном плане Румынской страны Мунтения, но, в особенности, проводимая Басарабом I независимая политика не удовлетворяла венгерские руководящие круги, которые, сначала дипломатическим нажимом, попытались навязать румынскому воеводе статус вассала Роберта Анжуйского. Кажется, что для избежания военного конфликта, к которому румынский господарь не был подготовлен, он вначале согласился с претензиями Карла Роберта, поскольку королевский диплом от 26 июня 1324 года называет Басараба I «наш закарпат-

ский воевода». Признание короля Венгрии союзником, зачастую использовавшееся в отношениях суверанов феодальных государств Европы, и непосредственно касавшееся личности румынского воеводы, а не всей его страны, продолжалось не долго. Перед лицом экспансионистских планов Венгрии отношения между двумя суверанами быстро испортились и год спустя один из официальных венгерских документов ссылался на «закарпатского Басараба, неверного святой короне»².

1330 год ясно и категорически разрешил острое противоречие двух государств, вызванное политической венгерских властей, политикой завоевания территорий за счет других народов. Своевременно предупрежденный о военных приготовлениях Карла Роберта, великий румынский воевода принял нужные меры с тем, чтобы дать решительный отпор врагу и спасти независимость и целостность страны. Его стратегический план, основанный на активной и гибкой обороне, предусматривал в конечном итоге — после того, как наступательный потенциал врага будет сокращен — нанести ему сокрушительный удар, дав решающую битву.

Помня тысячелетние традиции защиты земли всем народом, Басараб I предусмотрел в своем искусном плане участие, вместе с войском страны, всего способного держать оружие в руках населения. Развертывание боевых событий полностью подтвердило реалистичный характер и эффективность принятых Басарабом I мер. Карл Роберт Анжуйский, грубо нарушив ранее заключенные между двумя странами договоры, вторгся в Румынскую страну во главе огромного венгерского войска, поддерживаемого куманским корпусом. Был сентябрь 1330 года. Военная агрессия против мирного соседа, не спровоциро-

ванная румынским господарем, имела своей политической целью «изгнание из страны Басараба» и её отдачу во владение одному из приближенных венгерского короля.

В попытке избежать крупного военного конфликта, чреватого большими человеческими жертвами и уничтожением материальных благ, Басараб I прибегнул к политическому решению, выразив желание начать переговоры. Как говорится в известной *Венской иллюстрированной летописи*, румынский господарь, якобы, предложил 7 000 серебряных марок и даже некоторые территориальные уступки. Через своих послов он предупредил, однако, короля Венгрии: «Вернитесь обратно с миром и избавьте вашу персону от опасности, ибо, если продвигаетесь вглубь страны, не сможете спастись от опасности»³. Отклонив мирные предложения своего соседа, надменный король Карл Роберт Анжуйский ответил послам в унизительных для господаря Румынской страны словах («Скажите Басарабу, что он пастух моих овец и я вытащу его из укрытия за бороду»⁴).

Королевское войско продолжало продвигаться по Румынской стране. Мунтения атаковал и захватил крепость Северин, а затем направившись к Куртя-де-Арджеш — столице страны, основной цели, к которой стремилось вражеское войско. Продвижение к престольному городу Басараба было очень трудным, чреватым опасностью и лишениями.

На этом этапе войны румынское войско применило широкую гамму форм и методов борьбы, специфичных народной войне: стратегические и тактические маневры, атаки и симулируемые отступления, изматывание сил врага и засады, неожиданные нападения в заведомых пунктах перехода и т.д.⁵

Как и в далекие време-

на, население сел и местечек, через которые проходили войска противника, проявило глубокий патриотизм и самоотверженность. Урожай был спрятан в тайниках или уничтожен, корм сожжен, колоды отравлены, дома закрыты, сами же жители ушли в недоступные места. Таким образом венгерская армия была лишена провианта и крова и, как отмечает летописец той же летописи, «король и его войско не найдя пропитания (...) начали страдать от голода, и сам король, и воины, и кони»⁶.

Деморализованные и физически измотанные венгерские силы были остановлены у стен крепости Арджеш, под «Castro Argias», практически лишенные возможности организовать осаду и тем более решающую атаку столицы Румынской страны Мунтения. Таким образом, первый этап войны против румын завершился без того, чтобы противник достиг намеченной цели, и начался второй этап, в котором инициатива перешла на сторону Басараба I.

В целях решающего сражения мунтеньский воевода применил искусную тактику, свидетельствующую о высоком уровне, которого достигло в то время румынское военное искусство. Басараб I решил завлечь отступавшую кратчайшим путем в Трансильванию венгерскую армию в узкое ущелье, внезапно напасть и уничтожить ее, используя для этого как благоприятные условия местности, так и смелость румынских воинов. Место сражения — вошедшее в историю под названием Посада — расположено в стране Ловиште, по мнению некоторых между Сэлэтруку и Перишань.

Боевое расположение имело четыре группировки, каждая со своей отдельной задачей: первая должна была закрыть ущелье с южной стороны после вступления в него венгерской колонны, используя с этой целью стволы деревьев и

камни. Другая группа должна была закрыть выход из ущелья с севера, приготовив здесь защитные рвы и валы. Другие две группировки, занявшие боевое расположение с одной и другой стороны ущелья на крутых скалах должны были ударить по вражеским войскам стрелами, копьями, камнями, скалами и всем, что было под рукой. Таким образом силы Карла Роберта, войдя в ущелье, не могли ни двинуться вперед, ни отступить.

Как отмечается в Венской иллюстрированной летописи, сражение в Посаде началось в пятницу 9 и завершилось в понедельник 12 ноября 1330 года. Внезапно атакованный с вершин, запертый с обеих сторон в ущелье агрессор, впал в панику. Румынские конники и пешие воины осыпали стрелами и камнями вражеских конников и пехоту, которые не могли ни скрыться, ни занять боевое расположение. «Бесчисленное множество румын — пишет летописец — с крутых склонов забрасывало стрелами войско короля, находившееся в глубине низины, которую нельзя было назвать низиной, а скорей своего рода узким кораблем, где из-за большого скопления самые быстрые кони и воины со всех сторон падали в битве. Ибо из-за большой крутизны невозможно было ответить на удары румын ни на одной из сторон дороги, невозможно было и двигаться вперед ни отступить из-за устроенных завалов, воины короля попали как рыба в невод». И был здесь — говорят летописцы — страшный разгром, а воины короля «наталкивались друг на друга, как в люльке младенцы или как тростник качались»⁷.

За четыре дня, сколько длилось сражение, пало

или было ранено, убито стрелами, шпагами, раздавлено скалами и стволами деревьев, брошенными ружьями, множество воинов вражеской армии, сановников венгерского государства и католической церкви, близких советников Карла Роберта. «Сам же король едва спасся с несколькими приближенными», которые «принимали на себя все удары, лишь бы спасти от меча и стрел, от смертельного удара короля»⁸. Остатки венгерского войска, со всем вооружением и кладью, где было огромное количество золота, серебра и драгоценных кубков, были взяты воинами Басараба I в плен.

Таким образом, война 1330 года завершилась блестящей победой румынского войска. По выражению Николае Йорги это была «полная, богатая последствиями победа, ибо борьба велась в естественную сторону нашего развития и на нашей земле, защищавшей своих»⁹.

Победа, одержанная воеводой Басарабом I при Посаде имела исключительное политическое значение в истории румынского народа. Она укрепила полную независимость Румынской страны Мунтении, продемонстрировав в европейском плане жизнеспособность румынской государственности.

Блестящая румынская победа при Посаде в 1330 году ярко продемонстрировала, что «в борьбе в защиту страны была применена тактика войны всего народа против превосходящего в военном плане противника» и что «метод войны всего народа — единственное решение в защите независимости родины»¹⁰.

В последовавшие столетия целые поколения румын неустанно боролись в защиту и укрепление неза-

висимой государственной жизни, гарантии их социального и политического прогресса, сохранения национальной сущности, румынского языка и цивилизации. Плодом этой героической борьбы явилась преемственность, непрерывность румынской государственности, даже в исключительно трудных условиях временного навязывания силой оружия сюзеренитета зеликих соседних империй. В сознании румынской нации вместе с Посадой остались многие другие свидетельства любви к свободе, независимости и национальному единству — дорогим сердцу нашего народа идеалам; их названия Ровине, Васлуй, Рэзбойень и Кодри Косминулуй, Жилиште, Кэлугарень, Плевна, Рахова и Видин, Мэрэшть, Мэрэшешть и Ойтуз и многие другие, веками отмечившие и подготовившие путь эпохальному моменту, свершившемуся семь десятилетий тому назад — Великому Объединению 1918 года.

- 1 *Documenta Romaniae Historica*, Series D, vol. I, p. 37—38.
- 2 *Ibidem*.
- 3 *Cronica pictată de la Viena*, București, 1937, p. 234.
- 4 *Ibidem*.
- 5 *Istoria militară a poporului român*, vol. I, București, 1984, p. 347.
- 6 *Cronica pictată de la Viena*, p. 234.
- 7 *Cronica pictată de la Viena*, p. 235.
- 8 *Ibidem*.
- 9 N. Iorga, *Istoria armatei românești*, București, 1970,
- 10 General-maior dr. Ilie Ceaușescu, *Războiul întregului popor pentru apărarea patriei la români*, București, 1980, p. 77.

КУЛИКОВО, 8 сентября 1380 года

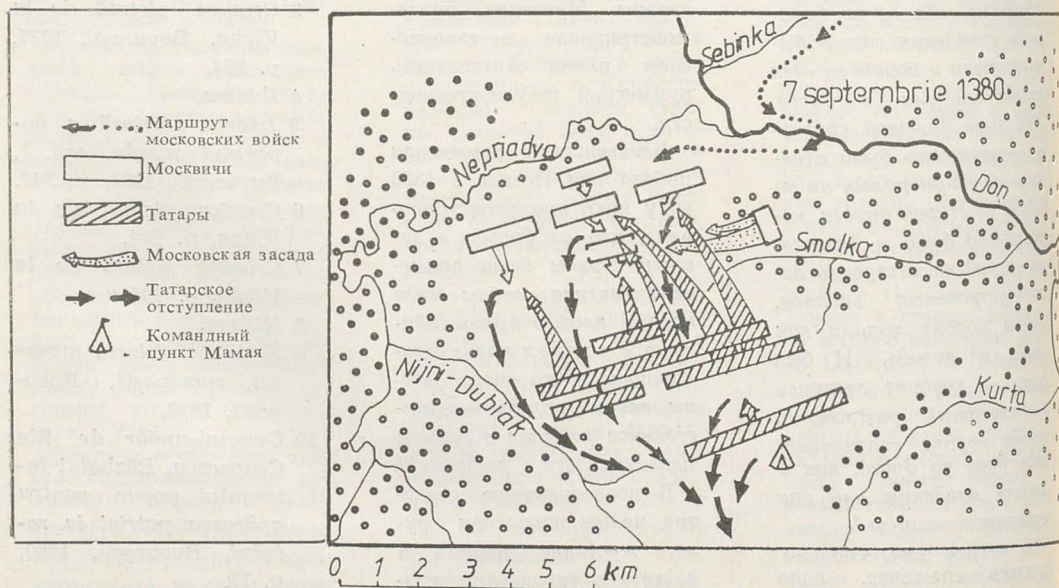
К середине XIV в. под воздействием целого комплекса экономических, военно-политических, эпидемиологических, климатических факторов господство Золотой Орды пошатнулось. Первые удары были нанесены на западной границе, где монголы столкнулись с наступлением католических государств — венгерского и польского, затем с румынским сопротивлением к востоку от Восточных Карпат.¹ На Синих Водах — притоке нижнего Буга — в 1362 или 1363 году войско литовского князя Ольгерда (1345—1387 гг.) одержало верх над силами трех татарских эмиров и Литовское княжество распространило свое господство на земли от Днестра и Буга до Черного моря². Международный военный отпор, утверждение Тимур Ленка увеличили внутреннюю политическую нестабильность Золотой Орды; в седьмом и восьмом десятилетиях XIV в. четырнадцать ханов оспаривали в Новом Сарае на Волге власть. Решающее влияние в орде получил грозный темник (командовавший тьмой — 10 000 воинов) Мамай, в конечном итоге провозглашенный ханом.

Под сенью великих ханов Сарая в первой половине XIV в. в русских княжествах, в результате «естественного отбора», поднялась Москва. Собиратель земель, московский князь Иван Данилович (1328—1341 гг.), прозванный Калитой — «мешком с деньгами», пользовался любым случаем, в том числе и силой монголов, которым он платил дань, чтобы увеличить и укрепить свое княжество. Умело войдя в доверие монгольских правителей, Иван Данилович получил татарский ярлык и на великое Владимирское княжество, что означало

высокую позицию среди русских князей еще и потому, что здесь находился и назначаемый Византией митрополит.

Благодаря смелости и настойчивости митрополита Алексея при дворе в Сарае власть сохранил и внук Ивана Даниловича — Дмитрий Иванович (род. 12 октября 1350 — умер 19 мая 1389 г.),³ вступивший малолетним на трон великих московских князей в 1359 году. Несмотря на «черную смерть» — страшную чуму, вспыхнувшую в XIV в. — Москва силой сружия вышла победительницей в борьбе русских князей за главенство, разбив войска Суздальского (1363—1365 гг.) и Тверского (1367—1373 гг.) княжеств. Великий князь Дмитрий Иванович восстановил Кремль, поставив каменный, вместо деревянного — разрушенного войсками великого герцога литовского Ольгерда, победившего татар (1363—1364 гг.) и вступившего в соперничество с Москвой.

После последней поездки Дмитрия Ивановича к монгольскому двору (1371 г.), обеспечившей ему свободу действий «в покорении других княжеств, навязывании воли всем русским князьям»,⁴ сила Москвы явно вступила в противоречие с Золотой Ордой. После успешной защиты новых границ великого княжества от татарских набегов (1373 г.) московское войско напало на Казанское ханство (1376 г.), заставив его платить Москве дань, и, разбив на реке Вожа (11 августа 1378 г.) крупные монгольские силы, напало на Литву (1379—1380 гг.). Канфликт с Золотой Ордой, уже несколько лет лишенной основного источника доходов — собираемой Москвой с русских княжеств дань — был открыт.

Поход великий хан Мамай решил совершить летом 1330 года, а монгольские посланники заверили его в сотрудничестве Литвы и Византии против Москвы. Поднятая Мамаем сила, по русским летописям насчитывавшая 300—400 тысяч человек, по актуальным советским исследованиям составляла 60 000 воинов,⁵ представлявших потенциал Золотой Орды, к которым следует добавить несколько тысяч волжских болгар, аланов и других кавказских народностей. Предупрежденный великий князь Дмитрий Иванович сконцентрировал собственные войска и войска подвластных ему княжеств — по летописям насчитывавшие 150—200 тысяч, а фактически примерно 70 000 воинов — на слиянии реки Москва с Окой, неподалеку от городка Коломна. 7 сентября 1380 года, после быстрого марша, русские силы достигли левого берега Дона, к месту впадения в него реки Непрядвы. Собранный великим князем военный совет горячо обсуждал переход на противоположный берег, к которому подходила татарская орда.⁶

На противоположном берегу московское войско, перешедшее реку по бродам, расположилось на Куликовом поле по течению реки Непрядвы, 5—6-километровый фронт с флангов защищали леса и овраги Нижний Дубяк, Смолка и Курца. Между правым (полки князей Ростова и Стародуба) и левым крылом стоял главный полк под командованием московского боярина Тимофея Веляминова. В передовом полку князей Друцких, по правилам того времени, решил сражаться и великий князь Дмитрий. Часть резервов (литовский князь Дмитрий Ольгердович) расположилась между главным и правым полками, в их арьергарде, а в лесу Зеленая дубрава, к востоку, в засаде, были собраны главные резервы под командованием серпуховского князя Владимира Андреевича и литовского пана Дмитрия Боброка.

К полудню покрывавший поле туман поднялся: «и было страшно видеть, как две огромные силы надвигаются друг на друга для пролития крови» — пишет уstraшенный летописец.⁷ Великий хан Мамай установил свой шатер на Красном холме, ряды его пехоты с флангов поддерживала конница. После одиночной схватки мырзака Митира и монаха Андрея Пересвета, павших в этой битве, монголы атаковали московский передовой полк и левый фланг. К 15 часам сильная атака татар — разбившая передовой полк и частичные резервы, заставила главный полк (центр московского расположения войск) отступить, и намечался большой маневр поворота левого фланга противника. Когда монгольские силы выполняли этот поворотный маневр, из Зеленой Дубравы их атаковали свежие резервы под командованием пана Бобрука. Захваченные врасплох с фланга и тут же атакованные

силами главного полка, монголы дрогнули. Отступление, охватившее все мамаево войско, превратилось в беспорядочное бегство. Русские войска преследовали татар на протяжении 50 км, до реки Красивая Меча. Вечером 8 сентября была одержана полная победа. Великого князя Дмитрия Ивановича нашли позднее живым и невредимым среди павших на Куликовом поле. Восемь дней московское войско хоронило своих павших воинов, поминало убитых — 40 московских бояр, 12 белоцерских князей, 30 новгородских посадников, 20 коломенских бояр, 40 серпуховских, 30 литовских, 50 суздальских, 40 муромских, 70 рязанских, 34 ростовских, 25 димитровских, 60 можайских, 30 звенигородских, 15 углецких⁸ и множество их дружинников. На расстоянии одного марша от места битвы литовские и рязанские войска ожидали развязки.

Поражение означало конец власти Мамай; под Калкой орда была разбита Токтамышем, которого поддерживал Тимур Ленк. Бежавший в генуэзскую Каффу, побежденный на Куликовом поле, был убит по приказу нового великого хана.⁹

Победа на Куликовом поле отметила вершину правления «великого князя Руси», как назывался отныне победитель на Дону — Дмитрий Донской. И несмотря на то, что в 1382 году новый великий хан Токтамыш разорил Москву и вновь наложил дань, главенство великого князя над другими русскими князьями и соседними народами было неоспоримо.

■ СЕРДЖУ ИОСИПЕСКУ

- 1 Șerban Papacostea, *Triumful luptei pentru neatinare: întemeierea Moldovei și consolidarea statelor feudale românești*, în *Constituirea statelor feudale românești*, București, 1980, p. 165—193.
- 2 Victor Spinei, *Moldova în secolele IX—XIV*, București, 1982, p. 274—279.
- 3 V. A. Karascev, G. I. Oskin, *Dimitrie Donskoi*, București, 1953.
- 4 *Histoire de l'U.R.S.S.*, sub red. A. Pankratova, vol. I, Moscova, 1948, p. 115.
- 5 Л. Г. Бескровный, в *Куликовская битва, Сборник статей*, Москва, 1930, стр. 224.
- 6 *Полное собрание русских летописей*, т. XI, Санкт-Петербург, 1897, стр. 56.
- 7 Там же, стр. 59.
- 8 *Сказание и повести о куликовской битве*, изд. Д. А. Дмитриева, О. И. Лихачева, под ред. Д. К. Лихачева, Ленинград, 1982, стр. 13.
- 9 René Grousset, *L'Empire des steppes*, Paris, 1960, p. 484—485.

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Единство и независимость — самые ценные идеалы румын, за завоевание и сохранение которых они веками боролись и будут бороться ценой любых жертв. В этой перспективе создание 1 декабря 1918 года единого румынского национального государства не было случайным событием, плодом какой-либо благоприятной конъюнктуры, а закономерным результатом длительного процесса превращения границ государства в границы этнические. Зачастую, за эти священные идеалы мы были вынуждены бороться с оружием в руках против внешней угрозы. В этих военных столкновениях, возникавших только из стремления завоевать или защитить то, что нам принадлежит — ибо, как говорил Николае Йорга, «мы, может быть единственный народ в мире, который нельзя упрекнуть, что он посягнул на ему не принадлежащее» — утвердились выдающиеся полководцы, те, которых история назначала вести весь народ в сражения во имя защиты национальной сущности.

В царствовании Бурбис-ты (82—44 г. до н.э.) было создано централизованное и независимое дакийское государство. Сила полководца удачно сочеталась с тонким дипломатом в лице «найпервейшего и величайшего из царей Фракии», как говорили о Бурбисте — выдающейся личности древнего мира, которого страшилась даже империя Юлиа Цезаря. И это в годы, когда галл Верчингеторикс, после победы при Герговии (52 г. до н.э.) над Цезарем в попытке устранить римское господство, должен был в том же году окончательно признать свое поражение под Алесией.

То, что представлял собой Верчингеторикс для за-

падной Европы, представлял собой Децебал (87—106 г. н.э.) для восточной части континента. В первый же год вступления на трон блестящий дакийский руководитель сразился с римскими войсками под командованием Домициана, а затем Траяна, проявив исключительные качества руко-

Михай Храбрый

водителя и организатора войск в тяжелых битвах с самой опытной и сильной, покрытой славой бесчисленных побед армией той эпохи, во имя защиты любой ценой свободы и независимости дакийского государства. Тот факт, что в конечном итоге, грозные римские легионы сломили сопротивление даков после двух изматывающих силы кампаний (101—102 и 105—106 гг.), ничуть не умаляет военный гений дакийского царя «умелого в войне(...)», смелого в бою, умело использующего как победу, так и поражение», как его характеризовал Дий Кассий.

На древней дакийской земле, в результате слияния дакийской и римской цивилизации, зародился румынский народ, становление

которого непрерывно поддерживалось постоянной борьбой за независимость и единство, создание единого государства всех румын — длительный процесс, отмеченный постоянной необходимостью преодолевать превратности истории. На этом фоне поднялись выдающиеся руководители, начиная с Глада, Джелу и Менуморуга, которые представляли собой сопротивление румынских политических формаций в Трансильвании венгерской экспансии, и продолжая основателями стран Басарабом I и Богданом, с именем которых связано формирование независимых феодальных государств Румынской страны Валахии и Румынской страны Молдовы. Басараб I — Основатель (1310—1352 гг.) укрепил независимость нового государства победой в 1330 году над войском короля Венгрии Карла Роберта, оповестив Европу о воле румынского народа к свободе. В этот же период на румынской территории между Дунаем и Морем, Баллика, Добротица и Иоанку вели борьбу за установление и сохранение независимого государства.

Последовали столетия непрерывной борьбы против Османской империи, во время которой, защищая свою страну и народ, румынские господа постоянно стояли на линии защиты «христианской Европы». Усилия и бесчисленные жертвы на поле битвы во имя укрепления государственности постоянно сопровождалось горячим стремлением к полному единству румын. Мирча Великий и Влад Цепеш в Румынском княжестве Валахия, Стефан Великий и Петру Рареш в Румынском княжестве Молдова, Янку Хунедоарский в Румынском княжестве Трансильвания в целом сохранили неотъемлемые права румынского народа на самостоятельное существование. Их выдающиеся победы под Ровине, Подул Ыналт или Белградом над

Джузеппе Гарибальди
(юбилейная медаль; кол-
лекция Иоана Бутум)

османскими войсками, мудрая внутренняя политика превратили румынские страны в непреодолимые для Османской империи бастионы тогда, когда вся Европа со страхом следила за продвижением Полу-месяца. Успехи выдающихся румынских господарей и полководцев можно сравнить в Европе с победами Дьердя Кастрюти-Скандербега, который в середине XV в. боролся за освобождение албанского народа от османского господства.

В 1600 году, на перепутье XVI и XVII веков, румыны на короткое время объединены под скипетром Михая Храброго (1593—1601 гг.) — выдающегося господаря, реализовавшего объединение средневековых румынских стран. Блестящий полководец, на счету которого выдающиеся победы под Кэлугарень, Шелимбэром и Гурэслэу, один из военных гениев своей эпохи, Михай Храбрый вошел в сознание румынского народа, как победитель, осуществивший объединение всех румын, как идеал всех наших битв за независимость, единство и свободу. И опять вмешались соседние империи, разрушившие государственный организм, созданный самой историей.

Воля Михая Храброго, всего народа частично была

осуществлена в XIX в., «веке наций», как его называет историография, выражая этим концептом ускоренную кристаллизацию национальных государств. В Латинской Америке Симон Боливар и Хосе Сан Мартин, два известных генерала той эпохи, одержавших множество побед, руководили национально-освободительными движениями на этом континенте, в результате которых утвердились национальные государства Боливия, Венесуэла, Чили, Перу, Аргентина. В Европе, имя Джузеппе Гарибальди пользовалось огромной популярностью, как благодаря героизму «красных рубашек», так и вкладу в создание новой Италии. В румынских княжествах, после национальных и социальных революций 1784, 1821 и 1848 годов, 24 января 1859 года, энергичной волей всей нации, было осуществлено Объединение Валахии и Молдовы, закрепившее создание нового государства Румынии. Значительную роль в этом деле сыграл Александру Иоан Куза (1859—1866 гг.) — господарь Объединения, мудрая и умеренная внутренняя и внешняя политика

Тудор Владимиреску (юби-
лейная медаль; коллекция
Иоана Бутум)

Александру Иоан Куза

которого была направлена на укрепление молодого румынского государства. Поэтому, без того, чтобы вести сражения на поле битвы, Александру Иоан Куза занимает почетное место в галерее выдающихся полководцев, как основатель новой румынской армии — основного инструмента завоевания независимости. Однако, под чужеземным господством еще были другие румынские провинции. После того, как 9 мая 1877 года Румыния стала независимым государством, все было подготовлено для финального сражения за создание единого румынского национального государства. Подготовка, которая велась веками, которая стоила нам огромных жертв и крови. Только так можно объяснить наше Великое Объединение 1918 года, когда чистое небо Истории раскинулось над воссоединенной Румынией.

■ АДРИАН ПАНДЯ

ПАМЯТНИКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУМЫН

Д-р ФЛОРИЯН ТУКЭ

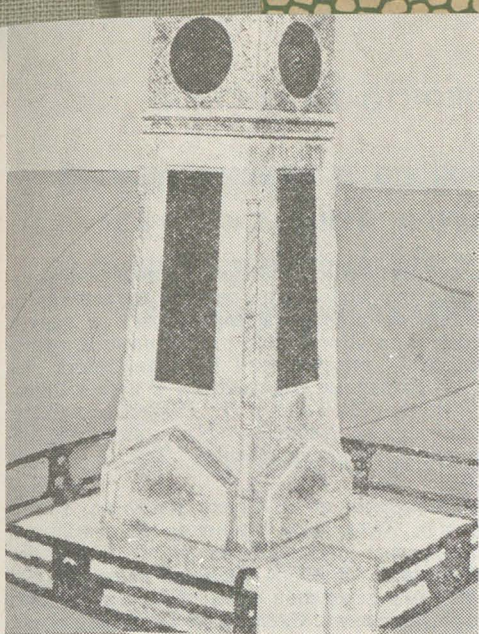
Историческая действительность, широко и всесторонне отраженная в различных документах, подтверждает истину, согласно которой борьба за осуществление национально-государственного единства имела у нас, у румын, характер постоянства. Высокий идеал Объединения был во все времена факелом, освещавшим поколение за поколением путь к прогрессу, к лучшей свободной и достойной жизни. Осуществленное в декабре 1918 года, как естественный, закономерный результат исторического развития румынского народа и как увенчание его непрерывной и справедливой борьбы за завоевание права быть свободным и быть хозяином в своей стране, Великое Объединение является блестящим осуществлением вековых стремлений, за которые выступали и боролись выдающиеся личности и широкие народные массы. Путь к осуществлению Великого Объединения в 1918 году был отмечен рядом событий большой важности для истории румынского народа, в число которых некоторые вписываются как поворотные моменты. В основном речь идет о триптихе: 1600, 1859 и 1918 гг. Эпохальные достижения этих лет широко сохранены в памяти и отражены в документах эпохи, в поэзии и песнях. В «документах» из камня и бронзы, в бесчисленных памятниках, обелисках и памятных плитах выражается их глубокое почитание. Распространенные по всей территории родины, эти мемориалы составляют, если выразиться символически, неоценимый национальный «архив». Ниже мы остановимся на нескольких памятниках, посвященных триптиху Объединения:

● **АЛБА ЮЛИЯ.** Конная статуя Михая Храброго. Величественно возвышается в центре города, на улице Михая Храброго и является произведением скульптора Оскара Хана. Памятник был открыт 28 ноября 1968 года по случаю празднеств, посвященных 50-летию объединения Трансильвании с родиной-матерью. Присутствуя на торжественном открытии памятника, генеральный секретарь партии, президент Социалистической Республики Румынии товарищ Николае Чаушеску сказал: «Статуя Михая Храброго является символом воли нашего народа сохранить национальную независимость и суверенитет». Установленная на постаменте в виде параллелепипеда, высотой более 6 метров, статуя представляет воеводу всех румын в величественной, полной достоинства позе; такими же величественными и достойными были его дела и достижения; он держит в левой руке булаву, величественно поднимая ее к небу, в знак победы, в зе-

ните славы, завоеванной в 1600 году, когда своим мужеством и доблестью всего народа было осуществлено первое политическое объединение румынских стран.

Памятник в Алба Юлии, посвященный славному воеводе Объединения 1600 г., имеет в виде фона большой барельеф, созданный скульптором Хорней Флэмынду и открытый в 1975 году по случаю исполнения 375 лет политического объединения трех румынских стран-сестер под скипетром Михая Храброго. Созданный из бронзы, длиной около 6 метров и высотой 4 метра, барельеф передает, в основных чертах, историческую картину триумфального вступления в Алба Юлию воеводы-объединителя. В нижней части художественной работы написаны следующие слова: «Здесь, в Алба Юлии, в 1600 году, как символ исторического права румынского народа жить свободно и независимо, был осуществлен, в результате борьбы и воли народа, благодаря мужеству гения великого воеводы Михая Храброго, величественный акт политического объединения трех румынских стран — Румынской Страны, Молдовы и Трансильвании».

● **ФОКШАНИ.** Памятник «Пограничный столб» был возведен по инициативе Общества культуры на месте, где до осуществления великого объединения 1859 года, находилась пограничная застава на границе, которая временно разделяла две румынских страны-сестры: Молдову и Мунтению. Открытый 13 сентября 1931 года, памятник имеет форму усеченной пирамиды. Своим видом и размерами (высотой около 1 метра) он схож с пограничным столбом. На четырех сторонах памятника вмонтированы два металлических меплата и плитки, на которых написаны слова, имеющие глубокое значение и связанные с вековыми стремлениями и решительной борьбой нашего народа за осуществление национально-государственного единства. Меплаты, смонтированные на главном фасаде и на задней стороне памятника представляют, под надписью «Объединение — это сила», двух нежных и прекрасных женщин, подающих друг другу руку; они символизируют объединение Молдовы с Мунтенией. Меплаты на боковых сторонах памятника представляют гербы двух румынских стран. Тексты, написанные на металлических плитках, установленных на памятнике, принадлежат известным румынским личностям, которые боролись и активно действовали за объединение. Благодаря красоте, содержанию и их посылу, мы представляем полностью эти тексты: «*Румыны, сколько их проживает в Венгерской Стране и в Ардяе и в Марамуреше, из одного места с молдовянами и все они происходят от Рима*» (Григоре Уреке); «*Дадим друг другу руку / У кого сердце румына / Закружимся в братском хороводе / На земле Румынии*» (Василе Александри); «*Господа, я не признаю, чтобы кто-либо сказал, что Объединение — это его индивидуальный акт, только его собственность: объединение — это энергичный акт всей румынской нации*» (Михаил Когэлничану); «*Граждане города объединения стран воздвигнули этот памятник в память прошлой*

победившей веры. На сороковой год Культурной Лиги, состоявшейся здесь. На этом месте когда-то была пограничная застава № 47, на границе Милкова, который разделял две сестры-страны Молдову и Цара Румыняскэ».

● **ПАЛАНКА.** Памятник, посвященный младшему лейтенанту Эмилю Ребряну, установлен на возвышенности на окраине местности, вблизи которой проходит железная дорога Гимеш-Паланка. Памятник создан из бетона, был открыт 2 октября 1921 года; высотой в 2,5 метра, он состоит из квадратного основания, на котором установлена фигура в виде квадратной призмы. На главном фасаде мемориала вмонтирована белая мраморная плита, на которой высечено большими буквами: «*Младший лейтенант Эмиль Ребряну, повешенный венграми 14 мая 1917 года, потому что он хотел перейти в ряды румынской армии и бороться за воссоединение народа. Признательная родина не забыла его*». В начале первой мировой войны офицер входил в состав австро-венгерского артиллерийского полка. Будучи направлен воевать на румынский фронт, в районе Гимеш-Паланка, он решил перейти на сторону румынской армии, к своим братьям по крови, языку и идеалам. Он был пойман в тот момент, когда пытался выполнить свой план; младший лейтенант Эмиль Ребряну был арестован, судим и осужден на смертную казнь через повешение. Во время судебного процесса выражая высокие руководимые им патриотические чувства, он сказал судьям следующие слова: «*Я хотел перейти к моим братьям румынам. Пусть лучше меня расстреляют, чем вынудят воевать против моих братьев*». Перед тем, как ему на шею была надета петля, полный достоинства храбрый офицер обратился к воинам, которые насильно были приведены на место казни «для примера», и имел силу крикнуть эти два слова: «*Да здравствует Румыния!*».

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

В числе сотен памятников, посвященных как героизму и жертвам румынских воинов в войне за национальное освобождение и государственную целостность, так и Великому Объединению 1918 года, воздвигнутых на всей территории страны, в селах и городах, на пересечениях дорог или на бывших полях боя — своей грандиозностью, художественностью и историческим значением выделяется воздвигнутая в Бухаресте Триумфальная Арка. Памятник навеки возвышающийся над временами, в гранитной вечности, посыл, с глубоким почтением читаемый поколениями, следующими за теми, кто разумом и подвигом вооруженной десницы, осуществили идеал, о котором так долго мечтали все румыны: национально-государственное единство. Памятник, славящий не только борьбу и жертвы поколения 1918 года, но и предшествующие поколения. В середине прошлого века славный представитель поколения революции 1848 года Николае Бэлческу писал: «Национальное единство было заветной мечтой наших самых славных господарей, всех наших великих мужей, которые воплощали в себе индивидуальность и мышление народа, чтобы проявлять его перед всем миром». И как отклик времен в полном соответствии со словами Бэлческу, на фасадах памятника написаны слова почтения, придающие ему все его значение: «Слава тем, кто светом разума и силой души подготовил национальное единство»; «Слава тем, кто мужеством и кровавой жертвой осуществил нацио-

нальное единство». Доблесть и кровавая жертва тех, кто боролся за защиту независимости и единство родины воскрешаются в памяти названиями местностей, топонимами и гидронимами — высеченными на поверхности свода, — связанные с тяжелыми и победоносными битвами 1916—1919 гг.: «Черна, Жиу, Олт, Драгославеле, Неаэжлов, Ойгуз, Мэрэшице, Мэрэшешть, Рэзоаре, Вранча, Мунчел, Кошина, Тиса».

Расположенная на Шоссе Киселева, Триумфальная Арка была временно воздвигнута в 1922 году и выполнена из дерева, покрытого штукатуром. В 1935—1936 гг. памятник был полностью переделан по проекту архитектора Петре Антонеску. Сделанный из железобетона, покрытый плитами гранита из местности Дева, памятник создан по модели классической триумфальной арки, с одним пролетом — высотой в 11 метров и шириной 9,50 метра, — вписываясь в параллелипипедную основу размерами 25 × 11,50 метра и высотой в 27 метров. Вначале памятник дополняли восемь гипсовых статуй, по четыре на двух фасадах памятника, расположенные справа и слева. Статуи на фасаде, направленном к Каля Викторией представляли одного дакийского и одного румынского воина, один из них — лучник Мирча Великого и другой плещ (горец) Штефана Великого — были созданы скульпторами Оскаром Спэте, Фредериком Шторком, Корнелом Медрей и Димитрие Пачуря. На втором фасаде статуи представляли: воина Михая Храброго и пандура из войска Тудора Владимиреску, — один воин времен войны за независимость 1877—1878 гг. и другой — воин войны на национальное освобождение и государственную целостность 1916—1918 гг. Статуи эти были созданы скульпторами Александру Северином, Ионом Жаля, Ионом Йордэнеску и Димитрие Мэцзуану. В своей актуальной форме, памятник украшен базорельефами и медальонами, выполненными Ионом Жаля, Корнелом Медрей, Александру Элинеску, Михаем Онофрей, Константином Бараски, Маком Константинеску. На главном фасаде памятника, под карнизом, высечена следующая надпись: «После вековых, по-христиански перенесенных страданий и тяжелых битв за сохранение национальной сущности, после полной жертвы защиты человеческой цивилизации, исполнилась справедливость и для румынского народа [...]/». На правой и левой сторонах указанные ранее, выражающие признательность надписи, напоминают настоящему и будущему места легендарной доблести, освященные жертвой наших героев войны за освобождение и национальное воссоединение.

■ МИРЧА КОЧУ

Фальсификация и опорочивание не могут изменить неумолимую историческую реальность Великого Объединения от 1918 года

Д-р ФЛОРИН КОНСТАНТИНУ

Участие Румынии в первой мировой войне было предопределено стремлением освободить румынские территории, подпавшие под чужеземное господство. В условиях краха царизма и распада Австро-Венгрии румыны с территорий, находившихся в составе этих двух империй, смогли выразить, в силу права на самоопределение, в рамках представительных органов, избранных демократически, волю объединиться с румынским государством. Великое Объединение от 1918 года было, таким образом, выражением единодушной воли румынского народа надеяться его соответствующей политической и институционализированной структурой, которая, отвечая стадии развития румынского общества, могла быть ничем иным, как единым национальным государством. Мирные договоры 1919—1920 годов наделили международным признанием волю румынской нации¹.

Эти исторические истины, которые для любого честного и осведомленного исследователя представляют область элементарных познаний, опровергаются или извращенно представлены в попытке — обреченной на фиаско — отрицать историческую закономерность единого национального румынского государства и,

прежде всего, его права на древнюю румынскую землю — Трансильванию.

Те, кто отрицает исторически необходимый характер единого национального румынского государства, пытаются представить его как продукт-гибрид, зародившийся из территориальных «даров», презентованных Румынии за ее участие в войне на стороне победившей Антанты. «Румыния, — утверждает Кёвари Атилла, — создана благодаря политическим гарантиям, данным Францией, Англией и Италией»; румынское государство представляет, в границах 1918 года, по мнению этого эмигрировавшего в Израиль венгра, выходца из Румынии, «классическое государство национальностей»².

Но историческая реальность служит антиподом утверждений Кёвари Атиллы и тех, кто разделяет его взгляды. Территории, которые воссоединились с Румынией в 1918 году, принадлежали древнему дакийскому ареалу и затем румынским феодальным государствам. Государственный плюрализм — существование многих румынских феодальных государств (Мунтения, Молдавия, Трансильвания и Добруджа), был феноменом, порожденным реалиями феодального общества, которое продлило свое существова-

ние (как Италия и Германия) в современную эпоху, вследствие действия некоторых политических факторов. Что касается румынской истории, эти факторы были представлены крупными лимитрофными державами, враждебными единству румынского народа, единое государство которого якобы беспокоила их экспансионистская политика в карпато-дунайско-понтийском ареале. Убийство Михая Храброго, первого объединителя румын, явилось трагическим примером политической позиции, которую, на рубеже XVI—XVII веков, занимали габсбургская и османская империи, а также польское королевство — без различия отношений между ними — по отношению к возможности создания единого румынского централизованного государства.

Территориальные отторжения от дакийской колыбели, совершенные в период заката османского владычества австрийской и царской империями, создали новые преграды на пути создания единого национального румынского государства. Товарищ Николае Чаушеску подчеркивал, что «История, события учат нас, что иностранное господство, существование по соседству с нашей страной империй тормозили в тот или иной период социальное-экономическое развитие народа, образование румынской нации, единого национального государства»³. Объективный, закономерный, характер процесса, осужденного Генеральным секретарем партии, доказал себя более сильным, чем все преграды и попытки заstopорить его, так что в 1918 году не «политические гарантии» Франции, Великобритании и Италии создали — как утверждает Кёвари Атилла — единое румынское государство, а 2500 лет истории, продук-

том которой является это государство.

В работах ревизионистской ориентации, которые представляют Трианонский договор (4 июня 1920 г.) — в силу которого получило международное признание объединение Трансильвании с Румынией — как «серьезную несправедливость», совершенную в адрес Венгрии, утверждается, что не права румынского народа на часть ее территории — Трансильванию — заставили Парижскую мирную конференцию признать законность голосования от 1 декабря 1918 года в Алба Юлии, а «великодушие» Антанты, которая якобы была ловко проведена Ионом И. К. Брэтиану, премьер-министром и представителем на международном форуме в столице Франции. И на этот раз реальность — антипод этих тенденциозных утверждений. Румынская делегация на Парижской мирной конференции должна была противостоять тенденциям «великой четверки» — Франции, Великобритании, США и Италии — поступать с малыми союзными державами как с второстепенными партнерами, права и интересы которых были вынесены на вторую плоскость в отношении с великими державами-победительницами. Румынский делегат действовал не за получение территорий, не принадлежавших нашему народу, а за обеспечение Румынии — как и Польше, Сербии и Греции — признания статуса равенства с «великой четверкой». Как отмечал Ион И. К. Брэтиану, когда сформулировал принцип, что допускать любую дискриминацию — между «великими» и «малыми» — «означает отречься от нашего суверенитета независимого государства, господин Венизелос (греческий представитель — прим.

ред.), очень раздраженно ответил, что он не считает себя представителем независимого государства; что великие державы работали с пристрастием и что они держат в своих руках условия, которые хотят навязать, и все дела, касающиеся территориальных репараций»⁴.

Была необходима твердая позиция со стороны румынской делегации, чтобы заставить признать законные права народа перед лицом тех, кто, следуя исключительно своим интересам великих держав или порою из немыслимой неосведомленности⁵, были склонны «забыть» о собственных обязательствах, взятых на себя в 1916 году, или, соответственно, пренебречь правами нашей нации.

Не «великодушие» Антанты, а борьба — на этот раз дипломатическая — Румынии привела к международному признанию Великого Объединения от 1918 года⁶.

Создание единого национального румынского государства не было изолированным феноменом в Центрально-восточной и Юго-восточной Европе, оно вписалось в широкий и комплексный процесс, развертывавшийся в этой значительной зоне континента, процесс, в конце которого появилась Польша, было создано чехословацкое государство, окончательно завершилось национальное единство Румынии, было создано югославское государство. Ни территориальное великодушие, ни дипломатическая изворотливость не могли предопределить политико-дипломатические сдвиги подобного масштаба. История, с ее требовательностью, проложила себе путь, продиктовав осуществить объективное требование.

В перспективе, которая, хотя и провозглашает себя

марксистской, нацелена на ту же политическую финальность — опровержение неумолимой и необратимой исторической реальности, согласно которой Трансильвания является составной частью румынского государства, — представлено воссоединение Трансильвании с Румынией в работе Эрдели Тёртенете (История Трансильвании), составленной коллективом, руководимым Кёпеч Бела (Будапешт, 1986 г.). Авторы представляют Велико-Национальное Собрание в Алба Юлии 1 декабря 1918 года как плод усилий группы румынской буржуазии Трансильвании, решение, которому они противопоставляют «социалистическое» решение, предложенное — утверждая они — Советской Венгерской Республикой, которое, якобы, может обеспечить справедливое решение национального вопроса. Оба основных тезиса авторов из Будапешта насколько ошибочны, настолько и тенденциозны. Историческая эволюция в румынском ареале демонстрирует, однако, что окончательное завершение национального единства румынского государства, путем воссоединения Трансильвании с Страной, не было результатом действий группы румынской буржуазии Трансильвании, а делом всей нашей нации, для которой единое государство олицетворяет законное многовековое чаяние. За создание этого государства румынский народ стойко боролся, а в 1916—1918 гг. принес во имя этого огромные жертвы. Что касается национальной политики Советской Венгерской Республики, реальность доказала, что, фактически, ее руководители стремились сохранить целостность старой Венгрии и, следовательно, не считались с правом на самоопределение народов бывшей австро-

венгерской монархии. Несомненно, отказ признать право на независимость румын, — автохтонный народ и всегда представлявший мажоритарное большинство в Трансильвании, — применить предложения союзных держав, благоприятствовавшие венгерскому правительству, а также военные меры, предпринятые им против соседей, вызвали вооруженный конфликт между Венгрией и Румынией, конфликт, который можно было избежать, если бы венгерское революционное правительство проявило реализм в принятии главных политических мер⁷. Противопоставить — как делали это авторы так называемой «Истории Трансильвании» — голосование от 1 декабря 1918 г. в Алба Юлии претендуемой социалистической альтернативе, представленной Советской Венгерской Республикой, значит, по сути, отрицать историческую необходимость национального государства, как политико-

территориальной структуры, реализованной в силу воли и законного действия всей нации. Можно ли говорить об историко-материалистической концепции тогда, когда опровергается историческая закономерность формирования национальных государств, как, например, созданные в Европе после распада австро-венгерской монархии?

Несмотря на «принципиальные» декларации тех, кто опровергает закономерность образования единого национального румынского государства, извращенно освещая ход этого процесса, несмотря на их политическую и идеологическую ориентацию, эти так называемые историки — ибо нельзя назвать историком того, кто попирает истину, — хотят отрицать историческую реальность: единое национальное румынское государство. История доказала и доказывает свою силу, так что фальсификаторы и очернители обречены на фиаско.

1 *România în anii primului război mondial*, 2 vol., coordonator principal general-locotenent dr. Ilie Ceaușescu, București, 1987.

2 Kővári Atilla, *The Antecedents of Today's National Myth in Rumania, 1921—1965*, The Hebrew University of Jerusalem, The Soviet an East European Research Centre, Jerusalem, 1983.

3 Николае Чаушеску, *Румыния на пути построения всесторонне развитого социалистического общества*, т. 24, Бухарест, 1983 г., стр. 15.

4 Gh. I. Brătianu, *Acțiunea politică și militară a României în 1919*, București, 1939, p. 72.

5 *Ibidem*, p. 46.

6 Pe larg la C. Botoran, I. Calafeteanu, E. Campus, V. Moisuc, *România și Conferința de pace de la Paris (1918—1920)*, Cluj-Napoca, 1983; Hannah Pakula, *The Last Romantic*, New York, 1985, p. 268—279.

7 *România în anii primului război mondial*, ed. cit., vol. II, p. 668.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ХОРТИ?!

Д-р КОНСТАНТИН БОТОРАН

В видении румынского историка Николае Йорги, как, впрочем, в видении румынской историографии вообще, история должна быть наукой истины, ибо лишь оперируя ею она может стать частью «памяти человечества», может взять на себя роль «книги жизни», предоставляя современникам ту совокупность уроков, которая направляла бы их действия в сторону прогресса и цивилизации, может способствовать лучшему знакомству и сближению между народами и нациями.

Конечно, каждый народ воскрешает свое прошлое, продолжая его из поколения в поколение, оно будучи его самым ценным достоянием. Однако, очень важен способ, каким историки осуществляют это, будучи известно, что не всегда служители музыки Клио поставили свое перо на службу высоких идеалов

человечества. Нередко историки, которые, будучи на службе ретроградных интересов, игнорируют или умышленно извращают тезисы и выводы, основанные на реальных данных и фактах, «подтасовывают» эти информации, чтобы они входили в шаблоны predeterminedных интерпретаций. Такие книги вредны с научной точки зрения и свидетельствуют о том, что их авторы не поняли и не всегда правильно понимают уроки прошлого.

Мы имеем в виду в первую очередь работы (исследования, учебники, исторические атласы и др.) некоторых венгерских историков, опубликованные в западных странах, но и в Венгрии, работы пропагандистского характера, в которых выражаются точки зрения, противоречащие исторической истине, и делается попытка распространить тезисы и оценки, сни-

мающих полностью или частично с венгерскими режимом или политических деятелей ответственность за ухудшение добрососедских отношений между румынским и венгерским народами, за подготовку и начало конфликтных положений между двумя соседними государствами.

В современной венгерской историографии умножаются исследования, которые представляют Миклоша Хорти и установленный и возглавленный им режим в период 1920—1944 гг. в благоприятном свете, делается таким образом попытка частично оправдать его за преступления совершенные как против венгерского народа, так и, в особенности, против румын, человечества вообще. Можно ли считать хортистский режим фашистским режимом? Венгерские историки дают различные ответы на этот вопрос. Многие из них считают, что режим Хорти, установленный в Венгрии после подавления Республикой Советов в 1919 г., не был, якобы, фашистским режимом, а лишь «правым правлением» с «фашистскими тенденциями, сочетающимися с элементами, характерными консервативному политическому режиму». Единственной попыткой установить в Венгрии фашистскую диктатуру была, по их мнению, попытка премьер-министра Дьюлы Гёмбеша в 1934—1936 гг., но она «не была принята с полным энтузиазмом» даже в политических кругах, которые некогда надеялись найти в его лице «человека, способного дать решение»¹. Дьёрдь Асель, многие годы ответственный за вопросы идеологии, культуры и науки в руководстве Венгерской социалистической рабочей партии, считает, что основными чертами внутренней политики хортистского режима были «ярый антикоммунизм, сокращение гражданских свобод даже по сравнению с либеральной консервативной системой Венгрии в период дуализма, гонения и преследование демократических сил. Эта контрреволюционная политика становилась все больше право-экстремистской, по мере развития фашизма в Европе»². Такие оценки, как и многие другие, выявляют удивительную тенденцию дифференцироваться от оценок, выраженных послевоенной историографией Венгрии, отмечавшей, что с первых моментов прихода Хорти к власти реакционные круги буржуазии и помещиков упорно стремились установить в стране тоталитарно-фашистский политический режим.

Кором Михали, например, в исследовании, вышедшем под эгидой Института истории партии при ЦК ВСРП, писал следующее: «Хортистский режим, правивший четверть века, был полностью фашистским режимом, фашистской диктатурой крупной венгерской империалистической буржуазии, рожденной из переплетения финансовой олигархии с олигархией крупных землевладельцев на основе слияния промышленно-финансового капитала с бывшей феодально-помещичьей аристократией. Венгерскому фашизму не удалось создать прочную массовую базу, поэтому он вынужден был сохранить видимость парламентаризма и, кроме право-экстремистской фашистской оппозиции, допускать и деятельность левых партий оппозиции»³. Известный

венгерский историк Немеш Дежё также считает, что еще с 1921—1922 гг. «венгерский фашистский режим, консолидированный правительством Бетхлена в то время, заметно обогнал Муссолини в отношении открытого и институционализированного террора против революционных сил»⁴. Эти последние оценки, согласно которым хортистский политический режим был — наряду с итальянским фашизмом и немецким нацизмом — реакционным режимом фашистского типа, с некоторыми специфическими характерными чертами, которые, однако, ничем не меняли его сути, намного ближе к исторической истине. Так, венгерский премьер-министр Пал Телеки, поддерживавший террористскую диктатуру Хорти, гордился тем, что венгерская реакция была предшественницей фашистских идей и практики Германии и Италии. После мировой войны, — писал он Муссолини, — благодаря политике проведения борьбы против еврейского марксистского террора 1919 г., вокруг Хорти Миклоша «сплывались и находились руководители Гёмбеш Дьюла и Телеки Пал. В их рядах и в их борьбе, — отмечал Телеки, — появляются зародыши тех национальных и социальных идей, которые вдохновили возрождение новой Германии и Италии»⁵. В свою очередь, другой премьер-министр, Калтай Миклош, отмечал с явным удовлетворением: «Мы, венгры, были инициаторами, первыми борцами (фашистской — *прим. автора*) идеи, господствующей сегодня в Европе... И даже если в то время (сразу после 1919 г. — *прим. автора*) мы не смогли полностью осуществить эту идею, это произошло потому, что тогда мы были одни, как капля в европейском море демократии, франкомасонства и еврейства. Однако позиция которую мы завоевали, является для нас прошлым, и ее признания, являются должны требовать»⁶.

Трудно, конечно, анализировать характер такого режима, каковым был режим, установленный в Венгрии Миклошем Хорти, в особенности потому, что его творцы сумели столь умело замаскировать его настоящую суть рядом кажущимися демократическими организациями. Является, однако, бесспорным тот факт, что с первого дня существования этого режима, превративший Венгрию в «страну трех миллионов нищих»⁷, был установлен и сохранен у власти актами страшного террора. Диктатура Хорти на полном основании считалась самым жестоким и реакционным социально-политическим режимом Европы тех лет.

Если в отношении внутренней политики Венгрии при хортистском режиме, в отношении характера этого режима в венгерской историографии существуют несколько мнений, эта проблематика интересует, конечно, прежде всего читателя соседней страны, то не то же самое можно сказать и в отношении оценки внешней политики хортистского режима, целью которой был, как хорошо известно, пересмотр Трианонского договора и аннексирование венгерским государством территорий, которые в 1918 г. отделились от Венгрии и объединились с государствами, которым они принадлежали по праву. Венгерские историки

не находят ничего критического в агрессивной внешней политике хортистского режима, а, более того, оправдывают её, считая, что Трианонский договор ответственно за реакционную, фашистскую ориентацию Венгрии, и что мнимые несправедливости этого договора узаконили, якобы, ревизионизм и реваншизм будущих правительств в течение всего межвоенного периода. Они повторяют таким образом почти точь-в-точь тезисы, распространяемые идеологами хортистского ревизионизма и реваншизма, которые в то время, при помощи извращений и лжи, стремились завоевать благожелательность правительств, государственных деятелей и редакторов крупных газет, повсюду проповедуя, что Трианонский договор «искалечил Венгрию», и что «несправедливый» гео-политический статус-кво, созданный системой Версальских договоров необходимо было пересмотреть. Вот несколько формул и фраз, часто используемых в работах таких исследователей как Маккай Ласло, Кёпечи Бела, Ранки Дьёрдь, Секелихиди Агостон, Руффи Петер, Бибо Иштван, Гостони Петер, Глац Ференц, Ормос Мария, Пинтей Иштван и многие другие. «Мирная империалистическая система», Трианонский мирный договор «уступил Румынии венгерскую территорию в 102 000 кв. км»; «Венгрия сохранила в ее новых границах, установленных в Трианоне, лишь 32 проц. своей старой территории и 41 проц. населения» (с каких пор Трансильвания, Хорватия, Словакия, Прикарпатская Украина и т.д. были «старыми венгерскими территориями?»); Трианонский договор «толкнул Венгрию на путь фашизации»; «Некоторые из *новосозданных* в Версале государств зачастую лишь продолжали сами политику угнетения, практикуемую венгерскими руководящими классами, но на сей раз в ущерб венгерских меньшинств»; «Несправедливость, нанесенная венграм, оставшимся за Трианонскими границами, поддерживала иллюзию нетронутой исторической Венгрии»; «Трианонский мирный договор аннексировал значительные территории, заселенные *только венграми* (около трех миллионов), к Чехословакии, Румынии и Югославии»; «*Этнические границы Венгрии* до 1918 г. распались в результате *Трианонского диктата*»; «Несправедливый, империалистический мир (Трианонский — *прим. автора*), ибо он сделал значительные уступки жадности пришедшей к власти буржуазии в рамках новых соседних национальных государств»; «Тот факт, что распад венгерского исторического государства произошел одновременно с подавлением некоторых революций и мирными соглашениями, нанесшими серьезный национальный ущерб, воспрепятствовали установлению демократии в стране (в Венгрии — *прим. автора*)». Итак, по мнению этих псевдонисториков, фашистский режим Хорти был создан не внутренними факторами, вытекающими из венгерских экономических и социально-политических структур после первой мировой войны, а Трианонским мирным договором. Предоставляя Хорти и его режиму такое алиби, венгерские историки вместо достойного осуждения пытаются реабилитиро-

вать его перед внутренней и международной общественностью с целью распространения пагубных тезисов, антирумынских, грубо противоречащих не только исторической истине, но и принципам нормальных добрососедских отношений. Не Трианонский договор привел к установлению фашистско-хортистского режима в Венгрии, а политика крупных венгерских помещиков и капиталистов, усматривавших в лице Хорти носителя и защитника их устремлений вернуть свои экономические и политические позиции, занимаемые во время австро-венгерской монархии, продолжать угнетение и аннексию других народов и территорий.

Тем, кто присоединяется к политике Хорти и его клики возродить «великую Венгрию» или «Венгрию Святого Иштвана», необходимо каждый раз напомнить, когда они касаются истории нашего народа, что единое румынское национальное государство, созданное в 1918 г., не было искусственным творением мирных договоров, а результатом закономерного, объективного процесса, желаемого и осуществленного всеми румынами; что в момент открытия Парижской мирной конференции (18 января 1919 г.) существование единого румынского национального государства, а также других национальных государств, созданных или воссоединенных на руинах анахроничной дуалистической монархии, было уже необратимой реальностью; что Румыния стала единым национальным государством в результате решений, принятых плебисцитными собраниями в Кишиневе (27 марта/9 апреля 1918 г.), Черновцах (15/28 ноября 1918 г.) и в Алба-Юлии (18 ноября/1 декабря 1918 г.), которые приняли решение объединения с родиной-матерью территорий, находившихся до тех пор под господством соседних многонациональных империй; что договоры, заключенные на Парижской мирной конференции (в том числе договор с Венгрией), как международные инструменты юридической и политической силы, *de jure* признали единое румынское национальное государство, которое в момент их подписания было реальностью *de facto*. Трианонский договор признал румынскому народу историческую справедливость, которую он сам осуществил после многих веков борьбы и страданий.

Беря за отправную точку этот договор, венгерские историки, пытаясь реабилитировать пагубную политику Хорти и его режима, представляют территориальный ревизионизм, проводимый в ходе всего межвоенного периода будапештскими правительствами, не как империалистическую политику фашистского типа, а как патриотическую, призванную исправить «несправедливость» нанесенную Венгрии. Проведение политики силы и диктата, пересмотра мирных договоров, границ; присоединение Венгрии с этой целью к телеги ревизионистской политики гитлеровской Германии и фашистской Италии и ее превращение в передовую пешку нацистского империализма и международной реакции в центре и на юго-востоке Европы; постоянный отказ ответить на дружеские предложения соседних госу-

дарств установили отношения добрососедства и сотрудничества; участие вместе с нацистской Германией в расчленении Чехословакии и захват в результате первого Венского диктата (2 ноября 1938 г.) части территории этой страны, составляющей 12 000 кв. км и с населением в 1 000 000 человек, затем в оккупации северо-западной части Румынии (42 243 кв. км, население — 2 607 007 человек в большинстве румын), в результате второго Венского диктата от 30 августа 1940 г., затем в 1941 г. в расчленении Югославии в результате оккупирования части национальной территории этой страны; война, которую вела Венгрия вместе с державами Оси против Советского Союза — все эти агрессивные акты хортистского режима, которые способствовали разрушению мира и международной безопасности, подготовке и началу второй мировой войны, филохортистские историки часто сваливают на правозаконные организации и в особенности на руководство венгерской армии, насыщенных ревизионизмом и антикоммунизмом. «В рядах партии Кресты со Стрелами, в правом крыле правительственной партии и в Штабе армии, — пишут авторы работы *Histoire de la Hongrie* (стр. 552), — идея втянуть страну в войну на стороне Германии (весной 1940 г. — *прим. автора*) быстро завоевывает почву». Под маской свалить всю ответственность за агрессии, преступления и беззакония, совершенные хортистским режимом, лишь на некоторые его институты, делается на деле попытка реабилитировать того, кто находился во главе государства и режима — Миклоша Хорти. Бесспорно, в руководстве венгерской армии были самые реакционные элементы венгерской буржуазии и помещиков, которые в большой мере способствовали приданию венгерской политике агрессивного и реваншистского характера. Однако, армия, как главный институт фашистского тоталитарного государства, не может быть выделена из всего устройства хортистского режима и нести главную, если не исключительную ответственность за реакционную и ревизионистскую политику, проводимую Венгрией в течение всего периода после заключения Трианонского договора. Господствующие классы Венгрии, реакционные и деспотичные во внутренней политике, агрессивные и жаждущие реванша во внешней, создали армию по своему образцу, готовую в любой момент служить их интересам. Задумав военные планы затрагивавшие территориальную целостность ряда соседних стран, среди которых и Румынии, наметив направления агрессии и силы для ее осуществления, руководство венгерской армии превратило таким образом в область конкретного военного действия политическую линию, разработанную хортистскими политиками и одобренную главой государства Миклошем Хорти. Хорошо известно, что Миклош Хорти поддерживал тесные связи с руководителями нацистской Германии. В августе 1938 г. он был с визитом в Германию, согласовав свои планы с планами Гитлера. Накануне Венского диктата 1940 г., когда по общестратегическим причинам нацистские главари предупредили Будапештское правительство, что они не согласны

с вооруженной агрессией против Румынии, Хорти направил Гитлеру письмо, в котором выражал сожаление, что Венгрия не пользовалась достаточной симпатией в Германии, хотя «после войны, когда все отвернулись от Германии, мы были ее единственными верными друзьями, из признательности, симпатии и дружбы, конечно, а не по конъюнктурным причинам». Он просил поддержки немецкого фюрера в аннексии Трансильвании. «Владение Карпатами, — писал Хорти, — для нас жизненный вопрос. Трансильвания — единственная естественная крепость Европы и для блага Германии безразлично, если она будет или нет в надежных руках. Рано или поздно наступит час расправы между Германией и Россией»⁸.

Также по линии попыток реабилитировать Хорти вписывается настойчивость, с которой некоторые историки обходят ужасные преступления совершенные хортистским оккупационным режимом в северо-западной части Румынии, аннексированной в результате Венского диктата. Если о белом терроре в 1919—1920 гг., развязанном прежде всего против еврейского населения и завершившимся убийством пяти тысяч человек, о массовых убийствах, совершенных венгерскими фашистами в Войводине после ее аннексии в 1941 г., где также хортистские палачи за несколько дней истребили более пяти тысяч жителей, имеются кое-какие ссылки, не таким же образом поступают венгерские историки, когда речь идет о массовых убийствах и жестокостях, совершенных хортистами в Ипе, Трэсна, Сэрмаше, Мойсее и многих других селах в кровавые осени 1940 и 1944 гг. Некоторые из них совсем не упоминают о них, будто и не слышали, в то время как другие упоминают лишь о гонениях национальных меньшинств, «которые вскоре приобрели зверские формы с той и с другой стороны»⁹. Умаление преступлений хортистского режима путем вымысла якобы такой же политики румынских властей встречается и у авторов работы *Erdely története* (стр. 1754): «Так началась, — пишут они, — так называемая национальная политика взаимности; на выселения другая сторона отвечала выселениями, на интернирования — интернированиями, на закрытия школ отвечалось закрытием школ, создавая полную ненадежность судьбы румын на Севере, соответственно, венгров на Юге». Таким образом, чтобы не обвинять Хорти и его режим в совершении этих преступлений, венгерские историки ставят знак равенства между ситуацией обеих народов, умалчивая о том, что кроме выселений и интернирований, о которых упоминают авторы, на северо-западе Румынии, присоединенном хортистами, был развязан террор беспрецедентного зверства. Миклош Хорти шефствовал над совершением массовых убийств, жертвами которых пали дети, женщины и старики, приказал интернировать в лагеря принудительного труда и уничтожения румын и евреев. Многозначителен тот факт, что за сравнительно короткий период, до конца 1940 года, более 86 000 румын были вынуждены перейти демаркационную линию в Румынию, многие другие тысячи были под-

вергнуты изгнания и депортированы в Германию¹⁰. С этой же целью, венгерские историки внушают такой же параллелизм и в отношении трансильванских евреев в годы второй мировой войны. Общеизвестен тот факт, что в Венгрии Хорти применил «финальное решение» еврейского вопроса. Его применение завершилось высылкой из захваченной хортистами территории Трансильвании не значительной части (90 000—100 000, как утверждают венгерские историки), а абсолютно всех евреев (160 000) в нацистские лагеря, из которых 84,5 проц. были уничтожены. Наиболее часто венгерские историки и не чувствуют необходимости упоминать в этом контексте имя Миклоша Хорти. Правда, Хорти, отдав себе отчет в беспрецедентной серьезности варварского преступления, готовившегося против евреев, подготовил себе неопровержимое по его мнению алиби: Заседание Совета Министров от 29 марта 1944 года, положившее начало потоку антиеврейских законов, призванных придать «законные рамки» истреблению евреев в Венгрии и на оккупированных территориях. Протокол заседания начинался «передачей» «решения» Хорти: «Согласно заявлению господина премьер-министра, его превосходительство регент оставляет свободу действий возглавляемому им правительству в связи со всеми еврейскими (антиеврейскими — прим. автора) постановлениями и в отношении их не желает оказывать никакого влияния»¹¹. Тот факт, что он снял с себя любую прерогативу в решении еврейского вопроса, не лишает его непосредственной ответственности за содеянные преступления. Ибо Хорти «отошел в сторону» лишь *de jure*, а *de facto* позаботился о том, чтобы «финальное решение» было беспощадно применено. Решение еврейского вопроса он поручил двум помощникам госсекретаря — Баки и Ендре — верным ему людям. «Ты числишься среди моих давних офицеров из Сегедина, — говорил он Баки, назначая его помощником госсекретаря внутренних дел. Я знаю, что ты мне предан, и полностью доверяю тебе. Ненавижу галицких евреев и коммунистов. Вон их из страны! Вон! Вон!»

Было бы самым грубым извращением истины, поставить знак равенства между положением евреев в хортистской Венгрии и на оккупированных хортистами территорий и евреев Румынии. Профессор д-р Израель Гутман, научный директор Яд Вашема (Израиль) подчеркивал на полном основании, что планы нацистов выслать евреев из Румынии натолкнулись на «энергичную оппозицию румынского народа и румынских властей, в том числе правительства и диктатора Антонеску... Их отказ слать евреев со временем усилился и это сопротивление было фактором, спасшим большинство румынских евреев от «финального решения» нацистской концепции.» Дейст-

вительно, в то время как почти во всех странах, куда проник гитлеровский сапог, большинство еврейского населения — в некоторых до 80—90 проц. — было уничтожено, в Румынии подавляющее большинство еврейского населения было спасено.

Вывод из вышесказанного напрашивается сам по себе. Хорти и хортисты не могут быть ни в коем случае реабилитированы. Осуждение Хорти и его режима давно утверждено историей. Попытки венгерских историков снять вину с хортистского режима за содеянные преступления против человечества, минимизировать пагубные последствия внутренней и внешней реакционной политики, изображая ее патриотической политикой, обречены на провал. Они призывают, однако, к бдительности и к глубокому размышлению о смысле и призвании историка в современном обществе.

- 1 См. *Histoire de la Hongrie des origines à nos jours*, написанная семью историками под редакцией Эрвина Памлени, Издательство Хорвата, Будапешт, 1974, стр. 519—520.
- 2 Francis Cohen, *Entretiens avec György Aczel sur un socialisme*, Editions Sociales, Paris, 1982, с. 18—19.
- 3 Korom Mihály, *A faszizmus bukása Magyarországon* (Падение фашизма в Венгрии) Издательство Кошута, Будапешт, 1961, с. 7—8.
- 4 Nemes Desző, *A faszizmus Kérdéséhez*, Magvető Kiado, Budapest, 1976, с. 122.
- 5 *Documenti Diplomatici Italiani*, новая серия 1939—1943, том V, Рим, с. 332—342.
- 6 Kallay Miklós, *Nagy idők sodrában*, II, köt. Budapest, 1943, с. 19—20, apud Hollós Ervin, *Rendőrség esendőrség*, V.K.F., 2, Kossuth Könyvkiado 1971, с. 17.
- 7 См. Francis Cohen, *op. cit.*, с. 18.
- 8 C. Neagu, D. Marinescu, *Fapte din umbră*, vol. IV, Editura Politică, 1983, с. 171.
- 11 *Histoire de la Hongrie*, с. 553.
- 10 См. пространно *Teroarea horthysto-fascistă în nord-vestul României*, (septembrie—octombrie 1944), București, 1985.
- 11 См. пространно Oliver Lustig, *Denaturări și falsificări care ținesc și profanează memoria victimelor terorii horthyste*, în «Magazin Istoric», N. 5/1987, с. 68.

Dr. Ilie Ceașescu
LA TRANSYLVANIE
 ancienne terre roumaine
 Bruxelles, 1988

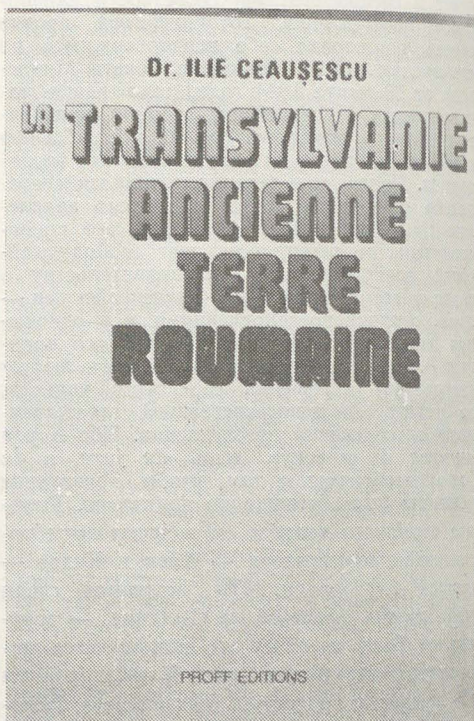
Книга генерал-лейтенанта доктора наук Илие Чаушеску **Трансильвания — древняя румынская земля**, с интересом встреченная со дня ее выхода в свет на румынском языке в 1984 г., находит новое подтверждение в ее недавнем издании на французском языке в Бельгии. Научный уровень и политическое значение публикации книги в этом новом издании подчеркиваются в предисловии Роже Гейзана, выдающейся личности бельгийской военной историографии (автора многочисленных работ о истории второй мировой войны и главного редактора журнала военной истории «Мемо»); бельгийский историк, хороший знаток румынского прошлого, подчеркивает, что генерал-лейтенант доктор наук Илие Чаушеску «излагает *sine ira et studio* эту столь беспокоящую историю Трансильвании, которая была некоторое время „Эльзас-Лотарингией“ румын. Это ясная и богато документированная книга, вписывающаяся в логическую линию румынской историографии» (стр. 13).

Еще с момента выхода книги на румынском языке, румынский читатель смог оценить её большие достоинства. Посвященная истории Трансильвании, она интегрирует исследуемый предмет в широкий контекст истории румынского народа, подчеркивая таким образом органическое единство между прошлым Трансильвании и Румынии. На основе археологических раскопок и информации, предоставленных письменными источниками (наиболее представительные воспроизведены в приложении к книге), автор проследил многотысячелетнюю историю этой древней румынской земли. Автохтонность и непрерывность проживания румын в Дакии представлены с неопровержимыми доказательствами, опровергающими тенденциозные трактовки о «пустоте» румынского населения в карпато-дунайско-пантийском ареале после ухода римской армии и администрации из Дакии.

Автор проследил процесс образования румынских феодальных государств и в этих рамках воссоздал генезис румынских княжеств и воеводств в Трансильвании, оказанное ими сопротивление атакам венгерских племен, поселившихся в 896 г. в Паннонской низменности. Правильно анализируется происхождение и эволюция трансильванского воеводства, существование которого, подтвержденное известиями, содержащимися в Хронике аноним-

ного нотариуса короля Белы, является одним из самых сильных аргументов проживания румын внутри карпатской дуги в период проникновения венгров в Трансильванию.

Своеобразие этого воеводства, его специфический статус в рамках венгерского королевства до его падения в результате Мохачской битвы (1526), тесные отношения между румынскими князьями — Трансильванской Мунтенией и Молдовой — являются предметом информированного освещения и насколько глубокого, настолько ясного анализа.

Важное место уделено борьбе за социальное и национальное освобождение трансильванских румын, которые в рамках политической формулы, основывающейся на союзе между венгерским дворянством, сакским патрициатом и руководящим слоем сектэров (Унио триум национум) были подвергнуты все более тяжелому и унижительному дискриминационному режиму. Народная революция 1784 года, под руководством Хорни, Клоски и Кришана, мероприятие Супплекс Либеллус Валахорум, революция 1848 г., сопротивление румын перед политикой угнетения и де-национализации, проводимой Будапештским правительствам после установления австро-венгерского дуализма (1867), движение меморандистов, политическая борьба за объеди-

нение Трансильвании с Румынией, кульминация Великой Национальной Собранием в Алба-Юлии, решение которого от 1 декабря 1918 г. завершило национальное единство румын, — все эти важные моменты представлены в их исторической последовательности и обусловленности.

Венский фашистский диктат (1940) находит достойное осуждение, как и усилия хортистской Венгрии оторвать от румынского национально-территориального достояния эту исконно древнюю и многострадальную трансильванскую землю.

Книга заканчивается светлой перспективой, открытой в многотысячелетней нашей истории новой эрой построения социализма.

Книга генерал-лейтенанта доктора наук Илии Чаушеску выходит в бельгийском издательстве в момент усиления извращений и очернений истории румын, в особенности истории Трансильвании, составной части нашей

национальной истории, которые имеют националистский, шовинистский характер. Автор предисловия Роже Гейзан также отмечает этот контекст, подчеркивая, что, не вступая в полемику *La Transylvanie, ancienne terre roumaine* является аргументированным ответом, данным этим пагубным проявлениям оспаривания исторической истины. «Книга генерал-лейтенанта доктора наук Илии Чаушеску, — пишет он, — бесспорно является книгой о истории, но она вызывает в равной мере глубокий актуальный политический отзвук».

Мы можем лишь подписаться под оценкой бельгийского историка, который, подчеркивая научную объективность автора, настаивает на любви к родине и профессиональной компетентности, которые лежат в основе этой замечательной книги.

■ Д-р ФЛОРИН КОНСТАНТИНУ

Lieutenant-General
Ilie Ceaușescu
ROMANIAN MILITARY DOCTRINE
PAST AND PRESENT
New York, 1988

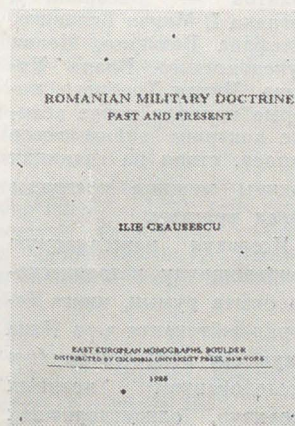
Недавно в США был опубликован ценный труд под названием «Доктрина защиты родины у румын: прошлое и настоящее», автор — генерал-лейтенант д-р Илие Чаушеску. Несомненно, международный престиж известного историка вновь подтверждается новым изданием, которое сделает широко известными за рубежом важнейшие истины истории Румынии.

Эмблематичное для национальной военной историографии произведение рассматривает одно из важнейших явлений для свободного и независимого утверждения румынского народа — кристаллизацию и развитие доктрины войны всего народа за защиту родины.

Произведение привлекает внимание читателей своим

научным духом и высоким профессионализмом, подтверждаемые отбором и интерпретацией богатого румынского и зарубежного документального материала, использование которого облегчает многогранный анализ трактуемого предмета. Разработанная в современной манере и обладающая привлекательным стилем, которые характерны подлинному акту культуры, книга сумела точно представить теоретические и практические размеры сложного процесса создания румынской военной доктрины, используя в качестве основной методологической предпосылки анализ явления, изучаемого в контексте героической борьбы нашего народа за защиту своего священного права на существование и свободу.

В начале произведения выявляются тысячелетние исторические корни нашей военной доктрины, начала которой устанавливались постепенно, одновременно с экономическим и социально-политическим развитием гето-дакийского общества. Великие военные подвиги наших предков — столкновение с огромной персидской армией под руководством короля Дария в 514 году до н.э., победоносные бои против войск Александра Великого и его потомков, мужественное сопротивление гето-дакийского народа под руководством Дечебала экспансии Рим-

ской империи — справедливо рассматриваются автором как ключевые моменты исторического процесса накопления элементов военной доктрины всего народа. Естественно, отмечается идея-мощь, ставшая самым смыслом существования военной доктрины наших предков — оборонительный характер, — сохранившийся как основная координата румынского военного мышления и практики во все времена. На страницах книги убедительно иллюстрируется истина о том, что превратности неспокойных времен периода миграций, не смогли приостановить исторического развития румынского народа на земле предков. Позднее, князья и воеводы местных феодальных формаций, под давлением татарских и венгерских нашествий с изобретательностью и последовательностью развили практику народной войны, способствуя созданию, на основе общности происхождения, языка, экономической жизни и территории, румынских феодальных государств Трансильвании, Мунтении и Молдовы.

В дальнейшем в произведении представлено развитие военной доктрины в период средневековья — представляющей эпоху военной славы румынских стран. Магистерски представлен автором эпоха борьбы за единство, свободу и независимость охватывает военные подвиги выдающихся господарей-патриотов — Басараба I, Богдана I, Мирчи Великого, Штефана Великого, Иоана Хунедоарского, Влада Цепеша, Михая Храброго, которые придали новое величие доктрине войны всего народа, ставя на границах родины мощные преграды перед врагами.

Исследуя неиссякаемую сокровищницу исторического опыта румын, книга генерал-лейтенанта д-ра Илие Чаушеску является ценным исследованием военных структур, олицетворявших

доктрину войны всего народа, стратегии и тактики оборонительной борьбы, формы народного сопротивления, передававшиеся веками как живое доказательство военного гения предков. В то же время, с подлинным синтезирующим призванием выявлены основные моменты кристаллизации теории народной войны, начиная с произведения европейского уровня «Учение Нягое Басараба своему сыну Теодосию», и разработка концепции обороны страны борьбой всего народа в атмосфере мощного духовного соперничества, порожденного расширением борьбы за национальное и социальное освобождение румын в современный период.

Предпринятый в этой ценной монографии аналитический демарш с научной точностью расшифровывает логику развития румынской военной доктрины в постоянной связи с моментами, отметившими течение в новой и современной эпохе: революции 1784, 1821 и 1848 годов; Объединение княжеств в 1859 году; война за завоевание полной государственной независимости Румынии (1877—1878 гг.) и война за национальное воссоединение (1916—1918 гг.).

Являясь краеугольным камнем в национальной истории, событием, в корне изменившим судьбу румынского народа, открыв светлый путь построения социализма, антифашистская и антиимпериалистическая революция за национальное и социальное освобождение августа 1944 года представляет, как демонстрирует этот труд, начало новой эры и в плане совершенствования военной доктрины. Концепция о вооружении народа познает коренные изменения в славную эпоху, открытую IX Съездом Румынской коммунистической партии, — наиболее плодотворный период

развития румынского военного мышления благодаря разработке исключительной личностью современного мира генеральным секретарем партии товарищем Николае Чаушеску доктрины войны всего народа за защиту родины. Автор освещает диалектическую связь между традицией и новаторством, выраженную в актуальной доктрине социалистической Румынии, путем возвышения традиций народной войны в высшую стадию утверждения, характерную современной доктрине, способной обеспечить спасение основных прерогатив румынского народа в условиях современной научно-технической революции, глубокого революционизирования военного явления. Красноречиво выявляются размеры оригинальности концепции товарища Николае Чаушеску о защите родины, способы структурирования национальной системы обороны, принципы руководства обороной коммунистической партией и органами социалистического государства, доктринные координаты оснащения боевых сил, принципы военных связей Румынии с другими государствами.

Доказывая неопровержимыми историческими аргументами, основывающимися на глубоком познании местных и зарубежных источников, истину о том, что формирование и развитие теории и практики обороны родины всем народом совпадает с самим процессом утверждения нашего народа на земле предков, недавно опубликованный за рубежом труд генерал-лейтенанта д-ра Илие Чаушеску вписывается как большой и престижный вклад в познание за рубежом истории румынской военной доктрины, мирного, оборонительного характера политики за защиту социалистической Румынии.

■ Майор
СИМИОН БОНКУ

General Traian Moşoiu MEMORIAL DE RĂZBOI

В год семидесятилетия создания единого румынского национального государства выпущенная Издательством Дачия (Клуж-Напока) книга *Военный мемориал (август—октябрь 1916 г.)* под редакцией преподавателей Александру Драгомиреску и Марнуса Поп, предисловие профессора, доктора Василе Нетя, представляет собой, по нашему мнению, значимое издательское событие.

Издатели взяли на себя трудную задачу: им предстояло преодолеть сложности обширной документации тем более потому, что затронутая тема трактуется историческим исследованием осторожно, а иногда даже легкомысленно.

Редакторы книги, проконсультировав огромное количество источников, указанных в конце работы в обширной библиографии, на научной основе восстановили ее идеи, реализовав обоснованное вступительное исследование, прослеживающее жизнь и военную карьеру генерала Траяна Мошою, его участие в кампа-

нии 1916 года, комментируя фронтовые записки автора с точки зрения румынской военной мемориалистики, последовательно освещающая затем его участие в кампании 1919 года, давая основные вехи его политической деятельности до кончины автора в 1932 году.

В дневнике описываются героические подвиги и особые события, связанные с боями в зоне Сибиу—Кий-нень.

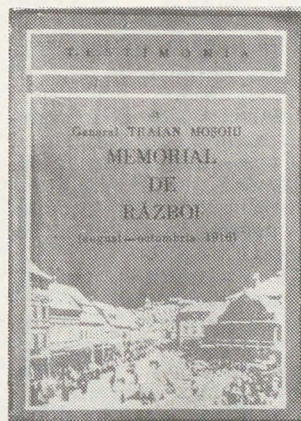
Не будучи мастером слова, автор пишет живым языком, конкретизируемым иногда драматизмом картин, фронтовых эпизодов. Описывая момент перехода румынской армией Карпат, автор Мемориала воспроизводит атмосферу энтузиазма, царившего в рядах на-

ших солдат: «Мы, не говоря ни слова, смотрели друг на друга, а генерал Драгалина подошел и обнял меня, тут все стали обниматься. Лица всех присутствующих светились радостью, которую мы испытывали в те исторические моменты, когда румынская армия вступила в бой за воссоединение нации» (стр. 67).

Страницы «Военного мемориала» генерала Мошою пронизаны патриотизмом, героизмом румынской армии, которая во время боев проявила глубокий гуманизм: «Все, принимавшие участие в боях, проявили героизм и достойное подражания презрение к смерти. Потери были небольшие, а раненым помощь оказал медик Вьлчанского полка майор Преда. Раненым противника была оказана, как и румынам, помощь» (стр. 76).

Данной работой издатели вносят большой вклад в освещение боевых действий румынских частей под командованием генерала Траяна Мошою в кампании 1919 года, а также его политической деятельности, связанной с программой экономического развития страны.

■ Капитан
ГАВРИЛ ПРЕДА

НОВЫЕ КНИГИ

АСПИ, Клуж-Напокаский Институт истории и археологии Штефан Паску (отв. редактор), *Documente privind revoluția de la 1848 în țările române*, С. Transilvania, vol. IV, 14 — 25 mai 1848, (Документы о революции 1848 г. в румынских княжествах, С. Трансильвания, том IV, 14—25 мая 1848 г.), Издательство Академии СРР, 1988. Петре Попа, Паул Дику, Сильвестру Войнеску, *Istoria municipiului Pitești (История муниципити Питешти)*, Издательство Академии СРР, 1988. Еуджен Комша, *Neoliticul pe*

teritoriul României — Considerații (Неолит на территории Румынии — Соображения), Издательство Академии СРР, 1987.

Мирча Петреску-Дымбовица, Дан Г. Теодор, *Sisteme de fortificații medievale timpurii la est de Carpați. Așezarea de la Fundul Herții (jud. Botoșani) (Системы ранних средневековых укреплений восточнее Карпат (уезд Ботошань))*, Издательство Жунимия, Яссы, 1987.

Апостол Дан, *Revoluția română de la 1848. Solidaritate și unitate națională (Румынская революция 1848 г. Национальная солидарность и един-*

ство), Политическое издательство, 1987.

Манфред Оттерман, *Tracii între arcul carpatic și Marea Egee (Фркийцы между Карпатской дугой и Эгейским морем)*, Военное издательство, Бухарест, 1988.

*** 2500 de ani de luptă eroică pentru libertate și independență (2500 лет героической борьбы за свободу и независимость), Военное издательство, Бухарест, 1988.

Адам Вильгельм, *O hotărâre dificilă (Трудное решение)*, том I, Военное издательство, Бухарест, 1988.

Полковник запаса Михай Куку, Тrecătorile Carpaților în lupta românilor pentru unitatea națională (*Карпатские перевалы в борьбе румын за национальное единство*), Военное издательство, Бухарест, 1988.

Полковник Думитру Константин, полковник д-р инж. Тудор Никулеску, Războiul undelor (*Война волн*), Военное издательство, Бухарест 1988.

Майор Мариан Добрикэ, Elemente de sociologie și psihologie în gândirea militară românească, 1877—1944, (*Элементы социологии и психологии в румынской военной мысли, 1877—1944*), Военное

издательство, Бухарест, 1988
Капитан III ранга Илие Маноле, и др; Confruntări navale (*Морские сражения*), 2 Тома Военное издательство, Бухарест, 1988.

* * * Raționalizare și eficiență în acțiunea militară. Elemente de logică și praxiologie (*Рационализация и эффективность в военном действии. Элементы логики и праксиологии*), Военное издательство, Бухарест, 1988.

Паул Штефэнеску, Duelul nevăzut (*Невидимая дуэль*), Военное издательство, Бухарест, 1988

Ответственный редактор генерал-майор д-р Корнелиу Соаре, Tipologia războaielor în epoca contemporană (*Типология войн в современную эпоху*), Военное издательство, Бухарест, 1998.

Полковник запаса Траян Грозь, Concepte ale strategiilor militare contemporane (*Концепты современных военных стратегий*), Военное издательство, Бухарест, 1988.

* * * Permanențe istorice în doctrina militară românească (*Исторические permanenții в румынской военной доктрине*), Военное издательство, Бухарест, 1988.

Международное подтверждение

(Продолжение.
Начало на 52 с.)

ности страны, идеалы всего румынского народа, и в дальнейшем были вехами внутренней и внешней политики Румынии.

- 1 Op. cit., Paris, 1974, p. 45.
- 2 P. Renouvin, *Histoire des relations internationales*, vol. 7, Paris, 1958, p. 114.
- 3 Tratatul de pace între Puterile Aliate și Asociate și Germania și Protocolul, semnate la Versailles la 23 iunie 1919, Buc., 1920.
- 4 E. Bold, *De la Versailles la Lausanne (1919—1932)*, Ed. Junimea, Iași, 1976, p. 25.
- 5 Vezi și România în timpul primului război mondial, vol. II, Editura Militară, Bucu-

- rești, 1987, p. 422. "The Washington Post", 23 mai 1919.
- 6 Mircea Mușat, Ion Ardeleanu, *De la statul geto-dac la statul român unitar*, Editura Științifică și Enciclopedică, Buc., 1983, p. 675—676.
- 7 Desăvîrșirea unității național-statale a poporului român. Recunoașterea internațională. 1918. Mărturie, vol. IV, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1986, p. 152—153.
- 8 V. V. Tillea, *Acțiunea diplomatică a României, noiembrie 1919—martie 1920*, Sibiu, 1925, p. 32, 211.
- 9 Desăvîrșirea unității național-statale..., vol. V, p. 303.
- 10 Mircea Mușat, Ion Ardeleanu, op. cit., p. 686.
- 11 Ibidem, p. 687—688.
- 12 Charles Seymour, *La fin d'un empire: les débris de l'Autriche-Hongrie*, în *Ce qui se passe réellement à Paris en 1918—1919*, p. 18.
- 13 Arh. St. Buc., Fond Ministerul Propagandei Naționale, vol. 77.

- 14 *History of the Peace Conference*, Ed. A. W. V. Temperley, vol. IV, Oxford, 1921, p. 422—423.
- 15 *Istoria militară a poporului român*, vol. V, Editura Militară, București, 1988, p. 812.
- 16 Desăvîrșirea unității național-statale..., vol. VI, p. 282.
- 17 General-locotenent dr. Ilie Ceaușescu, *Transilvania, străvechi pământ românesc*, Editura Militară, București, 1984, p. 80—81.
- 18 Cf. Mircea Mușat, Ion Ardeleanu, op. cit., p. 691.
- 19 Milton G. Lehrer, *Ardealul, pământ românesc*, București, 1944, p. 33.
- 20 Desăvîrșirea unității național-statale..., vol. VI, p. 131.
- 21 Arh. Ministerului de Externe, fond URSS, Relații cu România, 1920, mapa 22.
- 22 C. Botoran, I. Calafeteanu, *România la Conferința de Pace de la Paris (1918—1920)*, Editura Dacia, Cluj-Napoca, 1983, p. 402.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

(Продолжение.)

Начало на 36 с.)

11 июля 1918 года, где «прошел по улицам города до вокзала с национальными песнями. В 11 часов и 10 минут этот отряд выехал поездом в Понте ди Брента»².

Итальянские военные власти сообщили коротко и ясно о присутствии на итальянском фронте румынских отрядов. Представляем отрывок из подобного сообщения. «С июня 1918 года под эгидой Итальянского Верховного главнокомандования были созданы отряды румынских добровольцев, именуемые *Альпийцами* (горнопехотные войска). Эти отряды были сформированы из румын родом из Баната, Трансильвании и Буковины. Они были организованы по взводам и ротам и были присоединены к различным армиям, они получили задания штурмовых войск, а именно: рота в составе 250 человек, находившаяся под командованием VIII армии приняла участие в бою вместе с XI штурмовой дивизией в Монтелло и Витторио Венето; другая рота, которая была присоединена к V армии, в составе двух взводов, участвовала в боях в Асиаго и Монте Ченджио вместе с XLVI английской дивизией, в Сиземоледе и Вал Белла с обоими взводами воевала вместе с II французской дивизией; один взвод воевал плечом к плечу с I Армией в Чимоне один взвод воевал вместе с VII Армией, неизвестно имел ли он задания. В августе месяце была сформирована третья рота при IV Армии. Эта рота исключительно хорошо воевала в Граппе»³. Командующий VIII армией предложил 11 ноября 1918 года наградить Военным Крестом 129 человек, входящих в состав первой румынской роты⁴. 22 ноября 1918 года, генерал-лейтенант и командующий VIII Армией Кавилля наградила — согласно Королевскому декрету № 205 от 19 января 1918 года «Крестом военной заслуги» следующих воинов первой румынской роты, с мотивацией для каждого в отдельности: «старший сержант Неунциу Георге, румынский доброволец, прикомандированный во время нашего наступления к группе информаторов бригады, перешел с первыми итальянскими отрядами через Пиаве, спокойно и терпеливо преодолел результаты жестокого огня противника, проявив особое чувство долга, пренебрегая опасностью и совершенно спокойно допросил первых австро-венгерских пленных, от которых узнал представлявшие особую важность данные и сведения. Сержант Лупоайе Константин, старший сержант Харуца Георге, солдат Мойаш Ион, солдат Кришан Пантелимон, солдат Митра

Иоан, старший сержант Миху Александру проявили — во всех действиях, в которых они участвовали, — высокое мужество, особую смелость, став для всех образцом военной доблести и дисциплины»⁵. Другие причины заставили этого же генерала наградить «Серебрянной медалью» лейтенанта Йисо Эмилиана, аспиранта Ванча Виктора, которые, сознавая, что будучи захвачены в плен они будут убиты самым страшным образом, все же добровольно участвовали во всех действиях отряда, в состав которого они входили, проявив смелость и хладнокровие во всех боях. Солдат Гаврилэ Николае... вступил в армию, которая боролась против угнетателей его родины, проявив достойные похвалы патриотизм и смелость. В течение двух дней он участвовал в боях в русле реки Пиаве, был захвачен в плен, но сумел спастись от печального положения, на которое был осужден. Солдат Грединар Николае, захваченный в плен в то время, когда он проявил беспримерное мужество, сумел бежать, после того как был осужден на смертную казнь. Старший сержант Луду Бартоломеу, оставшийся в русле реки Пиаве из-за разрыва моста, кооперировал при отражении атаки противника, переплыл на лодке реку на следующий день только после того, как уверился, что на другом берегу не остался ни один из его подчиненных, между прочими, он спас и одного тяжело раненного солдата. Солдат Поп Виктор перешел Пиаве одновременно с первым патрулем и участвовал в бою, проявив особое мужество. Окруженный противником, оказав упорное сопротивление, он вернулся вплавь на начальные позиции, вновь заняв свое место в роте»⁶. «Бронзовой медалью был награжден также солдат Таурен Думитру, который был ранен, но отказался явиться на пункт первой помощи, выполнил свой долг до конца боя. Солдат Бреб Думитру, который был тяжело ранен, но не пожелал покинуть огневую линию, кооперируя при отражении контратаки противника, явился примером для своих товарищей. Сержант Киорян Василе явился добровольно для участия в спасении оставшихся в живых воинов в русле реки (остров Лукка), перешел реку и сумел выполнить поставленную перед ним самим задачу... Знаменосец Мерлаш Штефан, старший сержант Хамбашан Илие, сержант Штефан Георге, солдат Бристиан Иоан, солдат Калдарариу Реколта, солдат Бырсан Думитру, солдат Добан Иосиф добровольно приняли участие в особенно опасном задании, из которого они вернулись только после того, как нанесли большие потери противнику и доставили

исключительно ценные сведения об оборонительных позициях противника. Младший лейтенант Космин Михай, младший лейтенант Хонсса Ромулус, старший сержант Рэкирэ Григоре, полностью сознавая, что в случае их пленения, они будут зверски убиты, добровольно участвовали во всех заданиях, проявив особое мужество и хладнокровие во всех боях¹.

Представленные выписки выявляют решимость, которая вооружевляла трансильванских и буковинских румын, попавших в Италию, энтузиазм и мужество, проявленные ими в боях, их убеждение, что таким образом они способствовали созданию единого национального государства всех румын, ликвидации большой несправедливости, из-за которой жители Трансильвании и Буковины так много страдали.

1 Arhiva istorică și diplomatică a Ministerului de Externe al Italiei, cl. 78, fasc. 152.

2 Arhiva Statului Major al Armatei Italiene.

3 Ibidem.

4 Ibidem.

5 Ibidem.

6 Ibidem.

7 Ibidem.

«В НАШИХ ВОЙСКАХ — НАШЕ БУДУЩЕЕ»

В последнем десятилетии прошлого века и с первых лет нашего века, до вступления страны в войну за воссоединение народа, у румынского общественного мнения тех, кто прожил в пространстве между Дунаем и морем, великий идеал осуществления национального объединения был доминирующим. Выражая веру в правильность осуществления этого идеала, печать в Констанце писала, что «живущие за Карпатами румыны» являются «щитом нашего народа, так как борясь за свой язык и закон, они борются за наше братство и за нас. Их борьба справедлива и свята»¹, заверяя своих читателей, что «Недалек тот день, когда настанут ясные дни для румынского народа и жизнерадостное солнце свободы взойдет над степями Трансильвании, как и над степями свободной Румынии»². Печать Тульчи, в свою очередь, отмечала, что «мы — те, кто трепещет от желания в душе за осуществление дорогого всем

румынам идеала, и мы плачем от боли и вздрагиваем нашей душой, когда слышим стоны от боли, которые доходят до нас из прекрасной Трансильвании и Буковины, опустошенных от всего самого прекрасного»³.

Накануне начала первой мировой войны и в годы нейтралитета (1914—1916) румынская трансдунайская печать в самой высокой степени способствовала поддержке патриотических чувств в рядах населения. Кроме частых сообщений и комментариев о положении румын в находившихся под иноземным господством провинциях, печатались призывы и списки подписей для моральной и материальной помощи трансильванским и буковинским братьям, опубликовывались воодушевляющие и полные ободрения статьи. В Констанце даже выходит в свет публикация под наименованием «*România Mare*» («Великая Румыния») (1913—1916) — первая в стране под таким символическим и программным названием. В статье-программе журнал писал: «Впредь весь румынский народ будет иметь только одно желание, одну мысль, одно суждение: Великая Румыния Воссоединение древней Дакии... В школах, церквях, в казармах, в печати, везде со всем пылом должен проповедываться этот девиз. Особенно печать — отмечали со всей справедливостью публицисты патриоты в Констанце — должна сыграть самую прекрасную роль»⁴. В том же первом номере, в статье под названием «Венгры чувствуют приближение своего конца», указывается, что «Нас (румын — прим. ред.) не пугает смерть, нас вывели из терпения страдания наших братьев, поэтому мы с радостью возьмем оружие в руки, чтобы навсегда прекратить эти страдания»⁵. Отмечая, что «В воздухе что-то витает, мы все что-то чувствуем, о чем мы отдаем себе отчет и не называем, но мы чего-то ждем, что в любой момент может возникнуть», редакционная статья в первом номере указывает, что «недалек тот день, когда искра вспыхнет и тогда... тогда на пути не будет никакого препятствия. Но этот знаменательный момент должен заставить нас приготовленными, чтобы все мы, в одном движении, с одной мыслью пошли на великую битву. Теперь — продолжал журнал — все наши братья накопили новые силы, мужество и очень надеются на нас — тех, кто свободен. Наш долг — не разочаровать их, не отчаивать их, а наоборот укрепить их чувства, чтобы ожидание не казалось им слишком долгим и тяжелым. И ожидание не будет казаться им слишком долгим и тяжелым,

СВИДЕТЕЛЬСТВА

когда они увидят, что мы все трудимся для их освобождения».

Необходимо отметить, что с точки зрения констанцского журнала начало первой мировой войны является роковым моментом в истории Европы, так как «В век света и цивилизации, несколько несознательных цивилизаций, несколько несознательных честолюбцев, с огромным хладнокровием ставят под опасность тысячи и тысячи человеческих жизней, подготавливая ужасную трагедию, как самый умелый театралный режиссер»⁶. Но в то же время — перед началом событий и в единстве с ними — «Необходимо воодушевлять массы и пробудить их сознание о своем долге. Тогда, когда пробьет час защиты родины и завоевания достижения наших предков...»⁷. Для Добруджанских патриотов вступление Румынии в войну определялось исключительно осуществлением национального идеала, как, впрочем, думала и чувствовала вся страна; под названием «Пусть соберутся войска», ясно указывается, что «Мы вступим в действия не в интересах какого-либо уже существующего государства: мы не сделаем этого ни для немцев, ни для русских, а только в интересах румынского народа». Таким образом, общественному мнению была представлена идея о том, что осуществление национального единства зависело только от самого румынского народа: «Мы должны привыкнуть к мысли о том, что мы можем и мы возвысимся нашими силами, без ничьей помощи. Только нашими силами. Это — наш девиз»⁸.

И другие добруджские газеты выступали за осуществление национальных стремлений румын. В статье под названием *Немецкая опасность*, опубликованной летом 1916 года, указывалось, что «Спустя два года можно сказать, что единственной актуальной и будущей опасностью для нас и для всего мира, является ненасытный прусский империализм, пангерманизм». Перед лицом империалистической экспансии особенно ясным становился вывод: «Мы должны суметь принять участие в этом деле защиты Европы и принять все меры для того, чтобы избежать в будущем подобной опасности. Для этого мы должны укрепиться создать Великую Румынию, присоединив к нашей стране румын, находящихся под гнетом венгров и австрийцев, и стать хозяевами в нашей стране, еще больше укрепляя политические и экономические основы Румынии»⁹. В свою очередь одна газета в Тульче писала в 1915 году в статье под названием *Час бдения*, выявляя роль армии в завершении национального единства:

«Мы хотим, чтобы час бдения хранил свое доблестное величие, незапятнанное никаким сомнением. Чтобы завтра, духовно объединенная, движимая одним и тем же идеалом армия, с верой в справедливость и победу своего дела выступила за Карпаты; душа народа, который завтра станет армией, не должна быть отравлена сомнениями» потому что «в ожидании часа жертв, опираясь на меч, Румыния постоянно будет направлять свой взгляд на Трансильванию»¹⁰.

С первого номера, вышедшего 22 ноября 1915 года, таким же патриотическим духом дышит и газета «Варда», которая с 7 февраля 1916 года стала называться «Victoria» («Победа»), так как «Victoria» будет символом нашей борьбы». На ее страницах будут заклеены социальная вражда, спекуляция, вражеские действия австро-немецких агентов, внушалась вера в победу союзников, но надеждой осуществления национальных стремлений была румынская армия: «Да, мы довольны нашими союзниками, тем более, что мы их видим в любой момент; равно как в наших войсках — наше будущее, в их силе и в силе наших войск сверкает святая победа»¹¹. Впрочем, австро-венгерский консул в Констанце знал уже в 1913 году, что и граждане, и члены офицерского корпуса открыто говорят о «ближком разделении австро-венгерской монархии, которая, по их мнению полностью распадалась», если «каким-нибудь образом неизбежная революция румын в Трансильвании и Буковине не приведет ее непосредственно к распаду»¹².

В то же время увеличивается число мобилизующих статей, выявляющих патриотизм и преданность румынской армии; «Святая икона страны: армия»¹³, так называется одна большая статья, в то время, как другая статья «Прославим нашу армию!», напечатанная в газете в Тульче писала: «Не знаю, есть ли в мире какая-либо армия, достойная такой славы, как румынская армия. Она завоевала право на эту славу своей доблестью, которой она всегда обладала»¹⁴.

Летом 1916 года, когда все яснее становился момент вступления Румынии в войну за осуществление национального единства, отражение на страницах добруджской печати климата, при котором ожидалось событие, выявляла состояние патриотического духа румын в этой части страны. В статье под названием «Мы вступаем в действия» газета «Victoria» в Констанце отмечала, лишь за месяц до начала опе-

раций по освобождению Трансильвании, что «Все, абсолютно все, что происходит в Бухаресте в рядах дипломатов, на наших границах внутри и вне их, в рядах армии, в поведении короля и правительства, обилие прибываемых боеприпасов и многого другого, ясно говорят о том, что сегодня, завтра илз вскоре мы вступим в действия вместе с союзниками. Почти нет человека, даже г-н Маргилломан убежден в этом. Мы еще больше, настолько убеждены в этом, что уже теперь свято приветствуем наше вступление в войну за выполнение векового национального идеала»¹⁵. Несколько дней позже, в статье под названием «Слухи о мобилизации» указывалось, что «Румынская армия мобилизована душой и телом с самого начала войны. Так что тогда, когда зазвучат трубы о выступлении — об этом не будет известно за недели и месяцы раньше — а все будет сделано в одну ночь, когда взойдет полная луна и когда часы судьбы румынского народа пробьют наш час»¹⁶.

И «Наш час» пробил в середине августа 1916 года, когда страна вступила в «великую битву» за восстановление единства своего народа и своей территории. В этот исторический момент газета «Dacia» («Дакция») в Констанце сообщала на целой странице решение правительства: «Румыны, мы идем на тяжелую и кровавую битву. Битва будет большая, но тем больше будет наша слава».

Доверимся потомкам курканов * 77 года и воскликнем:

Да здравствует румынская армия!

Да здравствует «Великая Румыния»!¹⁷

* Куркан (индюк) — прозвище румынских пехотинцев в войне 1877—1878 гг.

1 „Răvaşul nostru“, nr. 2—3/1906, p. 46.

2 „Conservatorul Constanţei“, 15/1910.

3 „Lupta“, V, nr. 9, 20 iunie 1915, p. 1.

4 „România Mare“, nr. 1/1913, p. 1.

5 Ibidem, p. 2.

6 Ibidem, I, nr. 7—8, iulie 1914, p. 1.

7 Ibidem, I, nr. 5—6, iunie 1914, p. 1.

8 Ibidem, II, nr. 36, 2 mai 1915, p. 1.

9 „Liberalul Constanţei“, 40/1916, p. 2.

10 „Conştiinţa“, nr. 11/1915, p. 1.

11 „Victoria“, 158/1916, p. 1.

12 Apud, T. Pavel, *Mișcarea românilor pentru unitate națională și diplomația Puterilor Centrale (1894—1914)*, Editura Facla, Timișoara, 1982, p. 247.

13 „Victoria“, 17/1916, p. 1.

14 „Dunărea de jos“, 15/1915, p. 1.

15 „Victoria“, 124/1916, p. 1.

16 Ibidem, I, nr. 136, 28 iulie 1916, p. 1.

17 „Dacia“, 133/1916, p. 1.

«МОЯ ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ МОЕМУ НАРОДУ»

25 декабря, в тот год, когда наш народ закреплял мужество и любовь к свободе на поле боя в войне за независимость (1877—1878), в селе Вейфуя, уезда Бихор, родился Иоан Чнордаш (Чурдарну), который должен был стать борцом за национальную и социальную справедливость румын в провинциях, подчиненных Австро-Венгрии.

Защитник справедливости на судебных процессах, что принесло ему, как адвокату, в Сэтмар, известность, д-р И. Чнордаш устремился в героическую борьбу за утверждение права на существование румынского населения, предпринимает мероприятия, имевшие социальный и экономический характер в помощь угнетенным, тем, кто представляет большинство; а именно создает банк «Дрэганул», книжный магазин и румынскую типографию в Бейюше, усиливает деятельность общества «Лира» — зачинателя румынского хора, румынского дома культуры «Касина» и филлала «Астры» в Бейюше. В апреле 1907 года он организовал в Бейюше собрания протеста против закона Аппони, и подготовил д-ру Василе Лукачичу победу в выборах в парламент в Будапеште. Д-р Иоан Чнордаш боролся за введение преподавания на румынском языке в лицее Бейюша и за издание румынского журнала в том же городе (журнал выйдет в свет в год его смерти). Он выступил и боролся против насильственной венгеризации и католизации румын и эти действия вызывали смертельную ненависть венгерских шовинистов, в числе которых находился и печальной известности граф Шт. Тизса.

12 октября 1918 года он участвовал вместе с Василе Голдишем, Штефаном К. Поп, А. Вайдой-Воевод и А. Лазэром в историческом собрании в Оради, когда был создан Румынский Национальный Совет, и стал председателем секции в районе Бейюш. По указанию Румынского Национального Совета, он организовал Румынскую Национальную Гвардию, которая защищала порядок и спокойствие в условиях революционных волнений, предшествовавших Великому Объединению румын от 1 декабря 1918 года.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Участвуя, как представитель Бейюша, в Великом Собрании в Алба Юлии, д-р И. Чиордаш был избран в Высший Национальный Совет. Но он не дожид до дня полного освобождения Бейюша, потому что 3 апреля 1919 года он был взят из своего дома бандой секуйских террористов и коварно убит, вместе с другими руководителями румынского движения в зоне Бейюша. Оставалось еще несколько дней до прихода румынской армии-освободительницы. Высеченные на посвященном памяти героя памятнике слова — «Моя жизнь принадлежит моему народу» — утверждают навеки жертву этого героя, свидетеля Великого и вечного Объединения*.

ПОБЕДА В БЕЙЮШЕ — ЭТО ПОБЕДА ВСЕГО НАРОДА

27 августа исполнился 81 год победы одного румына в законодательных выборах

* В период 1940—1944 гг. памятник был уничтожен и исчез.

для парламента в Будапеште. Это был д-р Василе Лукачиу, депутат города Бейюша и его окрестностей. Здесь, еще с 1828 года был создан в румынских провинциях на севере от Карпат первый лицей, в котором преподавание велось на румынском языке. За несколько месяцев до этого, 14 апреля того же года, состоялось собрание протеста против бесчеловечного закона Аппони; против этого собрания власти выступили «проливая кровь», как писала «Трибуна». Здесь было много героев Меморандума и Великого Объединения 1918 года. Город Бейюш — место, где д-р Василе Лукачиу добился подлинного триумфа, а вместе с ним представляющее большинство все румынское население. В газете «Лунта» («Борьба»), которая печаталась в Будапеште, в № 169 от 18 июля д-р Иоан Чиордаш (Чурдарну) написал статью «К избирателям в Бейюше».

«Глаза всех румын смотрят на вас, избирателей избирательного округа Бейюш-Вашкэу!

Народ, насколько прекрасный и добрый, насколько крепкий и трудолюбивый, и настолько измученный и потерявший надежды! Вашим учителем и защитником подлинного пути будет тот, кто возьмет на свои плечи тяжелые обязанности, которые дают на нас, и страдания, которые иссушают ваши силы... Это будет знак, который вы узнаете!»

И впервые в истории этих мест, 4 ноября 1918 года было поднято румынское трехцветное знамя. Оно победно развевалось на доме И. Чиордаша — ныне музее, как это видно на левой стороне фотографии. На переднем плане — памятник представляет «Мучеников за Объединение 1918 года», И. Чиордаша, Н. Болкаша.

Маневры дуалистского режима в пользу кандидата Кардоша (в избирательных списках был фальшиво указан Василиу Лукачиу, чтобы ввести в заблуждение избирателей, возникновение пожара, чтобы дезорганизовать выборы, на дом Иоана Чиордаша было совершено нападение и дом был забросан камнями, так как он стал избирательным участком для кандидата д-ра Василе Лукачиу, другие беспорядки и насилия, целью которых, якобы, было вмешательство жандармов и затем приостановления выборов) дали промах. Все. Камень, брошенный в избирательный участок, где находился Василе Лукачиу, попал в Виору Чиордаш из Бихора, дочь меморандиста Василе Игната, поэтессу и общественного деятеля. Виора сказала:

«Когда враг нападает на женщин, его дело проиграно!» И она была права. Ее слова подтвердились. Д-р Василе Лукачиу был избран большинством в 804 голоса. Таким образом, подавляющий успех. Победа В. Лукачиу в Бейюше считалась победой всего народа, шагом вперед к утверждению национального существа румынского населения, постоянно представлявшего большинство, на древней земле Бихора.

ЖЕРТВЫ В БОРЬБЕ ЗА ВЕЛИКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РУМЫН

Была весна 1919 года. Бихор еще находился под венгерской оккупацией; известно, что эта древняя румынская область была присоединена к Венгрии в течение полувека, несмотря на историческую действительность, в результате анахроничного решения законодательного собрания, избранного при применении феодального закона 1734 года. Как констатирует известный и эрудированный французский историк Генри Гэдоз (1842—1932) в труде, опубликованном в «Ревю дё Пари» 15 мая 1894 года — этническое положение на севере от Карпат явно противоречило этой венгерской аннексии, так как *«вся восточная часть Венгрии — румынская, не только Трансильвания, но и комитаты в западной части Трансильвании»*. Действительно, на этой территории *«существует румынская нация, которая сформировала широкий, плотный круг повсюду, за исключением центра»*, где *«видна группа секуев... и несколько островков немецкого населения, называемого сассаи, которые происходят от колонистов, призванных королями Венгрии в XII и XIII веках. Все остальное — румынское от Черного моря до равнин Венгрии и от Днестра до Дуная; но эта обширная территория была разделена историей и честолюбием великих держав»*. Таким образом, этих румын *«только политическая граница отделяет от их братьев в королевстве Румынии»* (стр. 3—4). Историк был убежден, что *«воссоединение в единое государство румынских земель... было бы возможным... после распада австро-венгерской империи»* (стр. 19). Это и произошло, в 1918 году, в результате законного решения грандиозного плебисцитного собрания в Алба Юлии. Но до апреля следующего года бихорские румыны продол-

жали переносить невообразимые страдания, так как венгерские реакционные власти, используя вооруженные банды, созданные из бывших военных имперской армии, усилили террористические действия и совершали ужасные убийства. Тюрьма и ужасные пытки, завершающиеся убийством румын — это был «ответ» тех, кто считал, что может повернуть необратимый ход истории. Мы находим доказательства и в архиве (фонд Бихор, досье 3/II, стр. 367—368).

Как адресованный миру крик боли, слова на этих страницах потрясающие. О чем они говорят? О том, что до 1918 года д-р Иоан Чиордаш вместе с д-ром Николае Болкашем — оба из Бейюша — *«шли из села в село в уезде Бихор, где тайно готовили население к великому делу, которое должно было быть осуществлено»*. И, действительно, Великая Историческая Справедливость свершилась, в 1918 году, благодаря разуму и действиям румын. Вернувшись домой — утверждает документ — они пострадали за «святое национальное дело», так как венгерские оккупанты совершили неопишемые зверства. В Бейюше, например, 42 румына были сожжены заживо венгерскими солдатами, руководимыми Урманки Нандором. Другой пример: *«капитан Вербёкзи и лейтенант Урмои, которые командовали войсками в районе Вашкэу... арестовали в ночь с 2 на 3 апреля д-ра Чиордаша и д-ра Николае Болкаша и перевезли их специальным поездом из Бейюша в Лунку (вблизи Вашкэу — прим. ред.) где после ужасных, изувечивших их пыток, закопали их за селом, в глубине огорода, принадлежавшего жителю Николае Хосану, на берегу реки Вэрзарь»*. Это было 4 апреля 1919 года. Через несколько дней прибытие румынской армии положило конец угнетению.

Теперь, спустя 70 лет после Великого Объединения, за которое отдали свою жизнь столько наших предшественников, и мы произносим призыв, высеченный на памятнике, увековечившем подвиг этих героев: *«Славьте мучеников, боровшихся за освобождение от рабства и за воссоединение народа, чтобы их кровавая жертва оставалась в памяти навеки вечных»*.

■ Собрание статей выполнено АНДРЕЕМ БУСУЙОЧАНУ майором ГЕОРГЕ ВАРТИК, АУГУСТИНОМ КИРИЛЁ, д-ром ДУМИТРУ ЗАХАРИЯ, ШТЕФАНОМ ЛАСКУ, подполковником И. К. ПЕТРИШАН, КАПИТАНОМ III-го ранга ИЛИЕ МАНОЛЕ.

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В А

Хельсинки: 30 мая—5 июня 1988 года XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Майор д-р МИХАИЛ Е. ИОНЕСКУ

Финская Комиссия по военной истории организовала в Хельсинки (между 30 мая и 5 июня 1988 г.) XIII международный коллоквиум по военной истории. Делегаты 25 стран, входившие в состав Международной комиссии по военной истории, обсудили две больших темы: а) *Влияние политических и военных сведений верховного главнокомандования на стратегические и операциональные решения в Европе во время второй мировой войны;* б) *Переходной период и перспективы развития тактики наземных войск середины XVIII века до начала XIX века (1750—1830 гг.).*

Представленные сообщения и состоявшееся дебаты выявили сложную историческую проблематику, такую как: основная роль сведений, их правильной интерпретации и быстрый их передачи высшим эшелонам в своевременном принятии оптимальных решений на стратегическом и операциональном уровне; особое значение дешифровки западными союзниками секретных сообщений противника (операции «Ultra» и «Magic»); перемены в области тактики во время и после войн в эпоху Наполеона; развитие военной мысли в период 1750—1830 гг. и организационное моделирование вооруженных сил и т.д.

Румынская комиссия по военной истории представила два сообщения: *Роль информационных данных в 1943—1944 гг. в принятии решения о вступлении Румынии в войну против Германии*, автор генерал-лейтенант д-р Илие Чаушеску, и *Регулярная армия или «вооруженная нация»: случай частей румынских добровольцев — 1768—1821 гг.*, автор д-р Михаил Е. Ионеску. Оба сообщения пользовались успехом, было задано много вопросов и сделаны комментарии во время дебатов. Таким образом, был выявлен важный вклад нашей страны в победу над фашизмом, было поставлено ударение на суверенном, незави-

симом акте от 23 Августа 1944 года и были представлены аргументы, поддерживающие утверждение, что своими военными усилиями Румыния сократила длительность войны не менее чем на 200 дней. В то же время был выявлен тот факт, что в первой стадии «века революций современной истории» Румынии, начавшегося народной революцией 1784 года, дебаты о природе и структуре воинского организма дали в конечном итоге румынский оригинальный «ответ», соответствующий историческим традициям и конкретно-историческим обстоятельствам (экономический потенциал, враждебность соседних держав к борьбе румынского народа за политическое единство и независимость и т.д.). «Ответ» конкретизировался в формировании частей добровольцев, которые приготвили кадры для современной регулярной армии.

Во время работ коллоквиума в Хельсинки состоялись также заседания бюро Международной комиссии по военной истории, на которых обсуждались аспекты связанные с организацией международного съезда по военной истории в Мадриде (август 1990 г.), а также и проекты, касающиеся издания журналов по военной истории при международном сотрудничестве (специальные номера Revue Internationale d'Histoire Militaire, посвященные военным музеям присоединенных национальных комиссий или проблематике периода между двумя мировыми войнами).

Коллоквиум проходил под покровительством президента страны и при значительной поддержке министерства воспитания и министерства обороны; финские хозяева обеспечили полный успех работам коллоквиума и еще раз была выявлена польза обмена мнениями, как основного рычага взаимного ознакомления в интересах мира и международного сотрудничества.

РУМЫНО-ИТАЛЬЯНСКИЙ КОЛЛОКВИУМ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Город Милан был хозяином важного научного мероприятия — международного коллоквиума на тему «Румыния и Италия, 1943—1947 гг. За параллельную историю». Коллоквиум был организован хозяином — Центром по изучению и исследованию современной Европы (Ce.S.R.E.C.) — при участии некоторых представителей Румынской комиссии по военной истории; на коллоквиуме присутствовала публика, состоявшая из университетских кадров, исследователей, студентов и журналистов.

На этом научном мероприятии румынская делегация представила сообщения: «От Каира до Стокгольма. Румыния между великими державами в 1944 году» (д-р Флорин Константиу), «Вклад Румынии в разгром нацистской Германии» (майор д-р Михаил Ионеску) и «Румыния на мирной конференции в Париже» (капитан Илие Скипор), а итальянская сторона представила сообщения: «Итальянское сопротивление: миф и действительность» (посол Эдгардо Соньо) и «Италия на мирной конференции в Париже» (д-р Серджио Килле — Миланский университет).

Работами коллоквиума руководили д-р Риккардо Ранци и д-р Лауро Грасси — председатель и, соответственно, генеральный секретарь Ce.S.R.E.C., который является исследовательским институтом, проявившим себя благодаря работам по междисциплинарному анализу эволюции нашего континента в современную эпоху. Сообщения и дебаты выявили новые аспекты, касающиеся военно-политиче-

ского развития Румынии и Италии в последней части второй мировой войны и до завершения Мирной конференции. Румынская делегация представила и убедительно аргументировала роль руководимых партией национальных демократических сил в выводе страны из антисоветской войны и в присоединении ее к коалиции Объединенных Наций, особый вклад нашего народа в разгром Германии и ее союзников, в сокращение продолжения мировой войны приблизительно на 200 дней и в достижение окончательной победы, а также особенности и вовлечения заключения Мирного Договора от 10 февраля 1947 года.

Хозяева выявили некоторые новые аспекты, касающиеся организации и действий итальянского сопротивления во время последней мировой войны, анализировали контекст и благоприятные последствия, вытекавшие из достижения Италией статуса совоюющей страны.

Интерес, проявленный публикой к румынским сообщениями и к нашей национальной истории, отклики, которые это научное мероприятие имело в итальянской печати (*Corriere della sera*, *La Repubblica*) и в других средствах сообщения, демонстрируют престиж, которым пользуется наша страна и наша современная историография на всех меридианах земного шара и выявляют необходимость развития научного диалога как средства ознакомления и сближения между всеми народами всего мира.

■ Капитан ИЛИЕ СКИПОР

Обложка I: Великое Национальное Собрание в Алба-Юлии, 1 декабря 1918 г.

Обложка IV: Героизм и самоотверженность в войне за освобождение и национальное воссоединение.
Бухарест. Триумфальная арка.

● The work of the RCP, General Secretary Nicolae Ceaușescu about the legitimacy of the Great Union of 1918. ● The truth, probity and dignity of history. ● The union before union. The Gêto-Dacian state, a remarkable historical reality in the European antiquity. The Daco-Roman synthesis: unity, continuity and perenniality. The Romanian people, unique and unitary on both sides of the Carpathians and the Danube, inheritor of the lofty traditions and virtues of its glorious forefathers. The state unity in the Romanian mediaeval political consciousness and action (the 9th—16th centuries). Michael the Brave, „Restitutor Daciae”. National unity — major goal of the political platforms in the century of the revolutions. The Romanians' resistance in face of foreign pressure, immixture and oppression. ● 1918. The Great Union of the Romanians — The Great Historic Justice. Union for all centuries. 1918, the year of the objective assertion of the nations' inalienable right to a free, independent development. The Great Union of 1918, the work of the entire Romanian people. In the Romanian national guards in Transylvania, „fighters for peace and liberty, for language, traditions and motherland”. ● Testimonies. ● The international acknowledgement of the 1918 Romanian Great Union. ● Fundamental truths of national history. The Romanians' union in 1918, the accomplishment of an objective historical law, momentous event of world history ● Groundworks of national military doctrine. The entire nation's consensus in the fight for the defence of the Romanian unitary nation-state in 1919. ● Great battles. Posada, 9—12 November 1330. Kulikovo, 8 September 1380 ● Great commanders ● Monuments of Union. ● Clarificative s. Attitudes. Forgeries and denigrations cannot change the inexorable historical reality of the 1918 Romanian union. Horthy's rehabilitation? ● From the activity of the Romanian Commission of Military History. Helsinki. 30 May. — 5 June 1988. The 13th International Colloquy of Military History. The Romanian-Italian colloquy of compared history. ●

● L'œuvre du secrétaire général du P.C.R., le camarade Nicolae Ceaușescu, sur le légitimité de la Grande Union de 1918 ● La vérité, la probité et la dignité de l'histoire ● L'union d'avant l'union. L'Etat géto-dace, une réalité historique remarquable de l'antiquité européenne. La synthèse daco-romaine: unité, continuité, pérenité. Le peuple roumain unique et unitaire d'une part et de l'autre des Carpates et du Danube, héritier des grandes vertus et traditions de ses glorieux précurseurs. L'unité étatique dans la conscience et l'action politique médiévale roumaine (les siècles IX—XVI). Michel le Brave, „Restitutor Daciae”. L'unité nationale — objectif principale dans les programmes politiques du siècle des révolutions. La résistance des Roumains face à la pression, de l'immixtion et l'oppression étrangère ● 1918. La Grande Union des Roumains — La Grande Justice historique. Union pour tous les siècles ● 1918, l'année de l'affirmation objective du droit inaliénable des nations au développement libre indépendant. La Grande Union de 1918, l'œuvre du peuple roumain. Les gardes-nationales roumaines de Transylvanie, les „combattants pour la paix et la liberté, pour la langue, la loi et le pays” ● Témoignage ● La confirmation internationale de la Grande Union roumaine de 1918 ● Vérités fondamentales de l'histoire nationale. L'union des Roumains de 1918, l'accomplissement d'une légité historique objective, événement important de l'histoire universelle ● Fondements de la doctrine militaire nationale. Le consensus de la nation toute entière dans la lutte pour la défense de l'Etat national unitaire roumain de 1919. ● Grandes batailles. Posada, 9—12 novembre 1330. Kulikovo, 8 septembre 1380 ● Grands commandants. ● Les monuments de l'Union ● Attitudes. Le faux et le dénigrement ne peuvent pas modifier la réalité historique inexorable de l'union roumaine de 1918. La réhabilitation de Horthy? ● Le livre d'histoire ● De l'activité de la Commission Roumaine d'Histoire Militaire. Helsinki. 30 mai — 5 juin. 1988. Le XIII Colloque International d'Histoire Militaire. Le Colloque italo-roumain d'histoire comparée ●

● Das Werk des Generalsekretärs der Rumänischen Kommunistischen Partei, Genosse Nicolae Ceaușescu, bezüglich der Legitimität der Grossen Vereinigung von 1918 ● Die Wahrfähigkeit, die Integrität und die Würde der Geschichte ● Die Vereinigung vor der Vereinigung: Der getisch-dakische Staat, bemerkenswerte historische Realität im europäischen Altertum. Dakisch-römische Synthese: Einheit, Kontinuität, Dauerhaftigkeit. Das rumänische Volk: ein einziges und einheitliches Volk beiderseits der Karpaten und der Donau, der Erbe der hochstehenden Tugenden und Traditionen seiner rumänischen Vorfahren. Die staatliche Einheit im Bewusstsein und in der politischen Handlung der Rumänen im Mittelalter (IX—XVI Jh.). Michael der Tapfere, „Restitutor Daciae”. Die nationale Einheit — hauptsächlich Ziel in den politischen Programmen des „Jahrhunderts der Revolutionen”. Der Widerstand der Rumänen gegen den Druck, die Einmischung und Unterdrückung der fremden Mächte ● 1918: Die Grosse Vereinigung der Rumänen — die Grosse Historische Gerechtigkeit. Vereinigung für Ewigkeit. 1918, das Jahr der objektiven Durchsetzung des unveräußerlichen Rechtes der Nationen auf selbständige, freie Entwicklung. — Die Grosse Vereinigung von 1918, das Werk des ganzen rumänischen Volkes. In den rumänischen Nationalgarden Transsilvaniens, die Kämpfer für Frieden und Freiheit, für Sprache, Gesetz und Boden ● Bekenntnisse ● Die internationale Bestätigung der Grossen Rumänischen Vereinigung von 1918 ● Grundlegende Wahrheiten der nationalen Geschichte ● Die Vereinigung der Rumänen von 1918: Erfüllung einer objektiven historischen Gesetzlichkeit, ein bedeutendes Ereignis in der Weltgeschichte ● Grundlagen der nationalen Militärdoktrin. Die Einheit der ganzen Nation im Kampf für die Verteidigung des einheitlichen rumänischen nationalen Staates von 1919 ● Grosse Schlachten. Posada, 9—12. November 1330. Kulikovo, 8. September 1380 ● Grosse Kommandanten ● Die Denkmäler der Vereinigung ● Klärungen. Stellungnahmen Die Verfälschung und die Verleumdung vermögen die unerlöschliche historische Realität der rumänischen Vereinigung von 1918 nicht ablösen. Eine Rehabilitierung Horthys? ● Das Geschichtsbuch ● Aus der Tätigkeit der Rumänischen Kommission für Militärgeschichte. Helsinki. 30. Mai. — 5. Juni 1988. Das XIII. Internationale Kolloquium der Militärgeschichte. Das rumänisch-italienische Kolloquium der vergleichenden Geschichte ●

- ВЫХОДИТ под эгидой Румынской комиссии по военной истории — приложение к журналу ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ
- АДРЕС: Румынская комиссия по военной истории, Бухарест, ул. Друмул Таберий, 5—7, сектор 6, телефон 81-80-44
- ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧИТАТЕЛИ могут подписаться на журнал через РОМПРЕС-ФИЛАТЕЛИЯ — Отдел экспорт-импорт прессы, Бухарест, Каля Гривичей, 64—66, сектор 1, п/я 12-201, телекс 10876

Редакторы:

- СИМИОН БОНКУ
- ГЕОРГЕ ВАРТИК
- БУДЖЕН КЫМПАК
- АЛЕКСАНДРУ ДУЖИ
- МИХАИЛ Е. ИОНЕСКУ
- ИОН ЖИАНУ
- ИЛИЕ МАНОЛЕ
- НЕКУЛАЙ МОТИОР
- МИРЧА СОРАНУ

Графическое оформление
и техноредактирование

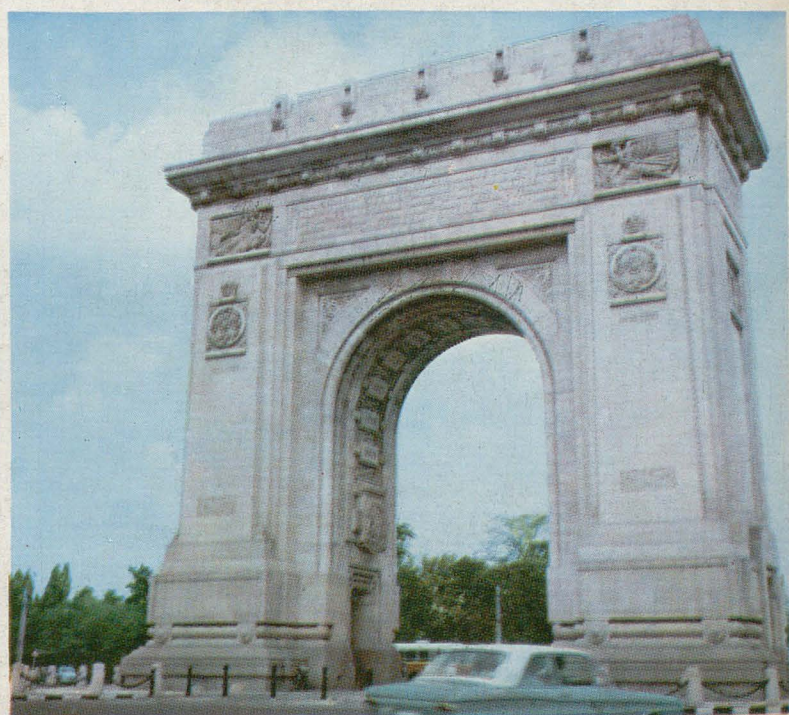
- ЛУЧАН ТЕОДОРЕСКУ

Обложка:

- ФЛОРИН КРЯНГЭ

Иллюстрация:

- ГЕОРГЕ КИРУ
- ВИРДЖИЛ УЛИНГРУ

Отпечатано I.P.

«13 ДЕЧЕМБРИЕ

1918»